2500-3372 (PRINT)
2542-1190 (ONLINE)

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY. SERIES: POLITICAL, SOCIOLOGICAL AND ECONOMIC SCIENCES

VESTNIK KEMEROVSKOGO GOSUDARSTVENNOGO UNIVERSITETA. SERIIA: POLITICHESKIE, SOTSIOLOGICHESKIE I EKONOMICHESKIE NAUKI

ТОМ 8 № 3
2023

ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

том 8 № 3
2023

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки = Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки – национальный научный рецензируемый журнал.

Издается с 2016 года. Выходит 4 раза в год.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ. Журнал относится к категории К2 в соответствии с информационным письмом Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России от 6 декабря 2022 г. № 02-1198 «О категорировании Перечня рецензируемых научных изданий».

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирования.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания: https://vestnik-pses.kemsu.ru

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0 International License.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67376. Выдано Роскомнадзором.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online).

Подписной индекс в интернет-магазине периодических изданий «Пресса по подписке» – 94233.

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6. +7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

16+

© 2023. Кемеровский государственный университет

Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences is a Russian scientific peer-reviewed.

Founded in 2016. Published 4 times a year.

The Journal is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. The journal is included in the K2 in accordance with the information letter of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia dated December 6, 2022 No. 02-1198 "On the category of the list of reviewed scientific publications".

Opinions expressed in the articles published in the Bulletin are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Bulletin is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

All manuscripts undergo a double-blind review.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: https://vestnik-pses.kemsu.ru

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License.

Certificate of registration: PI no. FS 77-67376. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online).

Subscription indices: 94233 – in the online-store of periodicals "Press by subscription".

Founder and publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

Address of the founder, publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

© 2023. Kemerovo State University

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITICAL, SOCIOLOGICAL AND ECONOMICS
volume 8 No 3
2023

Морозова Елена Алексеевна, главный редактор, д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Баранова Инна Владимировна, д-р экон. наук, проф., НГТУ (Новосибирск, Россия).
Бычкова Светлана Михайловна, д-р экон. наук, проф., СПбГАУ (Санкт-Петербург, Россия).
Глушакова Ольга Владимировна, д-р экон. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск, Россия).
Головацкий Евгений Васильевич, д-р социол. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).
Капогузов Евгений Алексеевич, д-р экон. наук, доцент, МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).
Кисляков Михаил Михайлович, д-р полит. наук, доцент, СИУ (филиал) РАНХиГС (Новосибирск, Россия).
Кравченко Сергей Александрович, д-р филос. наук, проф., МГИМО МИД России (Москва, Россия).
Кремер Раймунд, Dr. Hab., проф. Потсдамского университета (Потсдам, Германия).
Мекуш Галина Егоровна, д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Немировский Валентин Геннадьевич, д-р социол. наук, проф., ИНИОН РАН (Москва, Россия).
Нехода Евгения Владимировна, д-р экон. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).
Озерникова Татьяна Георгиевна, д-р экон. наук, проф., НГТУ (Новосибирск, Россия).
Резник Семён Давыдович, д-р экон. наук, проф., ПГУАС (Пенза, Россия).
Силин Анатолий Николаевич, д-р социол. наук, проф., ТИУ (Тюмень, Россия).
Слинкова Ольга Константиновна, д-р экон. наук, проф., БелГУ (Белгород, Россия).
Солодова Галина Сергеевна, д-р социол. наук, проф., ИФПР СО РАН (Новосибирск, Россия).
Суслов Виктор Иванович, д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН, ИЭОПП СО РАН (Новосибирск, Россия).
Удальцова Мария Васильевна, д-р экон. наук, проф., НГУЭУ (Новосибирск, Россия).
Чирун Сергей Николаевич, д-р полит. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).
Шашкова Ярослава Юрьевна, д-р полит. наук, доцент, АлтГУ (Барнаул, Россия).

Elena A. Morozova, Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

EDITORIAL BOARD

Inna V. Baranova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).
Svetlana M. Bychkova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., St. Petersburg State Agrarian University (St. Petersburg, Russia).
Sergey N. Chirun, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Olga V. Glushakova, Dr.Sci.(Econ.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).
Evgeny V. Golovatsky, Dr.Sci.(Sociol.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Evgenii A. Kapoguzov, Dr.Sci.(Econ.), Assoc. Prof., Lomonosov Omsk State University (Moscow, Russia).
Mikhail M. Kislyakov, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Siberian Institute of Management branch of RANEPA (Novosibirsk, Russia).
Sergey A. Kravchenko, Dr.Sci.(Philos.), Prof., Moscow State Institute of International Relations (University) (Moscow, Russia).
Raimund Krämer, Dr. Hab., Prof. at Potsdam University (Potsdam, Germany).
Galina E. Mekush, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Valentin G. Nemirovskiy, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
Evgenia V. Nekhoda, Dr.Sci.(Econ.), Prof.,Tomsk State University (Tomsk, Russia).
Tatiana G. Ozernikova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).
Semen D. Reznik, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Penza State University of Architecture and Construction (Penza, Russia).
Yaroslava Yu. Shashkova, Dr.Sci.(Polit.), Assoc. Prof., Altai State University (Barnaul, Russia).
Anatolii N. Silin, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Tyumen Industrial University (Tyumen, Russia).
Olga K. Slinkova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Belgorod National Research University (Belgorod, Russia).
Galina S. Solodova, Dr.Sci.(Sociol.), Prof., Institute of Philosophy and Law of SB RAS (Novosibirsk, Russia).
Viktor I. Suslov, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Corresponding Member of the RAS, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
Maria V. Udaltsova, Dr.Sci.(Econ.), Prof., Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia).

2500-3372 (print) 2542-1190 (online)
2023 том 8 № 1

Социокультурное и политическое развитие общества

Нормативные и институциональные основы политики формирования духовно-нравственных ценностей молодежи современной России в контексте развития добровольчества
Бочанов М. А., Туркова Е. В. 267

Культура здоровья: концептуализация понятия и перспективы осмысления в медицинской социологии и антропологии
Галкин К. А. 277

Роль сетей крайне правых в культурной войне и международных отношениях в Европе
Гонсалес Седилло Х. И. 284

Понятие *интеграция мигрантов* в российских концепциях миграционной политики: к вопросу о концептуальных основах
Горбунова Е. А. 292

Социально-структурные аспекты глобализации: методологические основы исследования
Мельников Е. Г., Милецкий В. П., Савин С. Д. 301

Экономика и управление: теория и практика

Сравнительный анализ преодоления кризисов 2008 и 2020 гг. развитыми и развивающимися странами
Алехина О. Ф., Плясова С. В., Языкова С. В., Федотова Е. В. 312

Метаморфоза парадигмы государственного управления и новые требования к квалификационным характеристикам госслужащих
Гершанок А. А., Ломоносова Я. Г. 323

Новый подход к координации системы управления трудовым потенциалом предприятия
Полякова Э. И. 334

Пенсионное страхование как институт социальной защиты населения: состояние, проблемы и перспективы
Черней Д. О. 347

Региональная экономика

Влияние бюджетной обеспеченности муниципальных районов на устойчивость развития АПК Кемеровской области – Кузбасса
Арзуманян М. С. 357

Потребительские практики и настроения населения в условиях нестабильности 2020–2022 гг. (региональный аспект)
Белехова Г. В. 366

Развитие регионов России в условиях неопределенности внешней среды
Галиева Г. Ф., Грибок Н. Н., Иода Ю. В., Пономарев С. В. 378

Оценка социальной эффективности системы долговременного ухода за инвалидами и гражданами пожилого возраста в Ставропольском крае
Самофатова К. А. 391

Society: Cultural and Political Development

Legal and Institutional Framework of Youth Spiritual and Moral Upbringing in the Context of Voluntary Work Development in Modern Russia
Bochanov M. A., Turkova E. V. 267

Health Culture: Conceptualization and Perspectives of Understanding in Medical Sociology and Anthropology
Galkin K. A. 277

The Role of Far-Right Networks in Cultural War and International Relations in Europe
Gonzalez Cedillo J. I. 284

Migrant Integration in Russian Migration Policy: Conceptual Framework
Gorbunova E. A. 292

Socio-Structural Aspects of Globalization: Methodological Research Foundations
Melnikov E. G., Miletskiy V. P., Savin S. D. 301

Economics and Management: Theory and Practice

Overcoming Crises of 2008 and 2020 by Developed and Developing Countries: Comparative Analysis
Alekhina O. F., Plyasova S. V., Yazykova S. V., Fedotova E. V. 312

Metamorphosis of the Public Administration Paradigm and the New Qualification Profile of Civil Servants
Gershanok A. A., Lomonosova I. G. 323

New Approach to the Coordination of Enterprise's Labor Potential Management System
Polyakova E. I. 334

Pension Insurance as a Social Security Institution: State, Problems and Prospects
Cherney D. O. 347

Regional Economy

Impact of Municipal Districts' Budgetary Provision on the Sustainability of the Agro-Industrial Complex Development in Kemerovo region – Kuzbass
Arzumanyan M. S. 357

Consumer Practice and Population Sentiment in Conditions of 2020–2022 Instability (regional aspect)
Belekhova G. V. 366

Development of the Russian Regions under Environmental Uncertainty
Galieva G. F., Gribok N. N., Ioda Yu. V., Ponomarev S. V. 378

System of Long-Term Care for the Disabled and Elderly Citizens in the Stavropol Krai: Assessment of the Social Performance
Samofatova K. A. 391

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-3

© 2023. Бочанов М. А., Туркова Е. В.

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Нормативные и институциональные основы политики формирования духовно-нравственных ценностей молодежи современной России в контексте развития добровольчества

Бочанов Максим Александрович
Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, Россия, Орел
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия, Москва
https://orcid.org/0000-0002-0802-1418
max8797@list.ru

Туркова Евгения Валентиновна
Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, Россия, Орел
https://orcid.org/0009-0008-6697-156X

Поступила 28.04.2023. Принята после рецензирования 19.06.2023. Принята в печать 30.06.2023.

Аннотация: Статья посвящена проблеме формирования духовно-нравственных ценностей у молодого поколения. Оценивается роль традиционных институтов воспитания, таких как семья, образовательные учреждения и общественные объединения в процессе формирования и реализации политики духовно-нравственного воспитания детей и молодежи. Особая роль в этом процессе отводится институту добровольчества, который активно развивается в нашей стране. Цель исследования – провести системный анализ нормативной базы и институциональных основ политики формирования духовно-нравственных ценностей молодежи в современной России для выявления актуальной проблематики в этой сфере и последующей разработки мер развития духовно-нравственного потенциала молодого поколения. Институциональный подход позволил выявить основные институты формирования духовно-нравственных ценностей у современной российской молодежи. Системный анализ динамики развития добровольческой деятельности в нашей стране показал результативность этого института в формировании духовно-нравственных ценностей молодого поколения и подчеркнул необходимость развития его потенциала. Авторы приходят к заключению о необходимости активизации мер по внедрению духовно-нравственных ценностей в молодежную среду и конструктивной роли добровольческой деятельности в этом процессе.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание, институты воспитания, молодежь, волонтерство, традиционные ценности, патриотизм, молодежная политика

Цитирование: Бочанов М. А., Туркова Е. В. Нормативные и институциональные основы политики формирования духовно-нравственных ценностей молодежи современной России в контексте развития добровольчества. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 3. С. 267–276. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-3-267-276

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

full article

Legal and Institutional Framework of Youth Spiritual and Moral Upbringing in the Context of Voluntary Work Development in Modern Russia

Maxim A. Bochanov
Central Russian Institute of Management – branch of the RANEPA, Russia, Orel
Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, Moscow
https://orcid.org/0000-0002-0802-1418
max8797@list.ru

Evgenia V. Turkova
Central Russian Institute of Management – branch of the RANEPA, Russia, Orel
https://orcid.org/0009-0008-6697-156X

Received 28 Apr 2023. Accepted after peer review 19 Jun 2023. Accepted for publication 30 Jun 2023.

Abstract: The article is devoted to the problem of youth spiritual and moral upbringing. The authors evaluate the role of the family, educational institutions and public associations in the development and implementation

of youth spiritual and moral education policy. The purpose of the study is to conduct a systematic analysis of the legal and institutional framework of the youth spiritual and moral upbringing policy to identify relevant issues and develop measures for its improvement. The institutional approach makes it possible to identify the main institutions that form the spiritual and moral values of the modern Russian youth. Systematic analysis of the voluntary work development dynamics shows the effectiveness of this institution and emphasizes the necessity to develop its potential. The authors come to the conclusion that it is necessary to intensify measures of spiritual and moral upbringing and that voluntary work has a constructive role in this process.
Keywords: spiritual and moral upbringing, educational institutions, youth, voluntary work, traditional values, patriotism, youth policy

Citation: Bochanov M. A., Turkova E. V. Legal and Institutional Framework of Youth Spiritual and Moral Upbringing in the Context of Voluntary Work Development in Modern Russia. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(3): 267–276. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-3-267-276

Введение

Духовно-нравственное воспитание молодого поколения всегда являлось одной из важнейших задач общества и государства. В данный момент это направление государственной политики находится в числе приоритетных. В условиях происходящего информационного, идеологического и ментального противоборства за сознание молодого поколения России необходимо создать для него ту ценностную основу, на которой молодые люди будут искренне привязаны к своему Отечеству, будут придерживаться присущих ему идеологических и культурных основ.

Духовно-нравственное воспитание является важной составной частью молодежной политики. Во-первых, именно дети, подростки и молодежь будут влиять на развитие государства в ближайшей перспективе. Во-вторых, воспитание эффективнее всего осуществлять в молодом возрасте, ведь ценности и ориентиры молодежи еще не сформированы, молодые люди являются гибкой в восприятии и активной социальной группой.

Цель исследования – провести системный анализ нормативной базы и институциональных основ политики формирования духовно-нравственных ценностей молодежи в современной России для выявления актуальной проблематики в этой сфере и последующей разработки мер развития духовно-нравственного потенциала молодого поколения.

9 ноября 2022 г. В. В. Путин утвердил основы государственной политики «по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В документе дается следующее определение традиционных ценностей: «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство». Нравственные ценности определены в документе как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»[1].

К нравственным ценностям отнесены жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Патриотизм признается одной из общенациональных идей и традиционных ценностей российского общества и является ключевым для государства понятием.

Е. Ю. Левина и А. А. Тимофеев отмечают, что основополагающее влияние на формирование духовно-нравственных ценностей молодого поколения традиционно оказывают различные институты, которые в социологической и педагогической науках именуются институтами воспитания. Это те структуры, которые непосредственно участвуют в процессе воспитания индивида. Каждый из этих институтов обладает собственными характерными особенностями и, в соответствии с определенным этапом взросления, в разной степени влияет на формирование ценностей человека [1, с. 110].

[1] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Указ Президента РФ № 809 от 09.11.2022. *СПС КонсультантПлюс*.

Один из главных институтов воспитания – семья, с самого раннего возраста оказывающая на личность наиболее фундаментальное влияние. Именно внутри семьи на всю дальнейшую жизнь закладываются первоначальные морально-нравственные ориентиры. Д. Ю. Вагин обращает внимание на то, что внутри семейной структуры происходит передача от поколения к поколению как конструктивных, так и деструктивных ценностей. Именно поэтому необходимо создавать условия для достойного существования и оказывать государственную поддержку молодым семьям и семьям с детьми [2].

На следующем этапе воспитания влиятельным институтом становится школа и другие образовательные учреждения. Дети и молодые люди активно социализируются в обществе; посредством учебного процесса и различных сопутствующих мероприятий получают знания об исторических событиях государства и общественной жизни, которые также способствуют формированию нравственных ценностей и личностному развитию [3, с. 48]. На данный момент важным инструментом духовно-патриотического воспитания молодежи является учебный предмет «Разговоры о важном», введенный в учебные планы с 2022 г.

Нельзя не отметить степень влияния общественных организаций на духовно-нравственное воспитание молодежи. По большей части такие организации формируются в ответ на различные социальные запросы, возникающие в обществе, что способствует их интеграции в молодежную среду и конкретизирует направление их деятельности. Общественные объединения помогают молодежи найти ценностные ориентиры, а также позволяют непосредственно проявлять активность в различных областях. Среди подобных организаций можно выделить спортивные, культурные, религиозные, патриотические, волонтерские и т. д.

Особое внимание необходимо уделить недавно сформировавшемуся движению детей и молодежи «Движение первых», направленному на объединение подрастающего поколения и выполнение разнообразных функций по реализации воспитательной работы. Ценности движения согласуются с традиционной духовной ценностью Российской Федерации по сохранению исторической памяти. Деятельность движения, как и использующаяся в нем система наставничества, способствуют популяризации традиционных духовных ценностей среди молодого поколения. Данные методы формируют комплексную полноценную систему воспитания детей и молодежи всех возрастов на всех этапах деятельности.

Можно сделать вывод, что государству необходимо уделять внимание каждому из представленных социальных институтов по отдельности, а также способствовать их консолидации. Помимо этого существует потребность в принятии мер для реализации политики по гражданскому воспитанию молодого поколения совместно с ними [4–8].

Методы и материалы

Для достижения цели исследования использовалась нормативно-правовая база, формирующая основные векторы государственной политики в сфере формирования духовно-нравственных ценностей молодежи в современной России. Были изучены Конституция РФ; Указ Президента РФ № 809 от 09.11.2022 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»; ФЗ № 489-ФЗ от 30.12.2020 «О молодежной политике в Российской Федерации» (последняя редакция); ФЗ № 273-ФЗ от 29.12.2012 «Об образовании в Российской Федерации» (последняя редакция); ФЗ № 135-ФЗ от 11.08.1995 «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве); Распоряжение Правительства РФ № 996-р от 29.05.2015 «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г.»; Всеобщая Декларация Добровольчества[2]. Активно изучались интернет-ресурсы организаций, работающих в сфере молодежной политики.

Институциональный подход позволил выявить основные институты формирования духовно-нравственных ценностей у современной российской молодежи. На основе системного анализа динамики развития добровольческой деятельности в России сделан вывод о результативности этого института формирования духовно-нравственных ценностей и необходимости сконцентрировать внимание на развитии его потенциала.

Результаты

Для более полного понимания сущности рассматриваемого явления стоит обратиться к определениям тождественных понятий *волонтерство* и *добровольческая деятельность*. Несмотря на то, что волонтерство рассматривается нами в контексте воспитания молодых граждан Российской Федерации, нельзя не обратить внимания на международную практику его определения. Самой крупной международной организацией в данной сфере является программа добровольцев Организации Объединенных Наций,

[2] Всеобщая Декларация Добровольчества. URL: https://gov.cap.ru/home/76/gorono/2005/school6/dobrovoldvigenie_3.htm (дата обращения: 10.03.2023).

которая сотрудничает с различными партнерами в целях распространения, популяризации и поддержки волонтерства во всем мире, а также мобилизации волонтеров[3].

Международное определение волонтерской работы в практическом смысле включает в себя «любую неоплачиваемую необязательную деятельность по производству товаров или предоставлению услуг для других» [9]. Также к ней можно отнести организацию гражданской деятельности или содействие участию в ней других людей в том случае, если эта деятельность осуществляется бесплатно и добровольно.

Также существует определение добровольчества как «фундамента гражданского общества» – коллективной или индивидуальной деятельности, осуществление которой позволяет поддерживать общечеловеческие ценности в обществе. Благодаря добровольчеству люди получают возможность реализовать свой потенциал как членов социума. Помимо этого добровольчество позволяет налаживать связи, которые способствуют совместному решению международных проблем [10]. Можно отметить, что в международных определениях большое внимание уделяется процессам глобализации, что является логичным, т. к. посредством международного волонтерства решаются общие и понятные всему человечеству задачи.

С точки зрения российского законодательства, волонтерская деятельность определяется как добровольная деятельность в форме безвозмездного выполнения работ и оказания услуг в соответствии с рядом определенных целей, таких как социальная поддержка и защита граждан, участие в ликвидации последствий стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций, содействие в укреплении мира, дружбы и согласия между народами, содействие просветительской деятельности и многое другое[4].

Также существует законодательное определение непосредственно молодежной добровольческой деятельности как добровольной социально направленной и общественно полезной деятельности молодых граждан без получения материального вознаграждения[5].

Таким образом, оценивая многообразие существующих понятий волонтерской деятельности, можно выделить ряд общих для них черт, а именно:

- деятельная форма осуществления;
- добровольность;
- альтруистическая социальная направленность;
- отсутствие материальной выгоды.

Деятельность органов государственной власти в сфере духовно-нравственного воспитания молодого поколения, в т. ч. патриотического, на федеральном уровне управления можно подразделить на нормативную и практическую.

В российском законодательстве действуют несколько нормативно-правовых актов, регулирующих духовно-нравственное воспитание молодежи. В Конституции Российской Федерации закреплен список традиционных семейных ценностей, отмечается важность сохранения памяти предков и обеспечения защиты исторической правды, патриотизма и гражданственности[6]. Патриотическое воспитание как основа формирования гражданственности молодых людей закреплена в ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»[7] и «О молодежной политике в Российской Федерации»[8].

В «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации до 2025 г.» закреплено, что в сфере воспитания детей формирование высоконравственной личности, разделяющей традиционные для нашей страны духовно-нравственные ценности и готовой к защите Родины, является приоритетной задачей. Также в этом документе дается определение направлений воспитания молодого поколения[9].

Раскрывает понятие традиционных ценностей Указ Президента РФ «Об Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Нормативный акт определяет существующие в данной сфере угрозы и риски и закрепляет основные направления деятельности по их решению[10]. Принятие этого документа было необходимым этапом формирования четкой структуры политической деятельности и дальнейшего развития законодательной базы в сфере нравственного и патриотического воспитания.

[3] Программа добровольцев ООН. *ООН*. URL: https://www.un.org/ru/ga/unv/ (дата обращения: 10.03.2023).

[4] О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве). ФЗ № 135-ФЗ от 11.08.1995. *СПС КонсультантПлюс*.

[5] Об утверждении Основ…

[6] Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). *СПС КонсультантПлюс*.

[7] Об образовании в РФ. ФЗ № 273-ФЗ от 29.12.2012. *СПС КонсультантПлюс*.

[8] О молодежной политике в РФ. ФЗ № 489-ФЗ от 30.12.2020. *СПС КонсультантПлюс*.

[9] Об утверждении Стратегии развития воспитания в РФ на период до 2025 г. Распоряжение Правительства РФ № 996-р от 29.05.2015. *СПС КонсультантПлюс*.

[10] Об утверждении Основ…

Несмотря на разнообразие нормативных актов в сфере молодежной политики, в дальнейшем планируется их совершенствование. Выдвигаются предложения по формированию самостоятельного национального проекта в области молодежной политики и созданию сопутствующего экспертного центра, осуществляющего системный анализ и научно-аналитическое сопровождение данной сферы. Также говорится о необходимости разработки стратегического документа, посвященного реализации молодежной политики на срок до 2030 г., в обсуждении которого должна принимать участие сама молодежь. Становится ясно, что содержательный смысл данных документов будет опираться на национальные идеи, закрепленные в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», соотноситься с их целями и задачами. Применяются, а также планируются к применению меры по реализации разнонаправленных практических задач в сфере нравственного воспитания, имеющих в своей основе проектную деятельность в различных проявлениях.

Одним из направлений проектной деятельности является просветительская работа, организованная Федеральным агентством по делам молодежи («Росмолодёжь»)[11] совместно с Российским обществом «Знание»[12]. В рамках их работы организуются различные просветительские проекты и специализированные мероприятия, направленные на противодействие негативному влиянию, а также воспитание патриотизма в молодых людях за счет повышения их интереса к истории своей страны и информирования о фактах биографии великих исторических личностей, посвятивших свою жизнь служению Отечеству. Среди подобных мероприятий можно выделить просветительские акции, мастер-классы и форумы, в т. ч. марафон «Новые горизонты», в программу которого входит информирование об истории России, современной роли страны на мировой арене и геополитических процессах, а также о новых возможностях молодых граждан в сложившейся ситуации[13].

Особое внимание необходимо уделить таким проектам, как «Университетские смены» и «Больше, чем путешествие», благодаря которым активные молодые люди, а также молодые люди из новых регионов Российской Федерации, могут путешествовать по стране, открывая ее в новых формах и проявлениях, что способствует развитию патриотизма и привязанности к Родине. Также на базе «Движения первых» создан и запущен проект «Мы вместе. Дети», в процессе реализации которого уже проведен ряд акций добровольческой и патриотической направленности. Среди них можно выделить акции «Мы рядом», «Герой моей страны», «Добрые письма»[14].

Важно обратить внимание на проект «Регион для молодых», который представляет собой конкурс программ комплексного развития молодежной политики в регионах и в котором могут принять участие активные молодые люди со своими идеями улучшения данной отрасли управления, предлагая создать необходимую для них инфраструктуру молодежной политики. Несмотря на то, что конкурс направлен на молодежную политику в целом и включает различные ее области, применение такой меры кажется нам достаточно действенным и в сфере духовно-патриотического развития. Молодежь, принимая активное участие в реализации политических акций, нацеленных на работу с ними, чувствует причастность к управлению государством и собственной судьбой, связывает ее со страной, в которой живет и которую стремится сделать лучше для себя и окружающих. Молодые люди, зная, что они являются не только пассивным объектом управленческих решений, но и деятельным субъектом их принятия, определяют свое место в российской действительности, что способствует формированию их связи с государством.

Одним из важнейший элементов просветительского направления в будущем должен стать академический курс по истории и основам российской государственности, который внедряется в школьную и университетскую программы. Посредством данного курса молодое поколение будет получать правдивую информацию о развитии России на всех этапах ее существования в историческом разрезе. Министр просвещения РФ С. С. Кравцов предложил интегрировать темы, посвященные духовно-нравственным ценностям, в школьные курсы младших классов, что должно способствовать воспитанию достойных граждан государства с самого детства[15]. Также отмечается необходимость формирования социально полезного и социально значимого контента в интернете,

[11] Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодёжь). URL: https://fadm.gov.ru/ (дата обращения: 10.03.2023).

[12] Российское общество «Знание». URL: https://znanierussia.ru/ (дата обращения: 10.03.2023).

[13] Просветительский марафон «Новые горизонты». *Российское общество «Знание»*. https://znanierussia.ru/events/prosvetitelskij-marafon-novye-gorizonty-nauka-406 (дата обращения: 10.03.2023).

[14] Мы вместе. *Дети. Движение Первых*. URL: https://xn--90acagbhgpca7c8c7f.xn--p1ai/projects/1 (дата обращения: 10.02.2023).

[15] Тематика духовно-нравственных ценностей может быть интегрирована в ряд предметов начальной школы. *Министерство просвещения Российской Федерации*. URL: https://edu.gov.ru/press/6464/tematika-duhovno-nravstvennyh-cennostey-mozhet-byt-integrirovana-v-ryad-predmetov-nachalnoy-shkoly/ (дата обращения: 09.02.2023).

т. к. молодые люди, включая детей и подростков, являются его активными пользователями. Необходимо не только противодействовать негативному информационному влиянию, но и создавать для молодежи качественную альтернативу, которая будет способствовать духовно-нравственному воспитанию.

Другим направлением деятельности по духовно-нравственному воспитанию является волонтерская деятельность. Добровольчество является важной частью развития молодого поколения, воспитывающей и позволяющей проявить качества, неотъемлемые для гражданина Российской Федерации и члена гражданского общества, а также принять деятельное участие в социальном развитии своего государства [11–14]. Существуют основания относить волонтерство, или добровольческую деятельность, к методам воспитательного воздействия на молодежь, т. к. посредством ее осуществления в обществе решаются важные социальные задачи, а молодым людям прививаются традиционные для российского государства идеи и общечеловеческие ценности, такие как взаимопомощь и поддержка нуждающихся [15–17].

Современную историю развития волонтерской деятельности в РФ можно подразделить на 3 этапа, каждый из которых характеризовался своими особенностями. К первому этапу можно отнести период до 2020 г., когда добровольчество еще не было столь широко распространено. Добровольческая деятельность в большей степени развивалась на местном уровне, в крупных городах, таких как Москва и Санкт-Петербург, а общероссийского движения не существовало. Также до изменений в законодательстве, принятых в 2018 г., понятие *доброволец* относилось конкретно к благотворительной деятельности. Бурный толчок развитию добровольчества дало событийное волонтерство, связанное с проведением в стране заметных международных событий, таких как всемирная летняя Универсиада в Казани в 2013 г., ставшая самой масштабной в истории этого мероприятия; зимние Олимпийские и Паралимпийские игры в Сочи в 2014 г., в организации которых приняли участие более 25 тыс. волонтеров (выразили желание участвовать более 180 тыс. человек); Чемпионат мира по футболу FIFA в 2018 г.

Во второй этап развития волонтерской деятельности входит период, связанный с пандемией вируса COVID-19. Именно в это время был организован всероссийский проект #МыВместе, объединивший множество неравнодушных граждан страны и направленный в первую очередь на поддержку пожилых и маломобильных граждан, а также медицинских работников. В период активной фазы пандемии, с весны 2020 г. по конец 2021 г., помощь волонтеров получили более 7 млн человек[16]. В этот период участие в волонтерской деятельности стало принимать гораздо большее количество людей чем ранее, а само добровольчество стало более системным.

Третий этап развития волонтерства связан с началом проведения РФ специальной военной операции. На данный момент волонтеры проекта #МыВместе выполняют важнейшие функции и задачи, решения которых требуют сложившиеся на данном историческом этапе обстоятельства. Волонтеры проводят гуманитарные миссии по оказанию системной помощи жителям пострадавших территорий по таким направлениям, как помощь в восстановлении жилищ, снабжение предметами первой необходимости, доставка гуманитарных грузов, восстановление памятников культуры, помощь в медицинских организациях (включая психологическую), осуществление программ долгосрочного развития (строительство объектов здравоохранения, образования, культуры, развитие инфраструктуры). Также добровольцы оказывают помощь военнослужащим и их семьям, предоставляют разнонаправленную поддержку переселенцам и беженцам.

Согласно статистике, по данным на 2023 г., почти 88 % всех участников проекта #МыВместе составляют молодые люди в возрасте до 35 лет. Наибольшее количество добровольческих мероприятий посвящено таким направлениям, как *дети и молодежь*, *ветераны и историческая память*. Это в совокупности демонстрирует возрастание патриотических настроений среди молодежи, занимающейся добровольческой деятельностью. Это подтверждается и выводами исследователей [18–23].

Необходимо отметить добровольную социальную мобилизацию населения, направленную на помощь тем, кто оказался в тяжелой ситуации и в данный момент защищает Родину. Активно действуют молодые люди, которые в процессе волонтерской деятельности проявляют такие качества, как гуманизм, милосердие, взаимопомощь и взаимоуважение, что непосредственно является традиционными ценностями Российской Федерации, закрепленными на законодательном уровне. Несомненным плюсом добровольчества является также то, что таким образом гражданское сознание и патриотические чувства людей выражаются в социально-полезной, деятельной форме.

Обращаясь к статистическим данным, важно отметить значительный рост количества организованных волонтеров в Российской Федерации, произошедший

[16] Кириенко рассказал о результатах акции «Мы вместе». *РИА Новости*. URL: https://ria.ru/20211221/aktsiya-1764680337.html (дата обращения: 10.03.2023).

за последние годы. Увеличение этого показателя указывает на стабильное повышение гражданского сознания в нашем обществе в связи с различными факторами влияния (рис. 1).

Именно молодые люди являются движущей силой волонтерского движения РФ, т. к. около 80 % от общего числа добровольцев составляют граждане в возрасте до 35 лет, 46,86 % – граждане до 18 лет[17]. Дети и подростки активно вовлекаются в добровольческую деятельность, с юного возраста проявляя патриотические качества и следуя гуманистическим идеям.

Также представляет интерес динамика проведения мероприятий по различным направлениям добровольческой деятельности (рис. 2).

Количество проводимых в РФ мероприятий волонтерской направленности по всем сферам ежегодно растет. Сохранению исторической памяти, одному из основ патриотического воспитания, также уделяется достаточное внимание, т. к. за 3 года количество мероприятий в данном направлении увеличилось более чем в 5 раз. Исследователями проводится анализ рисков формирования и возможностей мониторинга приверженности российских молодых граждан традиционным ценностям российского общества [24].

Также Центром исследований развития гражданского общества и некоммерческого сектора «Высшей школы экономики» ежегодно проводится опрос населения об их личном участии в волонтерской деятельности. Результаты опроса показывают значительный рост доли добровольцев в связи с проведением специальной военной операции (23 % опрошенных в 2020–2021 гг., 44 % опрошенных в 2022 г.), что демонстрирует повышение уровня патриотизма в обществе. Причем около 30 % участников волонтерского движения осуществляют данную деятельность на постоянной основе.

Заключение

Можно сделать вывод, что добровольчество является динамично развивающимся явлением, выполняющим важнейшие функции по объединению молодых людей, активизации их гражданской позиции, формированию духовно-нравственных ценностей.

Недостаточная поддержка со стороны государства и общества в формировании нравственных ценностей может привести к отсутствию ответственности и самоконтроля у молодых людей. Для развития данного направления в будущем авторами был предложен ряд мер для органов власти.

Во-первых, необходимо создать условия для проведения практики студентов на базах волонтерских центров, социально-направленных некоммерческих организаций, а также благотворительных фондов, что должно способствовать развитию гражданской ответственности. Во-вторых, требуется расширение сети добровольческих организаций и волонтерских центров, а также поддержка их деятельности. В третьих, содействие волонтерству должно быть включено в систему показателей оценки эффективности деятельности властей на муниципальном уровне.

С нашей точки зрения, волонтерская деятельность становится одним из важных институтов духовно-нравственного воспитания молодежи, чему государство активно содействует. Добровольческие начинания способствуют преодолению вышеуказанных угроз и проблемных аспектов в становлении и развитии молодого поколения.

Важно, что воспитание нравственных ценностей не стоит на месте, его реализация совершенствуется. Меры воспитания осуществляются с помощью новейших информационных и коммуникационных технологий, применяются новые проекты и программы. Сплетение традиционных ценностей и благ новейшего времени становится характерным для российского государства и государственного управления.

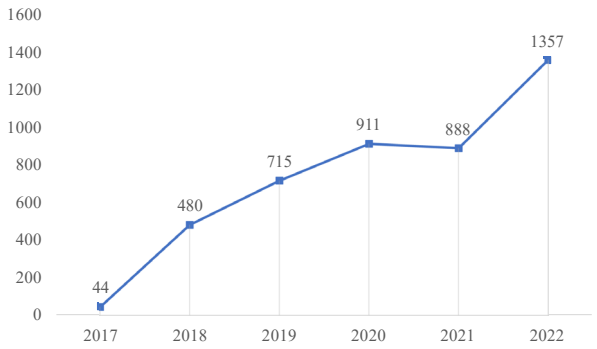

Рис. 1. Количество волонтеров, тыс. человек, 2017–2022 гг.
Fig. 1. Number of volunteers, thousand people, 2017–2022

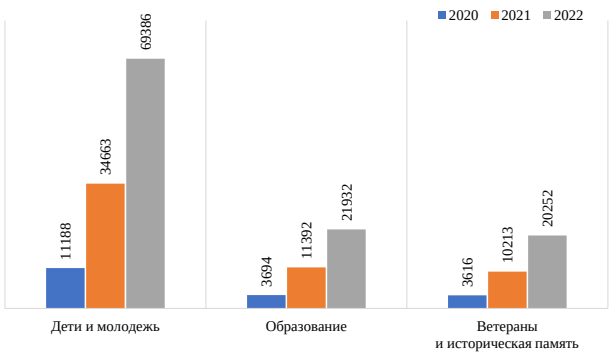

Рис. 2. Количество добровольческих мероприятий, 2020–2022 гг.
Fig. 2. Number of volunteer events, 2020–2022

[17] Аналитика волонтерства. *Dobro.ru*. URL: https://dobro.ru/analytics (дата обращения: 10.03.2023).

На сегодняшний день российская молодежь настроена более патриотично. Согласно исследованиям 2022 г., около 64 % респондентов в возрасте 10–18 лет считают себя патриотами, около 73 % заявляют о желании проживать в России (по сравнению с 59 % в 2019 г.)[18]. Можно сделать вывод, что меры нравственного воспитания молодежи, уже работают. В то же время в условиях существующих внешних влияний необходимо продолжать деятельность в данной сфере.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: М. А. Бочанов – концептуализация, выбор методологии, администрирование, валидация результатов, написание и редактирование статьи. Е. В. Туркова – сбор данных, проверка данных, формальный анализ, создание визуализации, написание чернового варианта исследования.

Contribution: M. A. Bochanov conceptualized the idea, chose methodology, managed the research, collected data, reviewed and edited the article. E. V. Turkova performed formal analysis, validated the results, created visualization, wrote the article draft.

Литература / References

1. Левина Е. Ю., Тимофеев А. А. Теоретические основания педагогического взаимодействия социальных институтов в патриотическом воспитании молодежи. *Казанский педагогический журнал*. 2019. № 6. С. 108–112. [Levina E. Y., Timofeev A. A. Theoretical foundations of pedagogical interaction of social institutions in patriotic education of youth. *Kazan Pedagogical Journal*, 2019, (6): 108–112. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/lgwtdh
2. Вагин Д. Ю. Межпоколенческая преемственность духовно-нравственных ценностей в российском обществе. *Дискуссия*. 2016. № 7. С. 52–58. [Vagin D. Yu. Intergenerational succession of spiritual and moral values in russian society. *Discussion*, 2016, (7): 52–58. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/wjkvhf
3. Шафикова Р. Р. Современная школа как основной институт формирования духовно-нравственного воспитания личности. *Проблемы науки*. 2021. № 8. С. 47–49. [Shafikova R. R. Modern school as the main institution of the individual's spiritual and moral values formation. *Problemy nauki*, 2021, (8): 47–49. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/otirqa
4. Акимова Г. М. Добровольческая (волонтерская) деятельность как форма социальной активности молодежи. *Приоритеты воспитания: историко-культурный поиск и современные практики*: Всерос. науч.-практ. конф. (Воронеж, 19–20 мая 2021 г.) Воронеж: ВГПУ, 2021. Ч. 2. С. 3–8. [Akimova G. M. Voluntary (volunteer) activity as a form of social activity of young people. *Priorities of education: historical and cultural exploration and modern practices*: Proc. All-Russ. Sci.-Pract. Conf. Voronezh, 19–20 May 2021. Voronezh: VSPU, 2021, pt. 2, 3–8. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/vyrasf
5. Леонова О. В., Волкова А. Е. Государственная политика РФ по формированию гражданственности и патриотизма в молодежной среде: социологический и политологический анализ. *Среднерусский вестник общественных наук*. 2021. Т. 16. № 1. С. 175–193. [Leonova O. V., Volkova A. E. State policy of the Russian Federation on the formation of citizenship and patriotism in the youth environment: sociological and political analysis. *Central Russian Journal of Social Sciences*, 2021, 16(1): 175–193. (In Russ.)] https://doi.org/10.22394/2071-2367-2021-16-1-175-193
6. Лыкова Л. И. Формирование патриотического воспитания в рамках молодежной политики Российской Федерации. *Глобальные социальные процессы 4.0: социокультурные трансформации в системе современных обществ*: Четвертая социологическая конференция молодых ученых. (Санкт-Петербург, 16 декабря 2022 г.) СПб: Астерион, 2023. С. 77–83. [Lykova L. I. Patriotic education development within the framework of the youth policy of the Russian Federation. *Global social processes 4.0: socio-cultural transformations in the system of modern societies*: Proc. Fourth Sociological Conference of Young Scientists, St. Petersburg, 16 Dec 2022. St. Petersburg: Asterion, 2023, 77–83. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/nkdiht
7. Орлова А. В., Шагбанова Х. С. Молодежная политика как важнейший ресурс формирования гражданского общества в современной России. *Образование и право*. 2022. № 6. С. 418–424. [Orlova A. V., Shagbanova Kh. S. Youth policy as the most important resource for the formation of civil society in modern Russia. *Education and Law*, 2022, (6): 418–424. (In Russ.)] https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-6-418-424

[18] Исследование: 64 % подростков считают себя патриотами России. *ТАСС*. URL: https://tass.ru/novosti-partnerov/15080775%20 (дата обращения: 10.03.2023).

8. Сарыев Н. Проблемы в реализации государственной политики по патриотическому воспитанию молодежи. *Экономика, управление, право в XXI веке*, ред. А. Г. Плеханов. Самара: Научно-технический центр, 2022. С. 100–106. [Saryev N. Problems in the implementation of the state policy on patriotic education of young people. *Economics, management, law in the XXI century*, ed. Plekhanov A. G. Samara: Nauchno-tekhnicheskii tsentr, 2022, 100–106. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/cvjirt
9. Бочанов М. А., Чернухина Е. Е. Волонтерское движение – российский опыт и мировая практика. *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2015. № 2. С. 70–75. [Bochanov M. A., Chernukhina E. E. The volunteer movement the Russian experience and world practice. *Scientific notes of Orel state university*, 2015, (2): 70–75. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/yicxll
10. Маздогова З. З., Макоева Е. Р. К вопросу о гражданско-патриотическом воспитании молодежи. *Образование и право*. 2022. № 3. С. 195–197. [Mazdogova Z. Z., Makoeva E. R. On the issue of civil-patriotic education of young people. *Education and Law*, 2022, (3): 195–197. (In Russ.)] https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-3-195-197
11. Калинич В. С., Верпатова О. Ю. Волонтерство как средство проявления патриотизма. *Социология*. 2022. № 6. С. 66–73. [Kalinich V. S., Verpatova O. Yu. Volunteering as a means of showing patriotism. *Sociology*, 2022, (6): 66–73. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/fpwswn
12. Митрухина С. В., Сафронова Д. В. Условия развития молодежной волонтерской деятельности. *Modern Science*. 2021. № 7. С. 258–261. [Mitrukhina S. V., Safronova D. V. Conditions for the youth volunteer activity development. *Modern Science*, 2021, (7): 258–261. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/umddrn
13. Орлова Е. В. Роль государственных и иных социальных институтов в формировании политических предпочтений молодежи. *Национальная Ассоциация Ученых*. 2020. № 54-2. С. 8–10. [Orlova E. V. The role of state and other social institutions in shaping the political preferences of young people. *Natsionalnaia Assotsiatsiia Uchenykh*, 2020, (54-2): 8–10. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/zmsjgd
14. Сухарькова М. П. Олимпийские волонтеры о волонтерстве. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2022. Т. 7. № 3. С. 298–304. [Sukharkova M. P. Volunteers on volunteering. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politi cheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2022, 7(3): 298–304. (In Russ.)] https://doi.org/10.21603/2500-3372-2022-7-3-298-304
15. Чунихина Т. Н. Конституционная матрица духовных ценностей российского общества. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2022. № 5. С. 225–228. [Chunikhina T. N. Constitutional matrix of spiritual values of Russian society. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2022, (5): 225–228. (In Russ.)] https://doi.org/10.23672/z2291-8462-6917-b
16. Грубая Т. Н. Ценностные основания волонтерской деятельности молодежи в контексте политического развития России. *Молодежь и мир политики: границы возможного*: VI Всерос. форума молодых политологов. (Москва, 18 декабря 2021 г.) М.: Русайнс, 2021. С. 101–103. [Grubaia T. N. The value foundations of youth volunteering in the context of Russia's political development. *Youth and the world of politics: the limits of the possible*: Proc. VI All-Russ. Forum of young politologists, Moscow, 18 Dec 2021. Moscow: Rusains, 2021, 101–103. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/dbeqyl
17. Черепнина Т. А., Калинина Н. О., Кузнецова А. П. Гуманистическое воспитание молодежи путем волонтерской деятельности. *Образование. Карьера. Общество*. 2020. № 2. С. 61–64. [Cherepnina T. A., Kalinina N. O., Kuznetsova A. P. Humanistic education of youth through volunteer activities. *Obrazovanie. Kar'era. Obshchestvo*, 2020, (2): 61–64. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/eidxtn
18. Берендеев В. А. Проблемы обеспечения патриотического воспитания российской молодежи в условиях обострения взаимоотношений РФ со странами «коллективного запада» в начале 2000-х гг. *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество*: Пятая Междунар. науч.-практ. конф. «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества». (Москва, 23–24 ноября 2022 г.) М.: ИНИОН РАН, 2023. С. 547–551. [Berendeev V. A. Problems of ensuring patriotic education of Russian youth in the conditions of aggravation of relations between the Russian Federation and the countries of the "collective West" in the early 2000s. *Greater Eurasia: development, security, cooperation*: Proc. 5th Intern. Sci.-Prac. Conf. "Greater Eurasia: national and civilizational aspects of development and cooperation", Moscow, 23–24 Nov 2022. Moscow: INION RAN, 2023, 547–551. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/uknhol
19. Калинич В. С. Современный патриотизм и особенности формирования патриотических ориентиров российской молодежи. Результаты экспертного интервью. *Социология*. 2023. № 1. С. 118–127. [Kalinich V. S. Patriotism and the peculiarities of the formation of patriotic guidelines of modern Russian youth. Results of the expert interview. *Sociology*, 2023, (1): 118–127. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/ckakvi

20. Лаптева С. В., Позднякова А. А. Волонтерская деятельность как инструмент патриотического воспитания студентов вуза: проблемы и реалии. *Совершенствование воспитательной работы в вузе: патриотическое воспитание*: VI Межвузовская науч.-практ. конф. (Киров, 2–6 декабря 2019 г.) Киров: ВятГУ, 2020. С. 50–54. [Lapteva S. V., Pozdniakova A. A. Volunteer activity as an instrument of patriotic education of higher education students: problems and realities. *Improving educational work at the university: patriotic education*: Proc. VI Interuniversity Sci.-Prac. Conf., Kirov, 2–6 Dec 2019. Kirov: VyatSU, 2020, 50–54. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/uksymp
21. Маслова А. Н. Волонтерская деятельность как инструмент патриотического воспитания. *Теория и практика современного воспитания и обучения*: Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. участием. (Воронеж, 21 апреля 2022 г.) Воронеж: ВГПУ, 2022. С. 254–258. [Maslova A. N. Volunteer activity as a tool of patriotic education. *Theory and practice of modern education and training*: Proc. All-Russ. Sci.-Prac. Conf with Intern. Participation, Voronezh, 21 Apr 2022. Voronezh: VSPU, 2022, 254–258. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/kvweko
22. Касьянов В. В., Самыгин П. С., Горлова Н. И. Перспективные пути и способы содействия участию молодежи в волонтерской деятельности в контексте реализации государственной молодежной политики. *Caucasian Science Bridge*. 2022. Т. 5. № 3. С. 56–63. [Kasyanov V. V., Samygin S. I., Gorlova N. I. Promising ways and means of promoting youth participation in volunteer activities in the context of the implementation of the state youth policy in the Russian Federation. *Caucasian Science Bridge*, 2022, 5(3): 56–63. (In Russ.)] https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.5
23. Смирнова М. В. Патриотическое воспитание современной молодежи. *Позиция. Философские проблемы науки и техники*. 2023. № 19. С. 165–168. [Smirnova M. V. Patriotic education of modern youth. *Pozitsiia. Filosofskie problemy nauki i tekhniki*, 2023, (19): 165–168. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/bhfirh
24. Шестов Н. И. Риски формирования и возможности мониторинга приверженности российских молодых граждан традиционным ценностям российского общества. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2022. Т. 22. № 4. С. 448–452. [Shestov N. I. Risks of formation and opportunities for monitoring the commitment of Russian young citizens to the traditional values of Russian society. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, 22(4): 448–452. (In Russ.)] https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-448-452

© 2023. Галкин К. А.

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Культура здоровья: концептуализация понятия и перспективы осмысления в медицинской социологии и антропологии

Галкин Константин Александрович
Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия, Санкт-Петербург
https://orcid.org/0000-0002-6403-6083
kgalkin1989@mail.ru

Поступила 09.03.2023. Принята после рецензирования 04.09.2023. Принята в печать 13.09.2023.

Аннотация: Исследование культуры здоровья и влияющих на нее факторов – это сравнительно новая область знаний, посвященная исследованию взаимовлияния культуры и здоровья. Статья посвящена концепту культуры здоровья и его современному пониманию в антропологических и социологических исследованиях. С опорой на современные исследования в работе рассмотрена эволюция концепта культуры здоровья. Обозначены ключевые темы научных исследований и работ, посвященных изучению культуры здоровья и особенностей понимания данной категории. В рамках исследований обнаружено, что культура влияет на все стадии лечения заболевания и поддержания здоровья, начиная от выбора языка и моделей поведения и заканчивая пониманием уникальности заболевания и диагнозов с точки зрения представлений индивидов. Проанализированы перспективы данного понятия с точки зрения различных аспектов его рассмотрения. Отмечено, что на данном этапе не существует единого концепта культуры здоровья. Важными аспектами концепта считаются индивидуальные особенности и индивидуальное понимание здоровья людьми в контексте различных культур и их отличий. При этом в антропологических и социологических исследованиях сам концепт культуры как основополагающий и формирующий взгляды на здоровье замещен индивидуальными смыслами понимания своего здоровья.

Ключевые слова: медицинская социология, медицинская антропология, культура здоровья, здоровьесбережение, эволюция культуры здоровья

Цитирование: Галкин К. А. Культура здоровья: концептуализация понятия и перспективы осмысления в медицинской социологии и антропологии. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 3. С. 277–283. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-3-277-283

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

full article

Health Culture: Conceptualization and Prospects of Understanding in Medical Sociology and Anthropology

Konstantin A. Galkin
The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia, St. Petersburg
https://orcid.org/0000-0002-6403-6083
kgalkin1989@mail.ru

Received 9 Mar 2023. Accepted after peer review 4 Sep 2023. Accepted for publication 13 Sep 2023.

Abstract: The study of health cultures and the factors influencing them is a relatively new field of knowledge, dedicated to researching the mutual influence of culture and health. The article is devoted to the concept of health culture and its modern understanding in anthropological and sociological research. The author considers the evolution of the health culture concept based on modern research and outlines the key topics of scientific works devoted to the study of health culture and the peculiarities of its understanding. The research shows that culture influences all stages of disease treatment and health maintenance, from the choice of language and behavioral patterns to understanding the uniqueness of the disease and diagnoses by the individual. The prospects of this concept are determined based on various aspects of its consideration. Currently there is no generally accepted definition of the health culture concept. Peoplel's individual characteristics and individual understanding of health

in the context of different cultures and their differences are considered to be important aspects of the concept. At the same time, in anthropological and sociological studies, the very concept of culture, as fundamental and formative for health behavior is replaced by individual meanings of understanding one's health.
Keywords: medical sociology, medical anthropology, health culture, health protection, health culture evolution

Citation: Galkin K. A. Health Culture: Conceptualization and Prospects of Understanding in Medical Sociology and Anthropology. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(3): 277–283. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-3-277-283

Введение

Связь здоровья, опыта болезни и заботы о здоровье с культурой и различными культурными системами всегда была очевидной и часто становилась объектом исследований медицинских антропологов. Концепт культуры в современной литературе представлен достаточно нечетко, для него отсутствуют точные определения и рамки. В настоящей работе мы используем одно из классических определений культуры, понимая ее как совокупность разделяемых форм поведения и смыслов, приобретенных в результате адаптации индивидов к жизни в окружающем мире [1].

Мы рассматриваем культуру преимущественно как динамичную сущность, которая связана как с изменениями в мире, так и с особенностями личностного поведения [1]. Культура выражена в обществе через ценности, верования, различное восприятие мира конкретными индивидами. Концепт культуры подвержен обобщениям, прежде всего в различных региональных и этнических стереотипах о той или иной культурной традиции [2]. В большинстве антропологических и социологических исследований признается влияние культуры на поведение при выборе того или иного способа лечения, необходимого лекарства, а также для минимизации боли. Именно в контекст культуры включены основные мотивации и ценности, терминология, понимание нормы и отклонения от нормы по отношению к состоянию здоровья, а также специфика симптомов заболеваний и особенностей их лечения в различных регионах мира [3–5].

Сравнительно новая область знаний, представляющая собой взаимовлияние культуры и здоровья, – это исследование культуры здоровья и влияющих на нее факторов. В рамках работ исследователей этой темы было обнаружено, что культура влияет на все стадии лечения заболевания и поддержания здоровья, начиная от выбора языка и моделей поведения и заканчивая пониманием уникальности заболевания и диагнозов с точки зрения представлений индивидов [6–8]. В рамках настоящего исследования мы рассматриваем концепт *культура здоровья* с точки зрения его эволюции в медицинской антропологии и социологии.

Концепт культуры здоровья с позиции медицинской антропологии

Один из важных вопросов современного понимания культуры здоровья как в контексте антропологии, так и с позиций качественной социологии – поиск нормы для различных культур. Исследователи дискутируют о том, является ли понимание культуры здоровья полностью универсальным феноменом, характерным для всех стран и культур, или оно связано с различными представлениями в каждом конкретном регионе, стране [9; 10]. В случае использования в социологических и антропологических исследованиях универсального подхода рассмотрение строится на изучении универсальных и широко применимых элементов понимания концепта культуры здоровья, таких как выбор лечения, ощущение боли и связанных с этим действий индивидов.

Исследования заботы о здоровье в медицинской антропологии описывают деятельность по уходу за здоровьем и выбор различных способов лечения тех или иных заболеваний. Опыт болезни рассматривается как культурная норма и включает различные паттерны поведения, реакцию на лечение заболевания, переживание симптомов, принятые в обществе модели лечения заболеваний, способы минимизации боли и проблем, связанных со здоровьем. Подобная точка зрения отражена в подходах А. Клейнмана [11]. С точки зрения эмпирического изучения важным выступает символический анализ перспектив здоровья и болезни для индивидов в рамках исследования переживания опыта болезни в конкретной культуре, связи боли и недомоганий с суевериями и идеями, которые существуют в некоторой культурной системе. Затем постепенно происходит развитие медико-антропологических и межкультурных исследований, которые способствуют тому, что культура здоровья начинает изучаться с позиции больших данных и страновых сравнений, а также антропологических особенностей в рамках рассмотрения специфики болезни и жизни с болью, минимизации негативных эффектов нездоровья для индивидов различных национальностей.

Таким образом, в рамках классических антропологических концепций культура важна с точки зрения рассмотрения различных болезней индивидов

посредством опыта переживаний и принятых взглядов на лечение заболевания и минимизацию боли. С развитием обращения к индивидуальным особенностям восприятия болезни, к пониманию специфики конкретной культуры и ее влияния на понимание индивидами болезни происходит возникновение методологических коллизий между культурологической интерпретацией заболевания в медицинской антропологии и персоналистической стратегией. Начало критике концепции культурного понимания болезни положили исследователи, обратившие внимание на классическую работу М. Зборовски, которая репрезентирует особенности культуры восприятия боли у представителей различных национальностей [12]. Ключевым фокусом критики исследования М. Зборовски выступает именно отсутствие внимания к жизненному миру пациентов, а также достаточно четкое, структурированное приписывание определенных идеальных моделей восприятия боли, связанных с той или иной культурой пациентов. Интерес к индивидууму становится важным аспектом во многих антропологических исследованиях начала 90-х гг., посвященных изучению культуры болезни, восприятия и заботы о здоровье через понимание индивидуальных особенностей здоровья и рассмотрение специфики репрезентации своего жизненного мира, опыта переживания боли и болезни.

Постепенно, с развитием исследований и углублением темы культуры, возникли серьезные проблемы с пониманием универсальности и возможностью универсального использования концепта культуры для описания заболеваний. Исследования по медицинской антропологии на рубеже 2000-х гг. предложили теоретическую конструкцию, которая интегрирует культуру и личный опыт индивида. Это позволило рассмотреть специфику культуры здоровья, принимая во внимание, что, помимо существующих культурных систем, присутствуют и личные, индивидуальные особенности восприятия своего здоровья [13; 14].

На этом фоне возникает новое направление исследований – когнитивная медицинская антропология. От предыдущих исследований она отличается тем, что в фокусе ее внимания оказываются культура и субъект, постоянные взаимодействия между ними [15–16]. При этом методологически новые аспекты медицинской антропологии строятся исключительно из перспективы субъекта, следовательно, нарратив о болезни и истории о боли становятся основополагающими в рамках данной дисциплины. Ключевым контраргументом в пользу формализации и отсутствия методологических перспектив использования концепта культуры в когнитивной медицинской антропологии выступает нерелевантность универсальных антропологических моделей понимания культуры здоровья и лечения на основе этнической или групповой принадлежности. Модели выбора того или иного способа лечения, существующие в представлении антрополога, подчиняются единым правилам, но не репрезентируют всю многомерность, все сложные конструкции выбора способа лечения, особенности понимания боли и болезни, что в целом представляет культуру.

Таким образом, важной теоретической находкой когнитивной медицинской антропологии в отношении понимания культуры здоровья выступает тезис о том, что культура здоровья конструируется и связана с двумя крупнейшими аспектами повседневной жизни: опытом конкретной болезни, существующей в рамках конкретного общества, и представлениями о ней; установками субъекта при рассмотрении здоровья или нездоровья. Поэтому концепт культуры здоровья зависит как от культурного знания, так и от личного опыта. Как отмечает крупнейший представитель концепции культурной медицинской антропологии Л. Гарро, культура здоровья – это не единый устоявшийся конструкт, а постоянно меняющиеся, подвижные когнитивные инструменты, которые организуют представления индивидов о правильности или неправильности понимания важных аспектов культуры здоровья [16; 17].

Также представители когнитивной медицинской антропологии в большинстве своем используют именно нарративный анализ в качестве основного метода изучения культуры здоровья. Они не применяют другие методы из арсенала антропологов, такие как наблюдение и глубинное изучение ритуалов, традиций, особенностей понимания своего здоровья и выбора тех или иных способов лечения. Таким образом, одним из ключевых трендов поиска определения концепта культуры здоровья в рамках медицинской антропологии последних лет выступает именно изучение индивидуальных особенностей восприятия того или иного заболевания, здоровья и нездоровья, что представлено как общим культурным макро-фоном, так и представлениями индивидов о своем здоровье и возможностях его поддержания.

В медицинской антропологии повышенный интерес к изучению культуры здоровья начинает проявляться в конце 1980-х гг., когда целая группа антропологов, этнологов и археологов начинает обращать внимание на взаимосвязанность культуры и специфики здоровья у различных народов и этнических групп, рассматривать зарубежные исследования по медицинской антропологии как основу для определения концепта культуры здоровья. Среди данных работ выделяются исследования В. Л. Лехциер и др., Д. В. Михель [18; 19].

Рассматривая эволюцию концепта *культура здоровья* в отечественных исследованиях, нельзя не отметить, что изначально этот концепт был связан с пониманием физических особенностей, семантических трудностей и ощущений, которые могут отличаться в разных культурах. Эти трактовки концепта остаются основными для медицинских антропологов вплоть до 2000-х гг., при этом сам взгляд на концепт культуры здоровья в это время мало чем отличается от такого в медицинской социологии. Точно так же и нездоровье операционализируется, в большей степени исходя из структурной единицы сохранения ресурсов людей, поддержания работоспособности и развития экономики страны. В целом такое определение культуры здоровья созвучно и с советскими определениями, и с функционалистским взглядом на проблематику лечения заболеваний и поддержания общественного здоровья.

Ситуация в медицинской антропологии трансформируется с наступлением 2000-х гг., когда отечественные медицинские антропологи начинают обращать больше внимания на культурные модели определения и описания здоровья. Так, с развитием курсов по медицинской антропологии и изучением зарубежных публикаций концепт *культура здоровья* в отечественной антропологии начинает рассматриваться с позиции различных культур и изучения индивидуального восприятия человеком боли, своего собственного здоровья и нездоровья, а также исходя из культурных моделей сохранения здоровья и минимизации негативных эффектов от болезни, принятых в том или ином обществе [20].

Исследования культурных моделей и подобный взгляд на проблематику заболеваний продолжает применяться и в современных работах по медицинской антропологии. Следует отметить отрыв исследований по медицинской антропологии и от работ по медицинской социологии, и от исследований, которые проводятся в медицинских вузах, поскольку медицинские университеты в России не проводят антропологических исследований. Лишь некоторые медицинские антропологи стараются рассмотреть здоровье в своих исследованиях и лекциях об особенностях культуры, ориентируя их на студентов-медиков, тем самым донося до них специфику антропологического взгляда и рассматривая культуру здоровья вне медицинского контекста.

На сегодня в отечественных антропологических исследованиях по-прежнему доминирует концепт культуры здоровья, основанный на культурных особенностях. Ориентир в методологии исследований, рассматривающих культуру здоровья, – качественные работы, глубинные и биографические интервью, подкрепляемые наблюдениями, изучением повседневности переживания индивидами болезни и боли.

Не менее важно в отечественных антропологических работах рассмотрение культуры здоровья, основанное преимущественно на заболеваниях, особенностях перенесения хронических болезней, проблематике переживания сложных соматических состояний. В то же время особенностям поддержания и сохранения здоровья в отечественной медицинской антропологии не уделяется должного внимания.

Концепт культуры здоровья с позиции медицинской социологии

Одной из важных особенностей современных исследований зарубежной медицинской социологии и рассмотрения концепта культуры здоровья выступает стремление избежать глобальных обобщений в исследованиях и рассматривать исключительно локальные и региональные кейсы, а также особенности заботы о здоровье. Культура здоровья на сегодняшний день репрезентирована и обозначена во многих исследованиях по социологии медицины как индивидуальная особенность и индивидуальный смысл лечения каждого конкретного человека или группы людей [21–23].

В контексте сохранения благосостояния и демографических характеристик того или иного региона здоровье рассматривается как личностная стратегия мотивации на деятельность по поддержанию психологического и физического здоровья. Например, Н. К. Смирнов акцентирует внимание на важности рассмотрения взаимосвязи здоровья и процесса адаптации. Таким образом, здоровье рассматривается как ресурс, который способствует минимизации и преодолению негативных последствий влияния на человека его окружающей среды, образа жизни, коммуникации с другими людьми [24].

Таким образом, ряд отечественных демографов и социологов рассматривают общественное здоровье как совокупность индивидуальных и социальных характеристик с позиции улучшения общественного благосостояния и демографического положения страны, на данном этапе находящегося в состоянии кризиса. В сложившейся ситуации важную роль играет поддержание психологического здоровья людей, а также реализация мер по сохранению позитивного отношения к жизни и созданию возможностей для коммуникации и взаимодействия с другими людьми. Следует отметить, что если в отечественной традиции для медицинских антропологов важным фактором изучения здоровья была специфика его рассмотрения в тех или иных культурах, то для социологов медицины в России наибольшую значимость приобретают именно ресурсные характеристики влияния здоровья и нездоровья на социальную структуру и демографические процессы.

При этом для рассмотрения и определения понятия культуры здоровья с социологических позиций на сегодняшний день не хватает теоретических подходов и концепций, которые могли бы позволить вписать данный концепт в рамки социологии. Подобная ситуация во многом связана с тем, что современные процессы вызвали бурное развитие новых технологий и культура здоровья стала во многом более вовлеченной в контексты новых исследований и разработок [25; 26]. Также культура здоровья стала пониматься социологами на основании выбора или желания выбирать те или иные технологии самими пациентами. Появление новых технологий социологи медицины связывают с изменением стереотипов поведения и, как следствие, изменениями, вызванными тем, что сами понятия *болезнь, здоровье, культура лечения* больше не укладываются в общепринятые рамки [27; 28]. Соответственно, возникает необходимость пересмотра самого определения культуры здоровья и, как следствие, рассмотрения новых, перспективных методик в рамках изучения поведения при выборе пути лечения и анализе наиболее удобного способа лечения самими индивидами. При этом тренд на рассмотрение индивидуальных особенностей и анализ индивидуального выбора тех или иных моделей по культуре здоровья продолжает сохраняться и развиваться. Следовательно, наиболее релевантной концепцией определения культуры здоровья в социологии на сегодняшний день выступает концепция, которая объединяет повседневные практики и взаимодействия (например, взаимодействия врач-пациент), также различные общественные дискурсы и программы (различные социальные программы, программы поддержки и развития). Данная концепция отражена в работах П. Конрада [29]. Таким образом, разнообразие различных ценностей в отношении собственного здоровья в жизни людей не ограничивает культуру лечения и сохранения здоровья, а, наоборот, способствует развитию подобной культуры. Именно разнообразие ценностей, как и разнообразие культур, в т. ч. индивидуальных аспектов и особенностей культуры здоровья, способствуют развитию новых медицинских технологий и их применению на практике.

На сегодняшний день в социологическом осмыслении и понимании культуры здоровья целесообразнее всего говорить о социально-антропологической перспективе изучения и рассмотрения культуры здоровья как связанных между собой ценностных, символических и поведенческих элементов, которые составляют особенности заботы о здоровье и понимания индивидами практик здоровьесбережения. Также при рассмотрении культуры здоровья в современной социологической традиции необходимо учитывать все возможные перспективы, начиная от официальных дискурсов, которые формируются в СМИ и в рамках политики, заканчивая особенностями семейной коммуникации, традициями и символическим восприятием понимания своего здоровья у индивидов. На данном этапе развития концепта *культура здоровья* важно возникновение и развитие новых форм понимания социального неравенства [30; 31]. Как отмечают исследователи, приоритетным является изучение ценностных установок социального неравенства в контексте культуры здоровья, а также изучение влияния различных ценностных установок на понимание людьми заботы о своем здоровье и поддержания состояния здоровья.

Заключение

Сущность и особенности развития концепта культуры здоровья как в контексте медицинской антропологии, так и с точки зрения медицинской социологии на сегодняшний день лежат в перспективе изучения индивидуальных особенностей в понимании и определении культуры здоровья, а также в контексте рассмотрения интерперсональных отношений и различных взаимодействий, возникающих в подобных отношениях.

В современных исследованиях, определяющих культуру здоровья, ключевым фактором выступает ориентированность на потребности и интересы каждого конкретного индивида, а также умения использовать имеющиеся ценности тех или иных культур в отношении лечения заболеваний. При рассмотрении с позиции социологии основными при формировании культуры здоровья выступают ценностные ориентации, а также умение оперировать ценностями и самостоятельно оценивать важность своего здоровья, как следствие – забота о своем индивидуальном здоровье. Именно в контексте ценностей рассматривается то, насколько индивид заботится о своем здоровье и как он позиционирует смыслы и особенности своего здоровья для себя. Таким образом, сущность культуры здоровья связывается с социальной и культурной жизнью локации, где проживает индивид, что в совокупности создает особенности здоровьесбережения и заботы о здоровье, а также выступает важным компонентом сохранения своего индивидуального здоровья.

С точки зрения социологии медицины индивидуальное здоровье рассматривается в большей степени как интегрированное в общественное здоровье и социальную жизнь. Большим значением обладают социальные факторы развития, социальные особенности конкретной местности и последствия ухудшения здоровья вследствие проживания в конкретной стране или регионе. С точки зрения медицинской социологии, в особенности в отечественных работах, категория *здоровье* достаточно плотно связана

с концептом *здоровьесбережение*, который, в свою очередь, определяется как комплексные усилия личности или отдельных субъектов по обеспечению улучшения или сохранения здоровья других людей. При этом улучшение здоровья понимается исходя из экономических и демографических критериев в различных регионах, странах, городах и сельской местности.

В исследованиях по медицинской антропологии (преимущественно зарубежных) здоровье рассматривается с позиции особенностей культурных отличий в восприятии различных сложностей и проблем, которые могут возникнуть со здоровьем. Для социологии медицины характерно междисциплинарное понимание особенностей здоровья и привлечение различных социологических теорий, например теории социальной адаптации, к рассмотрению концепта здоровья.

На основании анализа отечественных и зарубежных работ, можно заключить, что в медицинской социологии культура здоровья преимущественно определяется как интегральная характеристика, которая рассматривает адаптацию индивидов к условиям конкретной среды и социума. Для определения культуры здоровья важными выступают как субъективные факторы и особенности индивидуального восприятия своего собственного здоровья, так и социальные факторы, которые лежат в основе происходящих в обществе трансформаций. Исследуя особенности культуры здоровья, медицинский социолог прибегает к его многогранному рассмотрению, анализирует здоровье в контексте различных междисциплинарных взаимодействий и сочетаний экономики, социальной структуры, социального развития, уровня жизни и проблем демографии конкретной территориальной единицы. Как отмечается во многих социологических работах, на данном этапе сами индивиды прогнозируют изменения социальной ситуации, а затем, как следствие, на основании предпринятых решений создаются и развиваются наиболее комфортные условия для заботы о здоровье и сохранения здоровья в зависимости от трансформаций текущей обстановки.

Таким образом, наиболее значимым и важным при изучении и рассмотрении концепта культуры здоровья как в контексте современной медицинской антропологии, так и с точки зрения медицинской социологии выступает именно ориентированность на обозначение индивидуальной специфики в переживании заболевания или в практиках здоровьесбережения. При этом сам концепт культуры становится фоном, в рамках которого происходит развитие заботы о здоровье, лечение заболевания и минимизация последствий от заболевания.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Yamada A.-M., Marsella A. J. The study of culture and psychopathology: fundamental concepts and historic forces. *Handbook of multicultural mental health: assessment and treatment of diverse populations*, eds. Paniagua F. A., Yamada A.-M. Elsevier Academic Press, 2013, 3–23. https://psycnet.apa.org/doi/10.1016/B978-0-12-394420-7.00001-1
2. Van Langenhove L., Harré R. Cultural stereotypes and positioning theory. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 1994, 24(4): 359–372. https://doi.org/10.1111/j.1468-5914.1994.tb00260.x
3. Kleinman A. Anthropology and psychiatry: the role of culture in cross-cultural research on illness. *The British Journal of Psychiatry*, 1987, 151(4): 447–454. https://doi.org/10.1192/bjp.151.4.447
4. Romanucci-Ross L., Moerman D. E., Tancredi L. R. *The anthropology of medicine: from culture to method.* N. Y.: Praeger, 1983, 400.
5. Lewis G. Cultural influences on illness behavior: a medical anthropological approach. The relevance of social science for medicine. *Culture, illness, and healing, vol. 1*, eds. Eisenberg L., Kleinman A. Dordrecht: Springer, 1981, 151–162. https://doi.org/10.1007/978-94-009-8379-3_7
6. Helman C. *Culture, health and illness*. 5th ed. L.: CRC press, 2007, 512.
7. Mitchell D. P. Postmodernism, health and illness. *Journal of Advanced Nursing*, 1996, 23(1): 201–205. https://elibrary.ru/eqehvz
8. Langdon E. J., Wiik F. B. Anthropology, health and illness: an introduction to the concept of culture applied to the health sciences. *Revista Latino-Americana de Enfermagem*, 2010, 18(3): 459–466. https://doi.org/10.1590/s0104-11692010000300023
9. *Culture, bodies and the sociology of health*, ed. Ettorre E. L.: Ashgate, 2010, 178.
10. *Anthropological approaches to psychological medicine: crossing bridges*, eds. Skultans V., Cox J. L. Jessica Kingsley Publishers, 2000, 304.

11. Kleinman A. Illness meanings and illness behaviour. *Illness behavior: a multidisciplinary model*, eds. McHugh S., Vallis T. M. N. Y.: Springer, 1986, 149–160. https://doi.org/10.1007/978-1-4684-5257-0_9
12. Zborowski M. Cultural components in responses to pain. *Journal of Social Issues*, 8(4): 16–30. https://psycnet.apa.org/doi/10.1111/j.1540-4560.1952.tb01860.x
13. Joralemon D. *Exploring medical anthropology*. 4th ed. L.: Routledge, 2017, 170. https://doi.org/10.4324/9781315470610
14. Singer M. Critical medical anthropology. *Encyclopedia of medical anthropology*, eds. Ember C. R., Ember M. Boston: Springer, 2004, 23–30. https://doi.org/10.1007/0-387-29905-X_3
15. Herselman S. "Health care through a cultural lens": insights from medical anthropology. *Current Allergy & Clinical Immunology*, 2007, 20(2): 62–65.
16. Garro L. C. Cognitive medical anthropology. *Encyclopedia of medical anthropology*, eds. Ember C. R., Ember M. Boston: Springer, 2004, 12–23. https://doi.org/10.1007/0-387-29905-X_2
17. Van der Geest S. Medical anthropology. *The Wiley Blackwell encyclopedia of health, illness, behavior, and society*. John Wiley & Sons, 2014, 1313–1324. https://doi.org/10.1002/9781118410868.wbehibs487
18. Лехциер В. Л., Готлиб А. С., Финкельштейн И. Е. Медицинский выбор хронических больных в крупном российском городе: ситуации, практики, факторы. *Социологический журнал*. 2019. Т. 25. № 2. С. 78–98. [Lekhtsier V. L., Gotlib A. S., Finkelstein I. E. Medical choice of chronic patients in a large Russian city: situations, practices, factors. *Sotsiologicheskiy Zhurnal*, 2019, 25(2): 78–98. (In Russ.)] https://doi.org/10.19181/socjour.2019.25.2.6387
19. Михель Д. В. Изучая культуру, здоровье и болезнь: медицинская антропология как область знания. *Вестник Саратовского государственного технического университета*. 2013. Т. 2. № 1. С. 205–217. [Mikhel D. V. Studying culture, health and illness: medical anthropology as a field of knowledge. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2013, 2(1): 205–217. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/reaxaz
20. Финкельштейн И. Е. Модель принятия терапевтических решений в когнитивной медицинской антропологии Линды Гарро. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2018. Т. 11. № 1. С. 79–93. [Finkelstein I. E. Model of decision-making in medical anthropology of L. Garro. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2018, 11(1): 79–93. (In Russ.)] https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2018.107
21. Лехциер В. Л. Субъективные смыслы болезни: основные методологические различия и подходы к исследованию. *Социологический журнал*. 2009. № 4. С. 22–40. [Lekhtsier V. L. Subjective meanings of illness: basic methodological distinctions and approaches to research. *Sotsiologicheskiy Zhurnal*, 2009, (4): 22–40. (In Russ.)] https://elibrary.ru/pbdrhl
22. Silverman D., Bloor M. Patient-centred medicine: some sociological observations on its constitution, penetration, and cultural assonance. In: Bloor M. *Selected writings in medical sociological research*. L.: Routledge, 2019, 117–143.
23. *Key concepts in medical sociology*, eds. Monaghan L., Gabe J. 3rd ed. Sage, 2022, 428. https://doi.org/10.4135/9781526401687
24. Смирнов Н. К. Актуальные проблемы здоровьесберегающего образования. *Сибирский педагогический журнал*. 2012. №. 9. С. 59–64. [Smirnov N. K. Actual problems of healthy education. *Siberian Pedagogical Journal*, 2012, (9): 59–64. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/oacefz
25. Spector R. E. Cultural diversity in health and illness. *Journal of Transcultural Nursing*, 2002, 13(3): 197–199. https://doi.org/10.1177/10459602013003007
26. Franklin S. *Embodied progress: a cultural account of assisted conception*. L.: Routledge, 1997, 264. https://doi.org/10.4324/9780203414965
27. Лукьянцева Д. В. Прошлое, настоящее и будущее медицинских стандартов. *Проблемы стандартизации в здравоохранении*. 2007. № 8. С. 3–7. [Lukyantseva D. V. Past, present and future of medical standards. *Problemy standartizatsii v zdravookhranenii*, 2007, (8): 3–7. (In Russ.)] https://elibrary.ru/iwqobn
28. Morris D. B. *Illness and culture in the postmodern age*. University of California, 2000, 360.
29. Conrad P. Parallel play in medical anthropology and medical sociology. *The American Sociologist*, 1997, 28(4): 90–100. https://doi.org/10.1007/s12108-997-1021-4
30. Gere C. *Digital culture*. 2nd ed. Reaktion Books, 2009, 240.
31. Whyte S. R., Van der Geest S., Hardon A. *Social lives of medicines*. Cambridge: Cambridge University, 2002, 212.

© 2023. Gonzalez Cedillo J. I.

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITOLOGY, SOCIOLOGY AND ECONOMICS

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

SOCIETY: CULTURAL AND POLITICAL DEVELOPMENT

full article

The Role of Far-Right Networks in the Cultural War and International Relations in Europe

Joel Ivan Gonzalez Cedillo
Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics, Russia, St. Petersburg
St. Petersburg University, Russia, St. Petersburg
https://orcid.org/0000-0001-8040-749X
ivangzz.ced@gmail.com

Received 13 Jun 2023. Accepted after peer review 27 Jul 2023. Accepted for publication 13 Sep 2023.

Abstract: The author analyzes the internationalization of European far right civil societies as non-traditional political actors that engage in international relations creating ideological networks. The purpose of the article is to reveal the role of European fascist civil societies in international ideological activism as a response to a perceived cultural war against globalism and cultural Marxism of left internationalists. The article analyzes and comprehensively defines the issue of the cultural war in the West and describes the characteristics of Spanish fascist civil societies as non-traditional political actors exposing their perspective as cultural war revolutionaries. Attempts to create international far right networks by Spanish actors are studied based on the analysis of The Militant – The Cultural War, the manifesto published by the Spanish fascist civil society European Future in February 2023. A discourse analysis of this document exposes the ideological narratives of this group that can help to create a theoretical framework of the cultural war concept for European far right politics. The results demonstrate that European far right activists consider there is an ideological war against Marxists and other leftist groups. Activists of the European Future see themselves as far right revolutionaries capable of causing an ideological revolution in European democracies. The manifesto serves as a tool to call out to other European far right activists of the continent to join them. The results can contribute to future research of ideological extremism and European far right activism.

Keywords: civil society, cultural war, far right, fascist ideology, information warfare, internationalism, political extremism, woke ideology

Citation: Gonzalez Cedillo J. I. The Role of Far-Right Networks in the Cultural War and International Relations in Europe. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(3): 284–291. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-3-284-291

оригинальная статья

Роль сетей крайне правых в культурной войне и международных отношениях в Европе

Гонсалес Седилло Хоел Иван
Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Россия, Санкт-Петербург
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург
https://orcid.org/0000-0001-8040-749X
ivangzz.ced@gmail.com

Поступила 13.06.2023. Принята после рецензирования 27.07.2023. Принята в печать 13.09.2023.

Аннотация: Автор анализирует интернационализацию европейских крайне правых гражданских обществ в качестве неконвенциональных политических акторов, которые вступают в международные отношения для создания идеологических сетей. Цель – разоблачить роль фашистских европейских ультраправых гражданских обществ в интернационалистской идеологической активности как ответ на предполагаемую культурную войну против глобализма и интернационалистского культурного марксизма левых. Проблема культурной войны на Западе анализируется и определяется с более широкой точки зрения. Описываются характеристики испанских фашистских гражданских обществ как неконвенциональных политических акторов с целью раскрыть их позицию революционеров культурной войны. Попытки испанских акторов создать международные крайне правые сети рассматриваются на основе изучения манифеста «Милитант – культурная война», опубликованного испанским фашистским гражданским обществом «Европейское будущее»

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

в феврале 2023 г. Дискурс-анализ выявляет различные идеологические нарративы данной группы, которые можно использовать для построения теоретической основы понимания значения культурной войны для европейских крайне правых. Результаты показывают, что европейские крайне правые считают, что идет идеологическая война против марксистов и других левых групп. Активисты «Европейского будущего» считают себя крайне правыми революционерами, способными совершить идеологическую революцию в европейских демократиях, и их манифест служит инструментом для призыва других европейских крайне правых активистов на континенте присоединиться к ним. Результаты могут внести вклад в будущие исследования идеологического экстремизма и европейского крайне правого активизма.
Ключевые слова: гражданское общество, культурная война, крайне правые, фашистская идеология, информационная война, интернационализм, политический экстремизм, воук идеология

Цитирование: Гонсалес Седилло Х. И. Роль сетей крайне правых в культурной войне и международных отношениях в Европе. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 3. С. 284–291. (In Eng.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-3-284-291

Introduction

In the last decade the national politics of some European societies experienced a dramatic turn to the far right. The change was caused by different events beginning with the 2008 economic crisis and ending with the emergence of political and social movements influenced by the D. Trump presidency of 2016. However, European far right political parties had been gaining seats at the European Parliament since the beginning of the XXI c. These political parties did not take the extreme measures expected by the voters against what was perceived by some as the loss of European identity to non-Christian immigrants, economic insecurity, and an apparent expansion of the government. Due to these factors the ultra conservatives reacted against the political establishment of all ideologies supporting a provocative discourse that encourages nationalism and a Eurocentric view of the world – Christian, capitalist and dominated by ethnic Europeans.

These far right forces are made up of non-traditional political actors (NTPA), some of which reacted to the failures of traditional politicians by creating civil societies that form networks and internationalize their far right agenda in Europe and the American continent. The influence and actions of civil societies are not limited to national issues anymore thanks to social media and new technologies that allow to share content that can influence societies and politics of different languages and political traditions.

Some of the far right European civil societies have embraced fascist identities to achieve their national and international political agendas as a reaction to what they consider a cultural war against international progressive and authoritarian left forces. The article argues that such fascisized civil societies (FCS) use 2 approaches: 1) theoretical – contributing to the normalization of fascist ideology through different channels of communication in what they perceive as a cultural war against leftist activists and politicians, 2) practical – creating networks to engage in international relations with other fascisized civil societies in Europe and organize street demonstrations to celebrate dates relevant to European fascism.

The aim of the research is to expose the role of European far right civil societies (subjects of research), in this case those that have embraced fascism, in internationalist ideological activism in the continent through their networks as a response to a perceived cultural war against globalism and internationalist cultural Marxism of the left. The study was conducted with the hypothesis that European FCS aim to create networks to internationalize their ideology in the continent through non-traditional political means forming non-traditional political internationals. The research tries to determine the characteristics of the cultural war against the left based on the perception of some European FCS. To achieve this, the author performs a discourse analysis of the online manifesto The Militant – The Cultural war (the object of research), written by the ideologues of the FCS European Future (Devenir Europeo) published in February 2023 on the web. The novelty of the work lies in the contribution to the study of the European far right internationalization through the actions of the organized civil societies of NTPAs, and the fact that this is the first academic study of the manifesto published by the Spanish FCS European Future.

Far right civil societies can organize ideological movements to attract voters for nationalist political parties, as did the Civic Circles Movement in Hungary in the early 2000, that helped the far right Fidesz party change the ideological hegemony of the left and eventually gain power [1, p. 249–258]. Other extremist NTPAs organized and created the far right civil societies

that were able to mobilize ideologized masses responding to their calls, like PEGIDA that has falsified German history and politics to present modern Germany as a leftist dictatorship that oppresses the far right dissent and criticism against the left [2, p. 3–10]. Other far right civil societies use their political influence to mobilize sectors of society against international political projects of their country. Such was the case in 2012–2019, when in France the far right civil societies The Identitarians, The Demonstration for All and Civitas Institute protested online and in the streets against the French membership in the European Union [3, p. 200–210].

The case of European Future is different from the Hungarian, German, and French ones, as this Spanish FCS is not only far right, but it has embraced an openly fascist identity using discursive elements of that ideology, as well as visual materials. This is done both online and in the streets of Spain, and every year this FCS participates in events where it invites other fascist NTPAs from Europe to expand or strengthen their ideological networks.

The internationalist activism of some European far right NTPAs like the ones mentioned above and others is the reaction to the perceived cultural war against the left and the globalism represented by socialist and communist politicians and political parties, international corporations and the industry of entertainment (Disney and Netflix), media and international organizations. All of these actors are perceived as participants in the spread of the American-influenced leftist "woke" ideology aimed at destroying the European national identities and orchestrated by secret elites.

In Russia, there is little research of the concept of the cultural war due to the fact that this phenomenon is not present in Russian society, while it is often observed in the West. However, it has been argued that the social and political events of 1990–2000 were the result of the cultural war against Russia waged after the dissolution of the Soviet Union. This war was non-traditional, rather, cultural, sociological and philosophical, waged without arms and against the established nation's culture [4, p. 61–65]. The goal of the cultural war against post-socialist Russia of the 1990s was the destruction of Soviet and Russian culture to lay the foundations of the neoliberal system organized by national elites in the interests of foreign capitalism.

The cultural war can also be understood as some type of "Kulturkampf" or the fight between two conflicting sets of cultural meanings and values that is different from the fight between states of different imagined and generalized cultures (like between Western, Christian Orthodox, Islamic) [5, p. 46–48]. The cultural war implies a deep division in the society affected by it within the same state, it is the fight between two equally extreme sides – orthodox and progressive, it is the war of groups with different cultural ideas obstructing any attempts to find a common ground in relevant social issues [6, p. 1–12]. The cultural war is "the social cleavage" between the "traditional conservative" and the "liberal progressive" [7, p. 1407–1411]. From an American perspective, race, ethnicity, and religion are at the center of the war between the left and the right, it is the call for a "clash of civilizations" between the Christian West and the Islamic or non-Christian East [8, p. 314–317], though it is a simplistic approach to the issue. The cultural war can also be studied as the strategy to homogenize opinions, values, beliefs, trends, and representations using "the cultural and ideological apparatus" that can be the industry of entertainment at the service of dissident groups or foreign ideologies that aim at changing the mentality of their targets in society to alter the ideological hegemony for their benefit[1].

The cultural war can then be understood as the philosophical and ideological political conflict that can be waged internally within one state in which its members have opposite perceptions of how politics must be conducted, but it can also be waged against other states. Participants can use various tools to spread their ideology, like written and visual physical materials (books, fliers, public demonstrations) or digital non-physical ones (manifestos, photos, videos and memes). Today, the latter are more common as social media platforms facilitate the spread of ideological propaganda.

Foreign actors with economic or political interests in the conflict can participate in the cultural war. Members of the opposite parties fight for ideological supremacy to achieve political changes that would end the hegemony of the ideological dominant group. The cultural war can be influenced 1) directly by foreign elites (politicians, non-governmental organizations, mass and social media) whose interests lie in the change of hegemony of the targeted state, and 2) indirectly by the adoption of foreign ideologies in the society that consciously decides to adopt them, sometimes unconsciously by consuming ideological entertainment or contacting with ideologized individuals.

A. Gramsci theorized that two strategies can be used to achieve the change of the hegemonic system: 1) a war of movement – the takeover of the State by the organized opposition led by a party or individual, or 2) a war of position – the attempt to change the ideological system by winning the minds of the governed who will then swiftly support the change [9, p. 165]. A. Gramsci

[1] Heredia Martinez F. Los símbolos nacionales y la guerra cultural. [National symbols and the culture war. (In Spanish)]. *Cubadebate*. URL: http://www.cubadebate.cu/especiales/2016/09/27/los-simbolos-nacionales-y-la-guerra-cultural/ (accessed 4 Apr 2023).

considered that "ideological struggle is needed to achieve hegemony" [10, p. 156], therefore, the cultural war is a type of war of position against the hegemonic political actor(s). For many European far right NTPAs and FCS, the hegemonic political actor to fight is the politician or a political ruling party that embraces American culture, "wokeism", cultural Marxism, secularism, feminism, and multiculturalism. Ideological dissidents who participate in the cultural war against the European left see themselves as revolutionaries for their perceived opposition to the hegemonic ideological order.

European far right civil societies become FCS when they adopt extremist ideological positions and goals to "intentionally destroy completely or partly any national, ethnic, racial or religious group" [11, p. 50], when they aim at physically destroying their opponents, or when their principles value ethnic supremacy, state corporativism and justified social and economic disparities [12, p. 57–59]. Ideological characteristics of European FCS include: 1) creation of ethno-states in Europe, where political elites are ethnic European, and they have the power to shape society based on what they consider is the image of the true European and true European values, 2) ban of all immigration from Africa and the Middle East as this is an existential threat for Christian Europe, 3) Marxism, socialism and communism are ideological enemies as they enable the destruction of the European social, political and economic order.

The studies on international terrorist attacks, carried out by far right terrorists, have explored the actions and plans of presumed lone actors, concluding that the number of casualties increases when the attacks are carried out by groups [13, p. 113], and that perpetrators are influenced by those around them in the physical and digital world or by the literature they read [14, p. 799–807]. This presents the possibility that creating networks of ideological and material support is important in the final goals of these extremists. FCS, as well as other NTPAs that create global networks through strategic cooperation inspired by ideological principles with the intention to compete for leadership in those societies represent a higher threat to security than those in the far right who may act alone [15, p. 50–54].

Networks help in the transmission of extremist political ideologies as they serve as channels to share knowledge and experience to others already engaged or reach out to those who may be interested in the ideology and make them participants [16, p. 7–8]. Such was the case of the online forum the Fascist Forge that until 2020 shared fascist and white supremacist ideology [17, p. 217–231]. Iron March, another popular fascist website, created an online network of international fascism mostly for Western activists, was ironically founded by an ethnic Uzbek student living in Moscow who used the name Alexander Slavros, to spread fascist propaganda. He ran the site until it was shut down in 2017. The Internet influences the radicalization of individuals as it facilitates it. However, the offline environment is also relevant, as it creates the conditions for individuals to engage with those they think they share ideological interests online and and then become members of such networks [18]. The Internet can complement the radicalization process and contribute to the radicalization of others.

The creation of networks using modern technologies like social media platforms and websites is a strategy in the internationalization of modern European fascism that serves to organize protests, create and disseminate the content, share hyperlinks to advance the ideology and build alliances with other FCS and NTPAs [19, p. 3–17]. NTPAs and political parties of the far right use Twitter[2] to spread their ideology to national and international audiences [20, p. 515–530]. This platform is used to construct the politicized European identity and the discourse about the undesired non-European other [21, p. 716–727], who can be Muslim, immigrant, communist or, more recently, Russian. Platforms like Twitter allow the use of images and memes as tools to construct the undesired non-European other, create propaganda and online communities [22, p. 2484–2497]. These tools can also serve to recruit new members either nationally to physically attend events, or internationally to follow the NTPAs ideological network from abroad. The FCS European Future is active on Twitter, as well as on Telegram; the latter has not been sufficiently studied as a tool for propaganda of European FCS and other far right NTPAs.

Digital support can also be financial as money can flow between these NTPAs to sponsor their activism. Unlike Fascist Forge and Iron March that were not established FCS, but rather by the networks of online activism for NTPAs, European Future is an established FCS that runs an officially registered website that serves as a channel to spread a fascist ideology with other NTPAs, making this case more interesting to researchers.

Methods and materials

The article studies the online activism of the FCS European Future. This FCS was founded in 2007 in Barcelona by the neonazi Ramon Bau Fraera, one of the main ideologues of neo-nazism in Spain. This FCS also

[2] In March 2022, Twitter was blocked on the territory of the Russian Federation based on the decision of the Office of the Procurator General of the Russian Federation dated February 24, 2022. В марте 2022 г. Twitter был заблокирован на территории РФ на основании решения Генеральной прокуратуры РФ от 24 февраля 2022 г.

publishes its own books and journals [23, p. 212–214]. European Future is officially registered in the Spanish National Registry of Associations of the Ministry of Interior, which allows the group to receive money donations. In February 2023 European Future published The Militant, the nine pages manifesto intended to serve as the main ideological source of inspiration for its members and other far right NTPAs. The manifesto has nine pages with three main sections: a) What is the cultural war? b) The militant: Manual for the formation of the cultural war, and c) Forward to Europe. In section b there are four subsections: b.1) The New Man, b.2) The Silenced History, b.3) Makers of History, b.4) Revolutionary Politics.

The discourse analysis of the manifesto will be aimed at searching for keywords of three groups. The first group represents characteristics of the European far right and fascist ideologies: *nation, national(ist), people, Marxism, communism, socialism, national-socialism (NS), tradition, history / historic, values, our, power, Hitler, Goebbels, Volkssturm*. The second group of keywords contains characteristics of the discourse of the cultural war: *woke* (progre in Spanish), *revolution(ary), left(ist), battle, culture, Europe, West, civilization, ideology, worldview*. The third group of keywords describes NTPAs who are reading or taking action for the goals of the Spanish or European fascist movement: *heroes, militant*. The manifesto is in Spanish, the keywords have been translated. The Spanish keywords *battle* and *war* are both used in the phrase *cultural war*, so in the article both keywords represent the same meaning. In the manifesto the author prefers to use *battle* instead of *war*. The frequency of each keyword was calculated as a percentage in the total word count of the document (3,223). The results of the discourse analysis will present various narratives of this FCS in understanding of its cultural war ideologues.

Results

The keyword analysis shows the following distribution (times mentioned, percentage in the total word count). The first group – *nation / communism / socialism / tradition* (0; 0%), *nationalist* (1; 0.03%), *people* (13; 0.40%), *Marxism* (4; 0.12%), *national-socialism (NS)* (5; 0.15%), *history / historic* (16; 0.49%), *values* (9; 0.27%), *our* (32; 0.99%), *power* (7; 0.21%), *Hitler / Goebbles* (1; 0.03%), *Volkssturm* (2; 0.06%). The second group – *woke* (3; 0.09%), *revolution(ary)* (8; 0.24%), *leftist* (2; 0.06%), *battle* (17; 0.52%), *culture / cultural* (49; 1.52%), *Europe(an)* (24; 0.74%), *West / civilization* (3; 0.09%), *ideology* (4; 0.12%), *worldview* (7; 0.21%). The third group – *heroes* (7; 0.21%), *militant* (17; 0.52%).

In the first group the words *our* (32; 0.99%), *history / historic* (16; 0.49%) and *people* (13; 0.40%) represent the highest relevance for the ideologue of European Future who wrote the manifesto, Pablo Saez Pardo. The 32 mentions of the word *our* can be broken down into the following combinations: *our people(s)* (5; 15.62%), *our culture / our battle / our fighting* (2; 6.25%). The following keywords are found only in the combination with *our*: *civilization / ideal / movement / power / country / goals / efforts / worldview / ideology / vision / history / identity / pages / reality / era / hands / values / ethos / volksturm / eyes* (1; 3.12%). It is interesting that with the combination *our people(s)* the author does not specifically mean Spain, throughout the text he makes it clear that he talks about Europe and the imagined geographical West as one and the same civilization. This can be confirmed by the lack of the *Spain / Spanish* keyword and the presence of the combinations *our culture, our history, our identity* and *our civilization*. Though, the author does mention *our country*, and as the document is written in Spanish and is to be read by European Spanish speakers, it could be assumed he writes about Spain. However, the mentioned combinations suggest that he tries to create a sense of internationalism that links Spanish fascist history with that of other European societies, especially German, as he uses the term *Volkssturm*. Volkssturm was the term used by German nationalists of the Third Reich comparable to the term *race*. So, when he uses the combination *our Volkssturm* he is definitely writing about some imagined European race, similar to the German fascist concept of an Aryan race. In the other mention of the keyword *Volkssturm*, the author wrote "the ethos and the volkssturm that define the essence of our civilization", where he defines the cultural war and its aim to defend what he considers the European culture and an ethnic civilization. The only two mentions of Hitler and Goebbels in the document describe the moment when the latter disobeyed the former and decided to stay in Berlin as the Red Army approached; this decisiveness is something the author thinks should be a part of the every fascist militant's character today.

From the second group three keywords are present more than 0.40% in the document: *culture / cultural* (49; 1.52%), *Europe(an)* (24; 0.74%) and *battle* (17; 0.52%). Out of 49 mentions of culture, 17 are in a combination with the keyword *battle* (34.69%), followed by *culture* as a substantive (the culture, a culture) – (11; 22.44%), *European culture(s)* (5; 10.20%), *our culture / cultural dissolution* (2; 4.08%), *cultural + production / works / struggle / flag / differences / diversity / disintegration / rot / formation / fighter / identity / artistic-cultural production* (1; 2.04%). For the author, culture is both material and non-material, the former is everything that has ever been created by what he considers the Western European civilization, and the latter is the spiritual identity formed

by the interaction of the peoples that inhabit Europe and fill it with their unique ethnic interpretations. Based on his perception, this spiritual identity is threatened by non- and anti-Europeans. The keyword *Europe(an)* has some interesting combinations: *Europe* as a substantive – (9; 37.5%), *European culture* (5; 20.83%), *European + revolutionaries / framework / civilization / revolution / resistance / idiosyncrasy* (1; 4.16%), *non-European communities* (1; 4.16%), *revolutionary youth, genuinely European / anti-European historiography / Europeanist* (1; 4.16%). The author defines Europe as a cultural region that belongs to a specific supra-ethnic group without historical or ethnic differences, all Europeans share values, artworks, beliefs that must be defended from degradation and dissolution that can disintegrate a big European nation. In the author's view, this disintegration is promoted by capitalism, Marxism, "woke" leftists and Jews. The keyword *battle* is 17 times combined with the keyword with the keyword *culture / cultural* making it the only combination of those analyzed with 100% correlation. This combination describes the characteristics of the cultural war that should be effective, guarantee the existence of the idealized Europe for the future, and should have educated fascist militants.

In the third group, only the keyword *militant* is mentioned over 0.40%, which is understandable since this document is explicitly intended to be read by other fascist activists involved in the movement who might look for directions. This keyword is used as: *the / each / a militant* (12; 70.58%), *militant base* (2; 11.76%), *militant core / youth / formation* (1; 5.88%). The results show that the description of the FCS militant sympathizer is the second most important word in the document after the cultural war. There are some secondary keywords that are the most common in section b: *political* (15; 0.46%), *formation* (8; 0.24%), *members / ideas / ideals* (4; 0.12%), *thinking* (3; 0.09%). These secondary keywords express the requirement for the fascist revolutionary militant to properly develop political ideas and ideals that create the correct ideological thinking. The second keyword of this group, *heroes*, is used six times to describe the historical heroes, in most cases forgotten, to be praised by Europeans; one time the keyword is used to criticize the modern Hollywood artists praised as role models by some in the West.

Additionally, in each section of the document there are main goals that can be identified:

1. Section a – the author considers the fact that the cultural war has two directions: 1) internal – aimed at ideologized activists within the fascist far right to secure a total implementation of their political plan, 2) external – aimed at completing a total hegemonic change through what the author considers the European revolution to transform societies in the continent.

2. Section b – manual for the cultural war formation – aimed at inspiring activists to get educated and educate others in the ideology to win the cultural war. Education should be focused on national-socialist ideology, European culture and history from a Eurocentric standpoint in which Europe is the source of unprecedented knowledge and evolution. Fascist activists should also be educated in the history of their national heroes, including fascist dictators like Francisco Franco and Jose Antonio Primo de Rivera. This will contribute to the fascist revolution and will eventually save Spain and Europe from destruction.

3. Section c – calls the readers to become fascist militants and join the fight against the European left to resist changes and the supposed destruction of the idealized Europe to defend the "Volkssturm".

There is the author's philosophical contradiction as in *section a* he states that Europe should be defined by a European culture, not by historical circumstances. Then in *section b* he mentions that the circumstances for the ideological revolution of the far right in society do not exist. Later in *section c* he writes that the circumstances of the nation and the historical moment would allow the ideological revolution. For the author, the circumstances of Europeans can shape the fascist revolution, but they cannot shape Europe as this is not only a geographical region by his primordialist understanding. For the author, Europe is a geographical region inhabited by ethnic indigenous Europeans, which leaves many questions, like *what is the place of countries like Russia and Turkey in this idealized Europe?* unanswered.

Conclusion

The discourse analysis of the The Militant – The Cultural War manifesto identified the following narratives:

a) for the FCS European Future, Europe is an idealized region that can only be socially constructed by ethnic Europeans;

b) European history, people, and culture have to be defended by an active ideologized fascist militant from a perceived Marxist and liberal international order that threatens the existence of the idealized Europe;

c) the cultural war has to be won by the far right to guarantee the future of Europe;

d) the FCS European Future sees German historical national-socialism and its leaders as historical ideological references that are valid and need to be followed in today's reality.

e) fascist European militants are needed to participate in the cultural war and educate others on the ideology.

f) the cultural war is required to cause a hegemonic change to the right, retake control from leftist forces, and establish far right extremist governments that will protect the ethnic composition of the idealized Europe.

This manifesto is intended to create an internationalist network of Spanish far right fascist activists who will engage with other European FCS for the consolidation of the idealized Europe. The document aims to define the cultural war from the perspective of an FCS that perceives itself as an active participant of this event. For European Future, the cultural war in the European context of ethno-nationalist / fascist militants against the left has the following characteristics: 1) it is an ideological dichotomy between the European and the non-European, in which the former is the revolutionary reaction to the latter that is an American interventionist "woke" ideology, 2) "woke" or progressive ideology questions the established social order that limits the development in society and is toxic to the idealized Europe, 3) reactionary nationalism tries to protect traditional idealized European values from the "woke" deconstruction of society in the cultural war.

These characteristics show that the cultural war is, indeed, an ideological war between the left and the right. It was shaped by the philosophical and ideological conflicts of the Cold War that survived to our days. The difference is the role of social media, new technologies, and propaganda in the spread of information and disinformation. The role of Telegram in the creation of NTPAs like European Future, including the other FCS like FACTA and Rincón Hispánico (which organizes public lectures and publishes books of Nazi content in Madrid), should also be studied in depth in future research, as this can provide more details into the organization capabilities these NTPAs have. European Future has 2,170 subscribers in Telegram and has posted 2,595 photos and 84 videos of propagandistic content as of the day this work was written.

It could be argued that FCS are not numerous or that their online activities are limited to their internal ideological audiences, but in our hyper connected reality Spanish FCS and other far right NTPAs can easily engage in communication with others in their ideological line in other European countries. Getafe Nacional Revolucionario, another Spanish FCS, shared a video on Twitter on March 5th, 2022. The video showed material support sent by the FCS to Ukrainian nationalists. A photo twitted on March 1st, 2022 by European Future shows a demonstration in support of the 36th Waffen Grenadier Division of the SS with a banner in Ukrainian that reads *My honor is loyalty*, likely to have taken place in Madrid. Future research can also focus on the physical and digital visual propaganda materials used by these Spanish FCS, some of which are available at the mentioned social media platforms helping them reach and engage other far right NTPAs in the continent. The propagandistic ideological content used by European far right NTPAs in the cultural war includes the known political symbols like Nazi swastikas or the Schutzstafell, as well as other more specific ones like the Othala, the Sonnerand or Odin's Cross.

It should be primordial for European states to limit the possibilities of the far right NTPAs and FCS that engage in an ideological extremism to participate in the perceived cultural war as nationalist revolutionaries who aim to cause a hegemonic change to the extreme right. Such efforts must include the international cooperation as the European NTPAs and FCS have internationalized and threaten the social stability of European societies, including Russia, for being perceived as the historical enemy of European fascism.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.
Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

References / Литература

1. Greskovits B. Rebuilding the Hungarian right through conquering civil society: the Civic Circles Movement. *East European Politics*, 2020, 36(2): 247–266. http://doi.org/10.1080/21599165.2020.1718657
2. Volk S. Resisting "leftist dictatorship"? Memory politics and collective action framing in populist far-right street protest. *European Politics and Society*, 2022. http://doi.org/10.1080/23745118.2022.2058756
3. Castelli Gattinara P., Froio C. Politicizing Europe on the far right: Anti-EU mobilization across the party and non-party sector in France. *Social Movement Studies*, 2022, 21(1-2): 199–215. http://doi.org/10.1080/14742837.2021.1944851
4. Масаев М. В., Разбеглова Т. П. О некоторых аспектах феномена культурной войны. *Дискурс-Пи*. 2016. № 23. С. 61–67. [Masayev M. V., Razbeglova T. P. About some aspects of the cultural war phenomenon. *Discourse-P*, 2016, (23): 61–67. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/wagwef
5. Rogozhkin A. Culturological concept "war of cultures" and "cultural wars". *Kultura v fokuse nauchnykh paradigm*, 2017, (5): 45–50. (In Russ.) [Рогожкин А. Культурологический концепт «война культур» и «культурные войны». *Культура в фокусе научных парадигм*. 2017. № 5. С. 45–50.] https://www.elibrary.ru/nriijt
6. Thomson I. T. Culture wars and warring about culture. *Culture wars and enduring American dilemmas*. University of Michigan, 2010, 1–30. https://doi.org/10.2307/j.ctt22p7hg8.3

7. Isaacs R., Wheatley J., Whitmore S. Culture wars in the Post-Soviet space. *Europe-Asia Studies*, 2021, 73(8): 1407–1417. http://doi.org/10.1080/09668136.2021.1972581
8. Borg S. Cancelling the West. Transatlantic relations in the era of culture wars. *Global Affairs*, 2021, 7(3): 311–325. http://doi.org/10.1080/23340460.2021.1952469
9. Cox R. W. Gramsci, hegemony and international relations: an essay in method. *Millenium: Journal of International Studies*, 1983, 2(12): 162–175. https://doi.org/10.1177/03058298830120020701
10. Albares Gomez N. El concepto de hegemonia en Gramsci: una propuesta para el análisis y la acción política. *Revista de Estudios Sociales Contemporáneos*, 2016, 15: 150–160.
11. Kharlamov V. S. Fascistization of modern Ukraine. *Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2015, (2): 50–54. (In Russ.) [Харламов В. С. Фашизация современной Украины. *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2015. № 2. С. 50–54.] https://www.elibrary.ru/ucnool
12. Antonchenko V. V. Fascization of the state and law. *Lex Russica*, 2022, 75(9): 55–65. (In Russ.) [Атонченко В. В. Фашизация государства и права. *Lex Russica*. 2022. Т. 75. № 9. С. 55–65.] https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.190.9.055-065
13. Lindekilde L., O'Connor F., Schuurman B. Radicalization patterns and modes of attack planning and preparation among lone-actor terrorists: an exploratory analysis. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 2019, 11(2): 113–133. https://doi.org/10.1080/19434472.2017.1407814
14. Gardell M. Urban terror: The case of lone wolf Peter Mangs. *Terrorism and Political Violence*, 2018, 30(5): 793–811. https://doi.org/10.1080/09546553.2018.1444796
15. Theron J. Networks of threats: interconnection, interaction, intermediation. *Journal of Strategic Security*, 2021, 14(3): 45–69. https://doi.org/10.5038/1944-0472.14.3.1942
16. Knott K., Lee B. J. Ideological transmission in extremist contexts: towards a framework of how ideas are shared. *Politics, Religion & Ideology*, 2020, 21(1): 1–23. https://doi.org/10.1080/21567689.2020.1732938
17. Lee B., Knott K. Fascist aspirants: Fascist Forge and ideological learning in the extreme-right online milieu. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 2022, 14(3): 216–240. https://doi.org/10.1080/19434472.2020.1850842
18. Mølmen G. N., Ravndal J. A. Mechanisms of online radicalisation: how the Internet affects the radicalisation of extreme-right lone actor terrorists. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 2023, 15(4): 463–487. http://doi.org/10.1080/19434472.2021.1993302
19. Törnberg A., Nissen A. Mobilizing against Islam on social media: hyperlink networking among European far-right extra-parliamentary Facebook groups. *Information, Communication & Society*, 2022. https://doi.org/10.1080/1369118X.2022.2118546
20. Froio C., Ganesh B. The transnationalisation of far right discourse on Twitter. *European Societies*, 2019, 21(4): 513–539. http://doi.org/10.1080/14616696.2018.1494295
21. Ganesh B., Froio C. "Europe des Nations": far right imaginative geographies and the politicization of cultural crisis on Twitter in Western Europe. *Journal of European Integration*, 2020, 42(5): 715–732. http://doi.org/10.1080/07036337.2020.1792462
22. Trillò T., Shifman L. Memetic commemorations: remixing far-right values in digital spheres. *Information, Communication & Society*, 2021, 24(16): 2482–2501. https://doi.org/10.1080/1369118X.2021.1974516
23. Ramos M. *De los neocón a los neonazis. La derecha radical en el Estado español*. Madrid: Rosa Luxemburg Stiftung, 2021, 514.

© 2023. Gorbunova E. A.

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITOLOGY, SOCIOLOGY AND ECONOMICS

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Понятие *интеграция мигрантов* в российских концепциях миграционной политики: к вопросу о концептуальных основах

Горбунова Екатерина Андреевна
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург
https://orcid.org/0000-0002-8504-4349
savirtes@gmail.com

Поступила 21.02.2023. Принята после рецензирования 13.09.2023. Принята в печать 13.09.2023.

Аннотация: Попытки концептуализировать процессы интеграции мигрантов в обществе регулярно сталкиваются с критикой внутри академического сообщества. Характерно, что у основного термина – интеграции – не существует общепринятого определения. В статье предлагается анализ российской политики в сфере интеграции мигрантов. Цель – уточнить значение термина *интеграция*, а также сопоставить теории интеграции с практическими мерами, реализуемыми в данной сфере. Проведен теоретический анализ, раскрывающий определение понятия *интеграция* и его концептуальные основы, а также показывающий некоторые противоречия его использования в политическом дискурсе и научной литературе. Сформулировано понятие интеграции как включения индивида в структуру социальных связей некоего принимающего сообщества. С помощью метода контент-анализа рассмотрено употребление понятия *интеграция* в основополагающих документах российской иммиграционной политики. Сделано заключение о существовании пробелов в российской интеграционной политике. Возникающий разрыв между проводимой интеграционной политикой и реалиями существования мигрантов мешает эффективному включению мигрантов в российское общество. Решение проблемы требует тесного сотрудничества между различными акторами миграционной политики, включая некоммерческие гражданские организации.

Ключевые слова: иммиграция, интеграция, интеграция мигрантов, иммиграционная политика, интеграционная политика, государственная политика

Цитирование: Горбунова Е. А. Понятие *интеграция мигрантов* в российских концепциях миграционной политики: к вопросу о концептуальных основах. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 3. С. 292–300. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-3-292-300

full article

Migrant Integration in Russian Migration Policy: Conceptual Framework

Ekaterina A. Gorbunova
St. Petersburg University, Russia, St. Petersburg
https://orcid.org/0000-0002-8504-4349
savirtes@gmail.com

Received 21 Feb 2023. Accepted after peer review 13 Sep 2023. Accepted for publication 13 Sep 2023.

Abstract: Attempts to conceptualize the integration of migrants in society regularly face criticism within the academic community; the term *integration* does not have a generally accepted definition. The article offers an analysis of Russian migrants integration policy. The purpose of the study is to clarify the meaning of the term *integration*, as well as to compare integration theories with practical measures of immigrant integration. The authors define the concept of integration, explore its conceptual foundations, and shed light on some contradictions of its use in political discourse and scientific literature. The concept of integration is defined as the inclusion of an individual in a certain host community's social ties structure. Using the content analysis method, the article considers the place of integration concept in the fundamental documents of the Russian immigration policy. The authors conclude that the Russian integration policy has its faults. There is a gap between the integration policy and the realities of the migrants' existence, which prevents the effective inclusion of migrants in Russian society. Solving the problem requires close cooperation between various actors of migration policy, including non-profit civil organizations.

Keywords: immigration, integration, integration of immigrants, immigration policy, integration policy, state policy

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

Citation: Gorbunova E. A. Migrant Integration in Russian Migration Policy: Conceptual Framework. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(3): 292–300. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-3-292-300

Введение

Интеграция иммигрантов – это одно из ключевых понятий в исследовании миграционных процессов. Миграционные потоки могут оказывать как негативное, так и позитивное влияние на общество. Иммиграция может являться источником высококвалифицированных специалистов, финансового и культурного капитала. Но иммиграция также несет в себе различные социально-экономические и политические риски, такие как межэтнические конфликты, экономическое расслоение, социальное неравенство и, как результат, социальное напряжение.

В этом контексте интеграция иммигрантов рассматривается как необходимое условие для минимизации социальных рисков, вызываемых миграцией. Лишь при создании работающих механизмов натурализации и адаптации мигрантов принимающая страна может извлекать пользу из миграционных потоков. Напротив, провалы миграционной политики ведут к маргинализации мигрантов и росту ксенофобии, неизбежно повышая конфликтогенный потенциал принимающего общества.

Однако, несмотря на то, что значимость интеграции мигрантов для успешного регулирования принимающей страной миграционных потоков и сопутствующих им социальных вызовов неоспоримо, конкретное содержание и меры интеграционной политики оставляют пространство для дебатов. Поэтому представляется важным уточнение смысла понятия *интеграция*, а также сопоставление теории интеграции с практическими мерами в данной сфере.

Теоретические основы

Под интеграцией мигрантов в академическом дискурсе может подразумеваться либо процесс включения мигрантов в общественную жизнь принимающей страны, либо государственная политикая, направленная на вовлечение мигрантов в общественную жизнь и решение социальных проблем, вызванных миграцией. Исследователи миграции, как правило, выделяют 4 основных модели включения мигрантов в принимающее общество: сегрегация, мультикультурализм, ассимиляция и интеркультурализм.

Под сегрегацией подразумеваются действия, направленные на развитие иммигрантских сообществ через их собственные институты, отличные от институтов принимающего сообщества. Данный подход способствует сохранению культуры иммигрантов, однако фактически ограничивает возможности мигрантов по участию в жизни общества.

Мультикультурализм стремится сохранить разнообразие культур, но включает целенаправленные действия государства по управлению мультикультурными отношениями [1; 2]. Данный подход отказывается от создания отдельных институтов в пользу развития инклюзивных практик в уже существующих институтах.

Ассимиляционная модель фокусируется на необходимости привлечения мигрантов к господствующей культуре принимающего сообщества с тем, чтобы они могли адаптироваться и полноценно участвовать в жизни общества [3; 4]. Данный подход требует от мигрантов отказаться от своих культурных особенностей ради адаптации к институтам принимающего общества.

Интеркультурализм, так же как и мультикультурализм, стремится сохранить различные мигрантские культуры и даже рассматривает в культурном многообразии возможность выработать чувство общей принадлежности [5]. В отличие от мультикультурализма, который стремится включить иммигрантов в принимающее сообщество через признание различий и отличительных культурных практик, интеркультурализм также делает акцент на общих ценностях и уважении общего наследия.

Попытки концептуализировать процессы интеграции мигрантов в обществе регулярно сталкиваются с критикой внутри академического сообщества [6; 7]. Характерно, что у основного термина *интеграция* не существует общепринятого определения. Даже в научном сообществе понимание его содержания может меняться в зависимости от того, обращаемся мы к европейской или американской традиции, не говоря уже о том, что в политическом дискурсе словом *интеграция* могут обозначаться абсолютно противоположные по целям и методам политики.

Более того, сама концепция интеграции часто подвергается критике со стороны исследователей. Например, В. Шинкель подчеркивает, что идея интеграции нарушает социальное единство, поскольку создает и подчеркивает противопоставление между обществом и *иммигрантским сообществом*, в результате чего иммиграционная и интеграционная политика зачастую становятся инструментом исключения людей из общества за счет использования моделей управления, построенных на групповых различиях [6]. В этом смысле интеграция как категория

государственной миграционной политики и как категория социологического анализа могут отличаться. Более того, на практике государственная политика может приводить к обратным результатам и мешать интеграции иммигрантов [8].

Данная критика, впрочем, не подразумевает отказа от использования термина. Скорее необходимо осознавать, что понятие *интеграция* может применяться как механизм государственной политики, оперирующий этнокультурными различиями для определенных государственных целей [9]. Данное определение помещает интеграционную политику в широкий контекст политических институтов и дискурсов, отражая многообразие возможных политических целей, методов и оснований, на которых опирается интеграционная политика. Таким образом, принимая во внимание критику, направленную на политизированность концепции интеграции, становится возможным разделить интеграцию как категорию анализа и как практическую категорию, которой оперируют в политическом дискурсе.

При этом ключевой проблемой, которая стоит перед исследователями в области иммиграции и интеграции иммигрантов, является не запутанность и многомерность предмета исследования, а его тесная связь с идеологией и государственной политикой. Многие категории анализа и концепции в данной сфере являются одновременно частью политического дискурса. Поэтому крайне важно отделить научные термины от их политических коннотаций.

Помимо восприятия интеграции как политического механизма, ее также можно рассматривать как символическое включение иммигрантов в принимающее общество. Этот подход во многом основывается на идеях А. Хоннета, современного немецкого философа и социолога, продолжателя Франкфуртской школы, который сделал *признание* одной из основных концепций своей общественной теории. Согласно А. Хоннету, в основе социальных конфликтов лежит желание получить подтверждение *другим* моральных качеств, способностей и достижений, с которыми ассоциируют себя индивиды и группы [10]. Иными словами, разрешение конфликта возможно только тогда, когда признается значение определенной социальной группы для всего общества.

В рамках данного подхода исследователи обращают внимание на восприятие определенной группы мигрантов в обществе. Однако данную интерпретацию понятия *интеграция* нельзя считать точной, несмотря на то, что она предлагает интересные точки для анализа: символические жесты могут оказаться «пустыми» и не отражающими реальный уровень включения той или иной группы в принимающее общество.

В целом у подходов, анализирующих взаимодействие различных этнических групп, есть значительные ограничения. Такие понятия, как *этническая принадлежность* или *этническая идентичность* крайне сложно использовать в качестве категории анализа [11]. Зачастую они оказываются слишком категоричными, упрощая то, как индивид видит самого себя: этническая принадлежность пересекается с другими аспектами идентичности, и принадлежность к этнической группе не обязательно имеет решающее значение для самовосприятия и поведения человека. В российской практике это зачастую выражается в проблемах во взаимодействии между представителями государства и диаспорами: хотя последние часто воспринимаются как важный посредник в интеграции мигрантов, у них есть свои экономические интересы, которые препятствуют работе по интеграции мигрантов.

Таким образом, указания на интеграцию определенной группы мигрантов или на межэтнические отношения в каком-либо регионе всегда будут неточными и неполными без учета целого ряда других факторов – экономических, социальных, политических. Однако если признать интерпретацию понятия *интеграция* через символическое включение в принимающее сообщество недостаточной для объяснения данного процесса, то вновь встает вопрос: что мы имеем в виду, когда говорим об интеграции мигрантов?

Социологическая интерпретации понятия *интеграция*

Термин *интеграция* изначально применялся вне контекста иммиграции или государственной политики. Считается, что он был введен в работах французского социолога Э. Дюркгейма в рамках исследования процесса социализации индивидуумов в обществе. Понимание интеграции Э. Дюркгейма подразумевает, что те, кто ею пользуется (будь то иммигранты, дети или любая другая социальная группа, проходящая процесс адаптации к социальной жизни), находят свое место в обществе, нации, институтах, чьи правила, нормы или ценности они принимают и усваивают [12]. При этом с социологической точки зрения понятие *интеграция* фокусируется как на сплоченности общества в целом, так и на поведении конкретных групп, признавая интегрирующую роль институтов вне государства [13]. Иными словами, в классическом понимании этого понятия, *интеграция* означает участие в жизни общества в различных его формах: через работу, образование, досуг, волонтерство, дружбу или семью.

В данной интерпретации речь идет о включенности индивида в социальный ландшафт принимающего общества. В контексте миграционной политики это означает появление у иммигранта прочных социальных связей в новой стране. Различные формы интеграции в данной интерпретации не предполагают участия государства, поскольку сосредоточены на горизонтальных отношениях между людьми, живущими в одном обществе. Более того, это определение не возлагает обязанность по интеграции исключительно на иммигрантов, а скорее представляет ее как взаимный процесс, в котором участвуют и иммигранты, и общество.

Существуют определенные элементы, которые являются частью идеи *хорошо интегрированной группы*. Можно выделить несколько векторов интеграции:

- социальная интеграция – происходит через формирование межличностных связей в принимающем обществе;
- экономическая интеграция – требует стабильной занятости;
- гражданская интеграция – подразумевает принятие ценностей принимающего общества [14, с. 11].

Последний вектор, противопоставляющий иммигрантов монолитному принимающему обществу, лишенному различий, представляет собой скорее идеализированное представление об иммиграции, чем реальный аналитический термин [7]. Тем не менее в государственном дискурсе об интеграции зачастую рассматривается только гражданская интеграция.

Основываясь на определении термина Э. Дюркгейма, А. Сайад отмечает абсурдность политического дискурса об интеграции, поскольку интеграция может быть лишь побочным эффектом действий, направленных на достижение других целей [15, с. 13]. Таким образом, политическое понятие интеграции, подчеркивая формальные критерии интеграции, скрывает несоответствие между обязательством интегрировать мигрантов, которое берет на себя государство, и реальными возможностями реализации этого обязательства. Важно также отметить, что различные направления интеграции независимы, не обязательно коррелируют друг с другом и поэтому не могут быть сведены к формальным критериям. Так, исследования восходящей мобильности мигрантов показывают, что экономическая и культурная интеграция не обязательно влечет за собой социальную интеграцию [16]. Поэтому излишне оптимистично полагать, что включение в одно из общественных полей само по себе может обеспечить необходимую основу для полной и всесторонней интеграции иммигрантов. В. С. Малахов отмечает, что для анализа интеграционных успехов важна совокупность различных сфер интеграции [17]. Среди российских исследователей интеграция также часто рассматривается как практическое использование усвоенных социальных норм в рамках правовых, трудовых, социальных и культурных отношений, являющееся вторым шагом после адаптации [18]. При такой трактовке интеграция становится одновременно и результатом успешного включения в принимающее сообщество, и процессом пребывания мигранта в новом обществе.

Наконец, Е. А. Варшавер определяет интеграцию как ре-категоризацию конкретных людей в пространстве атрибутов, указывающих на их *мигрантскость* и *местность* [19]. Такая концепция интеграции подчеркивает относительность интеграционного процесса, когда в каждом принимающем сообществе существуют свои стандарты принятия. Таким образом, мы вновь обращаемся не к формальным признакам принадлежности к гражданскому сообществу, а к социально опосредованному восприятию данных категорий. Более того, такая трактовка указывает на еще одну проблему определения интеграции как включения – такое определение оставляет неясным качество включения. Как отмечают Е. А. Варшавер и ряд других исследователей, в зависимости от конкретных признаков, определяющих категорию *местность* в том или ином обществе принятия, включение в структуры сообщества не обязательно означает восприятие иммигрантов как членов сообщества [14; 16; 19].

Мы предлагаем определить понятие *интеграция* как включение индивида в систему социальных, экономических и культурных связей принимающего сообщества в качестве полноправных членов данного сообщества. По нашему мнению, акцент на связях в данном определении интеграции позволяет уйти от излишнего формализма или размытости, вызванных помещением в центр интеграционного дискурса такого слабоизмеримого критерия, как ценности.

Переопределение интеграции через социальную сферу имеет прямые последствия не только на теоретическом, но и на практическом уровне. Сделав акцент на различных горизонтальных социальных связях, интеграционная политика отходит от формальных критериев интеграции мигрантов. В результате этого возникает необходимость учета различных социальных акторов в жизни иммигрантов, что, в свою очередь, требует активного сотрудничества государственных структур с неправительственными организациями в сфере интеграции, а также признания и поддержки такого сотрудничества на уровне государственной политики.

Однако *включение* все же оставляет место для терминологической неопределенности, поскольку оставляет открытым вопрос о том, как его измерить.

Как отмечал В. С. Малахов, такое понятие, как *неинтегрированный иммигрант*, невозможно, поскольку каждый человек в той или иной степени интегрирован в общество [17, с. 38]. Именно поэтому мы предлагаем на практическом уровне переформулировать вопрос инклюзии как вопрос доступа. Иными словами, политика интеграции должна обеспечивать иммигрантам доступ к ресурсам, услугам и инфраструктуре наравне с гражданами, а также доступ к правовой информации и процедуре получения нового правового статуса. Такая формулировка указывает на необходимость создания инфраструктуры, недостаточная развитость которой является давней проблемой российской интеграционной политики [20].

Российские концепции миграционной политики

Начиная с конца 1980-х гг. политика интеграции мигрантов стала активно обсуждаться в научном дискурсе. В это же время начинают оформляться различные концепции интеграционной политики, такие как республиканская модель, отрицающая деление людей по каким-либо критериям и провозглашающая равенство всех граждан (Франция); мультикультурализм, направленный на сохранение и сосуществование культурных различий (Канада, Австралия, Британия); интеркультурализм, который сочетает культурное многообразие и наличие общих ценностей (Квебек, Каталония). Параллельно с мерами по адаптации новоприбывших мигрантов и укреплению сплоченности общества во многих странах принимались программные документы и хартии, декларирующие основные принципы и концептуальные рамки интеграционной политики.

В отличие от зарубежных стран, давно разрабатывавших концепции интеграционной политики, в России политика адаптации мигрантов начала формироваться относительно недавно. После распада СССР интеграция мигрантов долгое время осуществлялась различными гражданскими и благотворительными организациями. На государственном уровне вопросы интеграции не рассматривались, несмотря на то, что Россия в короткие сроки стала региональным центром притяжения мигрантов. Лишь в 2012 г. проблема интеграции мигрантов была поднята в рамках концепции государственной миграционной политики России на период до 2025 г.[1] В 2018 г. была представлена измененная и дополненная концепция иммиграционной политики[2].

Перечисленные концепции рассматривали вопрос включения иммигрантов в принимающее общество. Тем не менее для основополагающих документов, призванных регулировать политику в отношении иммигрантов, они уделяют очень мало внимания интеграции и адаптации приезжих в российском обществе. Интересно отметить, особенно в сравнении с ранее упомянутыми мировыми концепциями интеграционной политики, что в указанных российских документах практически не определено, в каких концептуальных рамках существует российская интеграционная политика. В целом, интеграция иммигрантов упоминается 10 раз в первой концепции и 5 раз во второй.

Что касается контекста использования данных терминов, в концепции 2012 г. прямо отмечается отсутствие программ по интеграции и в целом проблемы с интеграцией мигрантов. 11 п. концепции прямо указывает, что меры по интеграции мигрантов являются необходимым элементом миграционной политики, без которых она не может отвечать потребностям общественного развития. Далее, в 17 п. отмечается, что пробелы в работе по интеграции мигрантов приводят к их изоляции и появлению иммигрантских анклавов. Таким образом, концепция однозначно устанавливает значение мер по интеграции мигрантов для успешной реализации миграционной политики.

Тем не менее концепция не дает определения понятиям *интеграция* и *адаптация*. При этом в документе предложены либо чрезмерно абстрактные формулировки (создание благоприятных условий для интеграции), либо исключительно формальные критерии интеграции, такие как сбор и подача документов в определенный срок. Отсутствие конкретных и практических интеграционных мер является несомненным препятствием для эффективной реализации иммиграционной политики. В целом концепция 2012 г. не предлагает конкретных, практических и измеримых шагов по обеспечению заявленных в документе целей.

Говоря о последующей концепции 2018 г., прежде всего важно отметить терминологический сдвиг: если в концепции 2012 г. термины *интеграция* и *адаптация* используются в паре друг с другом, то в более поздней версии концепции остался только термин *адаптация*. Можно предположить, что адаптация представляется составителям концепции более нейтральным термином. Однако речь идет исключительно о косметической замене, поскольку

[1] О Концепции государственной миграционной политики РФ на период до 2025 г. *Правительство России*. URL: http://government.ru/info/20224/ (дата обращения: 11.12.2022).

[2] О Концепции государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 гг. (с изм. и доп.). Указ Президента РФ № 622 от 31 октября 2018 г. *СПС Гарант*.

контекст употребления данных терминов и вкладываемый смысл совпадают, несмотря на то, что все исследователи определяют эти термины по-разному. Интересно также отметить, что в концепции 2018 г. полностью убран раздел с определениями ключевых терминов.

Новая концепция делает заметный акцент на безопасности, контроле и пресечении нарушений, при том что данные вопросы практически не упоминались в предыдущей концепции. Вместе с тем из концепции исчезли отсылки на гуманитарные принципы миграционной политики, такие как соблюдение прав человека, недопустимость дискриминации, гармонизация интересов личности, общества и государства. Данные изменения отражают общий поворот к секьюритизации миграционной политики.

Под секьюритизацией политики здесь подразумевается культивирование такой позиции, при которой присутствие мигрантов воспринимается прежде всего как деструктивный и криминогенный фактор, представляющий угрозу национальной безопасности. Формируется силовой подход к миграционной политике как на федеральном, так и на региональных уровнях [21, с. 31]. При такой концептуализации миграции исключается сама постановка вопроса о соблюдении прав мигрантов [22], с чем и связан заметный сдвиг в языке второй концепции. Кроме того, вопросы интеграции и адаптации мигрантов уходят на второй план и теряют свою значимость, что выражается в снижении количества упоминаний данных тем. Не случайно, что одновременно специалистами отмечается снижение качества российской интеграционной политики [23, с. 138].

Следует, однако, отметить, что в новой концепции более конкретно прописаны механизмы реализации миграционной политики, в которых, в частности, выделены ответственные акторы. Тем не менее концепция по-прежнему не определяет конкретных задач и шагов по реализации заявленных целей. Данный недостаток представляется существенным, поскольку на практике в рамках миграционной политики основное внимание уделяется различным мероприятиям культурной направленности, таким как культурные фестивали, которые не отличаются особой эффективностью [21, с. 32]. Иными словами, на уровне реализации миграционной политики не хватает мотивации и понимания того, как можно эффективно содействовать интеграции мигрантов.

Акцент на мероприятия в сфере культуры также связан и со сложившимся восприятием интеграции как исключительно культурной проблемы. Дискурс вокруг вопроса предполагает, что интеграция равна принятию господствующих в принимающем обществе культурных ценностей. Эта позиция четко выражена в обеих российских концепциях иммиграционной политики: например, действующая концепция 2018 г. называет изучение истории и культуры России одним из основных условий интеграции мигрантов.

Классические работы в этой области, наоборот, предполагают, что действительной основой и фундаментом интеграции мигрантов является появление новых социальных связей [12; 24]. Более поздние теории предложили рассматривать интеграцию в экономической, политической, культурной и социальной сферах жизни общества отдельно [25]. При этом одна лишь культурная интеграция не способна обеспечить успешное разрешение социального напряжения, связанного с миграцией. Наконец, последние исследования показывают, что даже люди, которые в целом успешно интегрированы и соответствуют представлениям о *хорошем иммигранте*, т. е. являются хорошо образованными представителями среднего класса, прошедшими культурную адаптацию, все равно могут чувствовать себя отстраненными и разочарованными из-за отсутствия возможностей для социальной интеграции [16]. При этом важно отметить, что экономическая интеграция и культурная адаптация могут быть достигнуты индивидуальными усилиями, в то время как социальная интеграция требует участия как иммигранта, так и принимающего общества.

Российские концепции иммиграционной политики, провозглашая необходимость интеграции иммигрантов, делают акцент на языке и ценностях как критериях интеграции, полностью опуская социальные и экономические соображения. Пренебрежение социальным измерением является одним из основных недостатков российской миграционной политики, который делает невозможной успешную интеграцию иммигрантов [26]. В результате, как отмечают социологические исследования, проведенные в среде мигрантов, российская миграционная политика скорее препятствует, чем способствует интеграции мигрантов [8].

Отсутствие комплексных программ интеграции является одной из важнейших проблем российской иммиграционной политики. Хотя иммиграция часто представляется решением российских демографических проблем, очень мало сделано для того, чтобы изменить восприятие мигрантов как краткосрочной рабочей силы. Трудовая иммиграция, как отмечает А. Саяд, представляет собой заманчивый образ для принимающей страны: доступ к дешевой рабочей силе без необходимости решать сопутствующие социальные вопросы. Однако подобное разделение между краткосрочной и долгосрочной миграцией в действительности является искусственным и не отражает реального положения

мигрантов [27]. Или, как выразился российский исследователь Д. Полетаев, дешевый труд мигрантов нужен экономике, но государство хочет уклониться от решения проблем мигрантов [28, с. 16]. Несмотря на то, что в Российской Федерации создан ряд центров по интеграции, объем предоставляемой помощи никак не соотносится с общим количеством мигрантов в стране.

Особенно острой является нехватка общегосударственной программы по интеграции детей-мигрантов. Дети-мигранты представляют одновременно и наиболее перспективную, и наиболее опасную группу. С одной стороны, иммигрантам, которые оказываются в России в детском возрасте, проще адаптироваться к новой культуре и языку. С другой стороны, у иммигрантов второго поколения, столкнувшихся с дискриминацией, может складываться негативное отношение к принимающему обществу [29], что приводит к росту градуса социального напряжения. Это определяет необходимость решения проблемы доступа детей-мигрантов к школьному образованию и создания программ по интеграции детей-мигрантов.

На сегодняшний день в России действует ряд общественных организаций, работающих с детьми мигрантов. Дети представляют собой наиболее охваченную поддержкой группу мигрантов. Однако объемы ресурсов некоммерческих организаций недостаточны для решения существующих проблем. Отсутствие государственных программ и государственного финансирования в этой сфере является существенным пробелом государственной иммиграционной политики.

Возможным способом решения проблемы могла бы стать совместная работа государственных структур с институтами гражданского общества и, в частности, с различными некоммерческими организациями, взаимодействующими с мигрантами. Агенты гражданского общества играют особую роль в процессе интеграции мигрантов, находясь «на земле» и лучше всего понимая проблемы и задачи, которые необходимо решить для обеспечения успешной интеграции. Вместе с тем такие организации являются наиболее уязвимыми акторами с точки зрения финансирования [30, с. 83]. Таким образом, эффективная интеграционная политика должна предполагать соединение понимания и навыков гражданских акторов с государственными ресурсами.

Сама по себе идея использовать некоммерческие организации для решения пробелов в государственной политике не нова. Данный подход, основанный на тесном взаимодействии государственных структур и гражданского общества, используется во многих европейских странах. Как отмечают исследователи, подобное взаимодействие может принимать разные формы в зависимости от сложившихся политических традиций конкретных регионов и конфигурации политической арены – от горизонтального сотрудничества между разными акторами до установления вертикальной иерархии, формирующейся за счет использования системы государственного заказа [31].

Различные формы сотрудничества между гражданскими организациями и государственными структурами можно найти и в отдельных регионах Российской Федерации. Такие организации, как «ПСП-Фонд» или центр «Этносфера» регулярно взаимодействуют с государственными структурами на региональном уровне и оказывают экспертную поддержку. Однако подобные примеры скорее являются исключением, чем общепринятой практикой в российской действительности.

В отличие от России, в европейских странах действует сложившаяся система государственного заказа на деятельность некоммерческих организаций, дающая организациям возможность обеспечить свое стабильное существование. В России, напротив, гражданские организации, пытающиеся компенсировать пробелы в государственной политике, сталкиваются с нехваткой ресурсов и финансовыми проблемами. В результате многие организации, работавшие с мигрантами, поменяли деятельность с некоммерческой на коммерческую. За счет этого российскую интеграционную политику можно охарактеризовать скорее не как взаимодействие с гражданскими структурами, а как перекладывание ответственности.

Подобная форма работы с мигрантами не учитывается в российской иммиграционной политике, а ее применение и эффективность зависят от личной инициативы гражданских служащих на региональном и муниципальном уровнях. Для обеспечения эффективного взаимодействия между различными акторами, участвующими в процессе интеграции мигрантов, подобное взаимодействие должно быть отражено в основополагающих документах, а также в документах и положениях более низких уровней. Данный пробел в существующей политике мешает созданию системного и целостного подхода к интеграции мигрантов в России.

Таким образом, политика интеграции мигрантов в том виде, в котором она представлена в российских концепциях иммиграционной политики, не отражает ни теоретического понимания интеграции мигрантов, ни целей и задач, поставленных в концепциях. Иными словами, возникает разрыв между реализуемой правительством интеграционной политикой и реалиями существования мигрантов, который мешает эффективному включению мигрантов в российское общество.

Заключение

Интеграция является одним из центральных понятий в исследованиях иммиграции. Тем не менее это также одно из наиболее неопределенных и размытых понятий. Использование понятия *интеграция* в политическом дискурсе часто оказывается некорректным.

Если рассмотреть концептуальные основы понятия *интеграция*, то можно отметить, что данная концепция прежде всего подразумевает интеграцию в социальной сфере. Однако концепции российской иммиграционной политики не уделяют внимания ни социальному фундаменту интеграции мигрантов в принимающее общество, ни механизмам обеспечения указанной интеграции.

Таким образом, возникает противоречие между формальными признаками интеграции, закрепленными законодательно, и социальными связями, которые закрепляют иммигранта в принимающем обществе. Данный разрыв между культурным, социальным и экономическим пониманием интеграции является одним из пробелов в действующей иммиграционной политике.

Возможным способом решения указанного разрыва могла бы стать работа с институтами гражданского общества, в частности с различными некоммерческими организациями, взаимодействующими с мигрантами. Такое сотрудничество действительно существует в отдельных регионах Российской Федерации. Однако подобная форма работы с мигрантами не является частью иммиграционной политики; ее применение и эффективность зависят от личной инициативы гражданских служащих на региональном и муниципальном уровнях. Подобные пробелы в существующей политике мешают созданию системного и целостного подхода к интеграции мигрантов в России.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Kymlicka W. *Multicultural citizenship: a liberal theory of minority rights*. Oxford: Oxford University, 1996, 280. https://doi.org/10.1093/0198290918.001.0001
2. Taylor C. The politics of recognition. *Multiculturalism and the politics of recognition*, ed. Gutmann A. Princeton: Princeton University, 1994, 25–73.
3. Alba R., Nee V. *Remaking the American mainstream: assimilation and contemporary immigration*. Cambridge: Harvard University, 2005, 384.
4. Brubaker R. The return of assimilation? Changing perspectives on immigration and its sequels in France, Germany, and the United States. *Ethnic and Racial Studies*, 2001, 24(4): 531–548. https://doi.org/10.1080/01419870120049770
5. Zapata-Barrero R. Intercultural policy and multi-level governance in Barcelona: mainstreaming comprehensive approach. *International Review of Administrative Sciences*, 2017, 83(2): 247–266. https://doi.org/10.1177/0020852315592962
6. Schinkel W. Against "immigrant integration": for an end to neocolonial knowledge production. *Comparative Migration Studies*, 2018, (6). https://doi.org/10.1186/s40878-018-0095-1
7. Joppke C., Morawska E. *Towards assimilation and citizenship: immigrants in liberal nation-states*. L.: Palgrave Macmillan, 2003, 252.
8. Urinboyev R. *Migration and hybrid political regimes: navigating the legal landscape in Russia*. Oakland: University of California, 2021, 184. https://doi.org/10.1525/luminos.96
9. Abdou L. H. Immigrant integration: the governance of ethno-cultural differences. *Comparative Migration Studies*, 2019, (7). https://doi.org/10.1186/s40878-019-0124-8
10. Honneth A. *The struggle for recognition: the moral grammar of social conflict*. Cambridge: The MIT Press, 1995, 240.
11. Brubaker R., Cooper F. Beyond "identity". *Theory and Society*, 2000, 29(1): 1–47.
12. Parsons T. Durkheim's contribution to the theory of integration of social systems. *Emile Durkheim, 1858–1917*, ed. Wolff K. H. Columbus: Ohio State University, 1960, 118–153.
13. Schnapper D. *Qu'est-ce que l'intégration?* Paris: Gallimard, 2007, 256.
14. Vadot M. De quoi Intégration est-il le nom? L'importation d'une querelle de mots dans le champ de la formation linguistique des migrants. *Argumentation et Analyse du Discours*, 2016, (17). https://doi.org/10.4000/aad.2228
15. Sayad A. Qu'est-ce que l'intégration? *Hommes et Migrations*, 1994, (1182): 8–14.
16. Beaman J. *Citizen outsider: children of North African immigrants in France*. Oakland: University of California, 2017, 168. https://doi.org/10.1525/luminos.39

17. Малахов В. С. Интеграция мигрантов. Концепции и практики. М.: Либеральная Миссия, 2015. 272 с. [Malakhov V. S. *Integration of migrants: concepts and practices*. Moscow: Liberalnaia Missiia, 2015, 272. (In Russ.)]
18. Илимбетова А. А. Адаптация и интеграция мигрантов: условия, цели, подходы. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2021. № 2. С. 144–155. [Ilimbetova A. A. Adaptation and integration of migrants: conditions, goals, approaches. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk*, 2021, (2): 144–155. (In Russ.)] https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_2_144_155
19. Варшавер Е. А. Интеграция мигрантов через призму конструктивистского подхода к этничности. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2023. Т. 25. № 2. С. 377–396. [Varshaver E. A. Integration of migrants through the lens of a constructivist approach to ethnicity. *RUDN Journal of Political Science*, 2023, 25(2): 377–396. (In Russ.)] https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-377-396
20. Дмитриева Т. Н. О перспективах социокультурной интеграции вынужденных мигрантов. *Вестник Московского университета МВД России*. 2023. № 2. С. 61–63. [Dmitrieva T. N. On the prospects of socio-cultural integration of forced migrants. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, (2): 61–63. (In Russ.)] https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-61-63
21. Масленников В. М., Ачкасов В. А. Перспективы вовлечения институтов гражданского общества в осуществление этнической политики в Санкт-Петербурге. *Вопросы этнополитики*. 2019. № 2. С. 24–39. [Maslennikov V. M., Achkasov V. A. Prospects for the involvement of the civil society institutions in the implementation of ethnic politics in St. Petersburg. *Journal of Ethnopolitics*, 2019, (2): 24–39. (In Russ.)] https://doi.org/10.28995/2658-7041-2019-2-24-39
22. Осипов А. Г. Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс. *Расизм в языке социальных наук*, ред. В. Воронков, А. Г. Осипов, О. В. Карпенко. СПб: Алетейя, 2002. С. 45–69. [Osipov A. G. Construction of ethnic conflict and racist discourse. *Racism in the language of the social sciences*, eds. Voronkov V., Osipov A. G., Karpenko O. V. St. Petersburg: Aletheia, 2002, 45–69. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/sirvhd
23. Паникар М. М., Соколова Ф. Х., Шапаров А. Е., Золотарев О. В., Капицын В. М. Механизмы интеграции иммигрантов в Норвегии и России: сравнительный анализ. *Арктика и Север*. 2019. № 35. С. 119–143. [Panikar M. M., Sokolova F. Kh., Shaparov A. E., Zolotarev O. V., Kapitsyn V. M. Integration mechanisms for immigrants in Norway and Russia: a comparative analysis. *Arktika i Sever*, 2019, (35): 119–143. (In Russ.)] https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.35.119
24. Thomas W. I., Znaniecki F. *The Polish peasant in Europe and America*. N. Y.: Dover, 1958, vol. 1, 2250.
25. Gordon M. *Assimilation in American life: the role of race, religion, and national origin*. N. Y.: Oxford University Press, 1964, 288.
26. Ачкасов В. А. Дилеммы иммиграционной политики России. *Власть и элиты*. 2014. № 1. С. 193–206. [Achkasov V. A. Dilemmas of the Russian immigration policy. *Vlast i elity*, 2014, (1): 193–206. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/xiemtn
27. Sayad A. *La double absence. Des illusions de l'émigré aux souffrances de l'immigré*. Paris: Le Seuil, 1999, 448. [Sayad A. *The suffering of the immigrant*. Paris: Le Seuil, 1999, 448. (In Fr.)]
28. Полетаев Д. В. Мигрантофобия и миграционная политика. *Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика*, отв. ред. В. И. Мукомель. М.: Academia, 2014. С. 5–19. [Poletaev D. V. Xenophobia and migration policy. *Migrants, xenophobia and migration policy*, ed. Mukomel V. I. Moscow: Academia, 2014, 5–19. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/jubmkk
29. Wimmer A., Soehl T. Blocked acculturation: cultural heterodoxy among Europe's immigrants. *American Journal of Sociology*, 2014, 120(1): 146–186. https://doi.org/10.1086/677207
30. Малахов В. С. Интеграция мигрантов как административная проблема: опыт Евросоюза. *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. № 1. С. 77–87. [Malakhov V. S. Immigrants integration as an administrative problem: the case of the European Union. *World Economy and International Relations*, 2015, (1): 77–87. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/tkgrmp
31. Campomori F., Caponio T. Immigrant integration policymaking in Italy: regional policies in a multi-level governance perspective. *International Review of Administrative Sciences*, 2017, 83(2): 303–321. https://doi.org/10.1177/0020852315611238

оригинальная статья

Социально-структурные аспекты глобализации: методологические основы исследования

Мельников Евгений Геннадьевич
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург
https://orcid.org/0000-0002-7554-6337

Милецкий Владимир Петрович
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург
https://orcid.org/0000-0002-8938-4631
falesm@mail.ru

Савин Сергей Дмитриевич
Институт социологии – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия, Москва
https://orcid.org/0000-0003-1030-4115

Поступила 05.05.2023. Принята после рецензирования 04.09.2023. Принята в печать 13.09.2023.

Аннотация: В статье исследуются категория глобальной социальной структуры и ее позиции в понятийно-категориальном аппарате современной социологической науки. Данная категория отличается определенной новизной и нуждается в дальнейшей теоретической разработке. С точки зрения современного системного подхода авторы отмечают и описывают понятия, исполняющие базовую роль в изучении глобальной социальной структуры общества, и рассматривают ее значение в типологии социальных структур общества. Особое внимание в статье уделено уровням социальных структур, исследованию базовых теоретических концепций, составляющих основу методологических представлений изучения глобальной социальной структуры. В качестве методологических источников в статье использованы труды, связанные непосредственно с понятиями глобальной социальной структуры и метаструктуры. В рамках данной методологической базы авторами проводится социологический анализ категорий *социальная система*, *социальная структура* и обозначаются уровни социальной структуры, организованные с учетом диалектики *единичного*, *особенного* и *общего* познания. Рассматриваются возможности применения основных положений тектологии А. А. Богданова в качестве методологии социологических исследований различных типов и видов современных социальных систем и структур. Рассматривается применимость глобализационного социологического аппарата в рамках концепции устойчивого развития. Авторы полагают, что в современных профильных изданиях, посвященных данной научной проблеме, сформировался взаимосвязанный комплекс понятий. К ним можно отнести следующие понятия: глобальная социальная структура и страты, глобальная структура коммуникаций, структура социальной стратификации на глобальном уровне, гражданское общество глобального типа. Также в научном сообществе обсуждаются противоречия и перспективы формирования и трансформации глобальных социальных институтов. К числу таких институциальных образований мы относим институты влияния и управления в глобальном формате, экономические институты, международные правозащитные институты. Исследование позволяет сделать вывод о том, что глобальную социальную структуру необходимо рассматривать в комплексе с новыми социальными образованиями, а именно глобальными социальными стратами и институтами, однако для этого необходима работа по дальнейшему развитию понятийно-категориального аппарата. Важно учитывать, что в условиях современных международных конфликтов, торговых войн, миграционных и других процессов происходит активная трансформация глобальной социальной структуры, последствия которой требуют социологической рефлексии.

Ключевые слова: социальная структура, социальная система, глобальная социальная структура, метаструктура, уровни социальной структуры, тектология, понятийный аналог

Цитирование: Мельников Е. Г., Милецкий В. П., Савин С. Д. Социально-структурные аспекты глобализации: методологические основы исследования. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 3. С. 301–311. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-3-301-311

© 2023. Melnikov E. G., Miletskiy V. P., Savin S. D.

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITOLOGY, SOCIOLOGY AND ECONOMICS

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

full article

Socio-Structural Aspects of Globalization: Methodological Research Foundations

Evgeny G. Melnikov
St. Petersburg University, Russia, St. Petersburg
https://orcid.org/0000-0002-7554-6337

Vladimir P. Miletskiy
St. Petersburg University, Russia, St. Petersburg
https://orcid.org/0000-0002-8938-4631
falesm@mail.ru

Sergey D. Savin
Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow
https://orcid.org/0000-0003-1030-4115

Received 5 May 2023. Accepted after peer review 4 Sep 2023. Accepted for publication 13 Sep 2023.

Abstract: The article examines the category of the global social structure and its position in the conceptual and categorical apparatus of modern sociological science. This category is characterized by a certain novelty and needs further theoretical development. The authors note and describe the concepts that form the basis of the society's global social structure research from the perspective of the modern system approach, and consider its significance in the typology of social structures of society. A special place in the article is devoted to the levels of social structures, the study of theoretical concepts that constitute the foundation of methodological representations of the global social structure study. As methodological sources, the article uses works directly related to the concepts of global social structure and metastructure. The authors conduct a sociological analysis of the *social system* and *social structure* categories; identify the social structure levels according to the dialectics of individual, special and general cognition. The article discusses the possibilities of applying the main provisions of A. A. Bogdanov's tectology as a method for sociological research of various modern social systems and structures types. The applicability of the globalization sociological apparatus within the framework of the sustainable development concept is considered. The study suggests that the global social structure should be considered in conjunction with new social formations, namely global social strata and institutions. However, but this requires further development of the conceptual and categorical apparatus.

Keywords: social structure, social system, global social structure, metastructure, social structure levels, tectology, conceptual analogue

Citation: Melnikov E. G., Miletskiy V. P., Savin S. D. Socio-Structural Aspects of Globalization: Methodological Research Foundations. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(3): 301–311. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-3-301-311

Введение

Глобализация является системным целенаправленным процессом распространения на макроуровне разнообразных и зачастую инновационных форм взаимодействий, которые затрагивают различные аспекты социальной реальности. Данный процесс является глубинным и определяет как структуру социума в целом, так и отдельные его уровни, отличаясь сугубо качественной направленностью. Некоторые радикально настроенные авторы теории глобализации даже заявляют о том, что национальный суверенитет исчезает, а *контейнерная теория общества*, на которой основана большая часть социологии эпохи модерна, теряет актуальность [1, p. 79]. Так или иначе, за последние несколько десятилетий процессы глобализации перешли на новый этап, который в отличие от прежней их ярко выраженной западнической направленности можно охарактеризовать как *вихрь глобальности*, в котором глобализация в основном выражена как всепроникающее и дестабилизирующее распространение всемирных социально-экономических, политико-институциональных и символико-культурных потоков. В результате, несмотря на то, что повседневная жизнь людей все еще подвергается влиянию локально-социальных структур, эти структуры все более и более глобализируются или изменяются из-за того, что происходит в глобальном масштабе [2, p. 522].

Все это позволяет трактовать понятие *глобализация* как один из типов социальной трансформации. В этом отношении от понимания глобальной социальной структуры один шаг до понятия глобального общества, черты которого еще только прорисовываются. Трансформация будет связана с длительным становлением глобальных социальных институтов, социальных отношений, лежащих в их основе норм и ценностей. Осознание этого процесса будет способствовать пониманию и новых интегративных качеств мета-системы глобального

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

общества, и характеристик человеческой цивилизации в целом. В этом процессе также важно учитывать новые категории социально-экологических отношений, связанные с понятием коэволюции общества и природы.

Концепция устойчивого развития, принятая на международном уровне, постулирует трансформацию социальных структур на принципах внутрипоколенческой и межпоколенческой справедливости. Преодоление бедности в мировом масштабе, достижение признанных международным сообществом и научно обоснованных стандартов жизни для большинства жителей планеты будет означать переход к новому качеству социальной структуры. Само понятие общества начинает рассматриваться как часть социально-экологической системы, исполняющей интегративные функции, объединяя людей, проживающих на конкретных территориях, применяемую сложную технику и технологию, определенную организацию, общественные отношения и соответствующие природные условия. В ней человек выступает как связующее звено социоприродных отношений и приобретает качества экочеловека или ноосферной личности [3].

При этом, если в структуре социума представлены все без исключения исходные социальные компоненты самоорганизующейся социальности (человеческие, институциональные, процессуальные и др.), то в социальную структуру в широком смысле слова входят только социальные общности (этно-национальные и социально-демографические) и группы (общественные классы, группы и другие страты), включая социальные институты, организации и учреждения их функциональной деятельности.

Цель статьи – анализ содержания определенных научных (социологических) понятий, определений и категорий, которые демонстрируют глобальный социетальный уровень, включающий в т. ч. глобальную социальную структуру. Авторы статьи определяют назначение и место *общества глобальной структуры* в процессе комплексного, междисциплинарного исследования современного социума, а также выделяют теоретические исследовательские рамки и возможности применения специального категориального аппарата в современных научных исследованиях.

Появление в научной среде новых фундаментальных понятий подразумевает совместное их применение с классическими социологическими понятиями, которые используются в качестве фундамента построения новых конструктов теоретико-методологической базы. Необходимо отметить, что анализ проблематики глобальной социальной структуры опирается на системный подход, специфику его применения в общественных науках. Прописной социологической истиной является положение о том, что структура является неотъемлемой составляющей любой общественной системы и ее подсистем. Она представляет собой закономерный порядок взаиморасположения и взаимосвязи всех без исключения исходных социальных компонентов, включая их институциональное сопровождение. Это обуславливает необходимость организации системного анализа социальной структуры не только конкретных государств или социумов, но и процессов трансформации глобальной социальной структуры общества.

Рассмотрим базовые определения некоторых научных категорий, которые занимают ключевые позиции в системном подходе и исполняют существенную роль в ходе исследований глобальных социальных структур. Для конструирования базовых дефиниций, обнаружения наличия либо отсутствия определенных маркеров картирования глобального общества, полагаем, необходимо рассматривать *систему* в широком смысле в качестве единого, сформированного объекта социальной реальности, характеризующегося внутренним единством (инвариантной основой) и системной самодостаточностью, с акцентом на упорядоченные взаимосвязи и перспективы объединения компонентов и реализации функционального назначения данного исследовательского объекта. Система характеризуется определенными постоянно обновляющимися (эмерджентными) базовыми признаками, не сводимыми к качеству определяющих ее элементов, но наделяющими каждый из них новыми свойствами. В этом отношении глобальная социальная структура как объект исследования может выделяться только в том случае, если мы определим хотя бы часть ее интегративных свойств. Если даже в настоящее время мы не можем говорить о глобальном обществе как завершенном системном объекте, то как минимум в рамках представления о мировом сообществе необходимо понимать, насколько развиты в нем интегративные связи и насколько они способны оказать влияние на качество новых социальных структур, предлагаемых в рамках нашего подхода.

Социальная система представляет собой комплексный, целенаправленно организованный единый социальный объект, в составе которого возможно обнаружить отдельных граждан; пользователей, если рассматривать цифровую составляющую современного общества; социальные группы и организации; территориальные общности; институциональные образования, обусловленные специфическими технологиями и результатами совместной жизнедеятельности, регулируемые социальными нормами и другими установлениями. Социальная система по своим интегративным качествам отражает форму объединения людей и способ их деятельности.

О сложной организации социальных систем говорят такие их свойства, как самоорганизация, самовоспроизводство и саморегуляция. В мировом сообществе свойство самоорганизации все больше связывают с формирующимся глобальным гражданским обществом, включающим в себя сеть международных негосударственных организаций. Значительные функции саморегуляции выполняет мировой рынок, а с функциями самовоспроизводства связан глобализирующийся институт современного образования.

Социальная структура есть закономерный и регламентированный порядок функциональной диспозиции отношений и ролей, определенных социальных связей; многообразие форматов взаимодействия между элементами социума (социальными группами, общностями, общественными классами и т. д.), которые наделяют социальные системы целостностью и завершенностью. Социальная структура выражает качественную определенность человеческих компонентов современного общества. Одной из таких качественных характеристик в настоящее время является и глобализация, что может свидетельствовать о формировании структур нового типа. При этом регулярность взаимосвязей между элементами и порядок социальных взаимодействий фундируется глобальной нормативно-ценностной системой. В связи с этим уместно будет вспомнить «Мировое исследование» Р. Инглхарта и К. Вельцеля, в котором обнаруживается глобальная тенденция смены ценностей на постматериалистические, влияющие на отход от иерархических структур [4].

Обратимся к теоретическим подходам к изучению современных социальных структур. Попытка обобщить понятие социальной структуры в социологической науке была предпринята П. Штомпкой. По итогам анализа социологических теорий он предлагает определять социальную структуру как латентную сеть периодически воспроизводимых, динамических социальных связей, которые формируются в пространстве между элементами социального целого в уникальной области объективной социальной реальности в силу слияния повседневных жизненных практик, существенным образом оказывающих влияние на зарождение и интенсивное развитие множества процессов, которые мы способны наблюдать и интерпретировать в этом диапазоне научных знаний. Согласно данной трактовке социальную структуру целесообразно рассматривать в значительной степени в качестве теоретической категории, в отличие от общественной жизни, которая чаще рассматривается исследователями как эмпирическое понятие. Таким образом, общественная жизнь находится «на поверхности» социальной реальности (эмпирически наблюдаемой), открыта и структурно обозначена. В то же время социальная структура представляет собой глубинный слой, который зачастую может быть закрыт для элементов социального мира [5]. Эмпирические факты просто служат подтверждением существования социальных структур, но сами по себе их не объясняют. Так, например, мы можем обосновывать наличием международных социальных институтов существование глобальной социальной структуры, но не можем на этом примере определить интегративное качество этой структуры. Для этого требуется теоретический анализ процессов глобализации.

Остановимся на некоторых ключевых положениях анализа социальных структур, которые исследовал известный российский социолог М. Н. Руткевич:

1. Иерархичность строения социальной системы. Данное свойство определяет систему как многоуровневое социальное образование, включающее определенные компоненты, которые рассматриваются в качестве базисных по отношению к системе в целом.

2. Социальная структура представляет собой сложно упорядоченное сочетание разноуровневых социальных переплетений, подобных структуре ДНК, отражающих различные, сложные по своему составу объединения. Для каждого рассматриваемого структурного сочетания необходимо обозначить определенный критерий (или группу таковых), который отражает разнообразие, существующее между элементами, и позволяет выстраивать иерархию социальных связей в различных плоскостях. Данное свойство отражает качества сложной организованности и мультипараметричности социальных систем.

3. Социальная дифференциация и интеграция являются критериями развития социальных систем. Структуру общества как динамической социальной системы следует рассматривать одновременно в параметрах устойчивого и изменчивого образования. Речь здесь идет об относительной устойчивости, которая не противоречит социальным изменениям, а выступает залогом сохранения системного качества, а значит, и стабильности.

4. Представление о системе определяется и конкретизируется с учетом внутрисистемного развития, движения, а также ее взаимодействия с другими системами, которые задают определенные условия общей организации (суперсистема). Система отражает импульсы различной природы определенной степени интенсивности, в то же время обозначает возможности адаптационного механизма и допустимые границы воздействия не нее. Таким образом осуществляется разновекторное системное функционирование [6, с. 49–55].

В результате анализа рассмотренных структурных аспектов, а также принимая во внимание диверсификацию транслируемых в социуме сетей

взаимосвязей, возникает необходимость фундировать в социальных системах некоторую специально создаваемую типологию, видовое разнообразие и разноуровневость включаемых в анализ структур. В работе анализируется *социальная структура* в качестве родового понятия для последующего изучения процессов формирования социальной категории, которая объединяет объект нашего изучения – *глобальная социальная структура*.

Результаты

В современной научной литературе недостаточную определено понятие глобальной социальной структуры. Она рассматривается как «такое социальное образование, которое характеризуется сложным разноуровневым строением (социетальный уровень), представленным титульными народами и нациями, определенными государствами, территориальными сообществами стран, различающихся следующими признаками-маркерами: география, цивилизационные и социокульурные основания, экономический уклад, социально-политические, интеграционные и геополитические маркеры, с учетом национального состава территорий, расового признака и др.»[1]. В данной постановке рассматриваются функции внешнего надгосударственного порядка, мирового сообщества, классифицируемого группой системных или системообразующих сфер. Однако данное определение скорее относится к теории международных отношений и более характерно для классических теорий международной политики. Кроме того, оно выглядит устаревшим, поскольку опирается на прежнюю концепцию международных отношений как ресурсно-силового противостояния государств-наций. Несмотря на то, что и в наши дни актуальность геополитики не снизилась, а стратегического противостояния – даже увеличилась, в современной социологии мировое сообщество все больше понимается в духе солидарности общественных движений, международных и сетевых сообществ.

Поэтому, по мнению авторов, социологический подход, используемый в описании данной категории, может позволить описать масштабную структуру следующим образом: глобальная социальная структура – это порядок взаимно расположенных элементов, постоянно регулируемых связей и взаимодействий с множественными признаками, в частности различными по степени сложности социальными структурами и объединениями людей (местными, автохтонными, локальными и региональными), глобальными институтами, определяемыми общепланетарными нормами и ценностями, позволяющие приобретать социумом Земли черты целостности, канонической оформленности, упорядоченности и завершенности.

Впервые понятие *глобальная социальная структура* мы обнаруживаем в работах Г. Д. Гурвича. Он утверждал, что, определив перед собой такую цель, как рассмотрение типологии глобальных обществ, необходимо типологизировать их на основании структурной наполненности. Сравнивая определенные микросоциологические типы социальных групп, каждое общество глобального уровня отражает именно ту структуру, в которой «единственно возможным способом воссоздания типов глобальных социальных явлений выступает процесс изучения этой структуры» [7, с. 336]. Следовательно, глобальные общества Г. Д. Гурвича рассматриваются наряду с глобальными социальными структурами в целом. По мнению автора, подобная точка зрения не в полной мере справедлива с учетом своих оснований. Это обусловлено опасностью фальсификации свойств системы ввиду невозможности сведения системы к ее базовой структуре. В подобном варианте теоретического построения мы можем потерять интегративное качество самой системы. По аналогии с муравейником эту сложную систему нельзя понять, просто исследуя жизнь муравьев, поскольку таким способом не удастся понять целого. Так и глобальную картину социальных изменений можно уяснить только через интегративные взаимосвязи политических, культурных и социальных процессов, через построение их моделей[2].

К. Леви-Стросс справедливо отмечает, что общество по-настоящему никогда не сводится к характеристикам своей структуры / структурам (т. к. структуры множественны на различных уровнях, будучи сами отчасти «структурными») [7, с. 337]. В каждую общественную систему единовременно включено множество структур, соотносимых с различным типом порядков. Они размещаются в определенной логической последовательности и вынуждены учитывать характер формирования и развития связывающих отношений, а также доли свободы, возможности воздействия друг на друга [7, с. 330]. Кроме того, К. Леви-Стросс выделяет различие между социальной структурой и социальными отношениями. Социальные отношения применяются с целью построения моделей, которые способны выявлять непосредственно социальную структуру. Именно

[1] Яценко Н. Е. Обществоведческих словарь терминов. 4-е изд., испр. и доп. СПб.: Печатный двор, 1999. 132 с.

[2] Барабанов О., Бордачев Т., Лукьянов Ф., Суслов Д., Сушенцов А., Тимофеев И. Глобальный бунт и глобальный порядок. Революционная ситуация в мире и что с ней делать. Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай», февраль 2017. URL: https://ru.valdaiclub.com/files/14649/ (дата обращения: 10.09.2022).

модели выступают объектом структурного анализа. При этом каждая модель строится так, чтобы ее применение позволяло зафиксировать (охватить) все наблюдаемые явления [7, с. 286–287]. Схожую позицию занимает и П. Штомпка. Он подчеркивает, что изменения социальной структуры обозначают плотную связанность их самих, зацепление при помощи своеобразной структуры структур, иными словами, глобальной метаструктуры, т. н. структуры второго порядка [5, с. 5–6].

Глобальный тип социальной структуры, как полагает М. Н. Руткевич, отличается междисциплинарностью. Так сложилось, что в исторической науке, одновременно являясь объектом для изучения совокупности специализированных дисциплин в системе современных международных отношений, выделяется именно глобальный тип социальной структуры общества [6, с. 53]. Данное противоречие следует также анализировать в социально-философском и макросоциологическом аспектах. Синтез социальной философии и теоретической социологии трансформируют представления научного сообщества на социальную дифференциацию и интенсивность развития социумов в интеграции с внутренними сущностями общественного развития. Содержательно социальная структура показывает стадиальность и наполненность социального развития общества, поэтому глобальная социальная структура оказывает значимое воздействие на элементы современного планетарного социума.

С точки зрения принципов диалектики, объясняющих взаимосвязь философских категорий *единичного*, *особенного* и *общего*, целесообразно описывать существование следующих системных уровней структур общества постпереходного типа. Первый уровень, а именно уровень единичного, показывает *локальные социальные структуры*, которые существуют в определенных социумах, в частности российском, американском, китайском и ряде других. Второй уровень (обозначим его как уровень особенного) показывает т. н. *региональные социальные структуры*. В пример можно привести некоторые социальные структуры, в частности коалиции (консолидированные объединения): Европейский Союз (ЕС) и Евразийский Экономический Союз (ЕЭС).

Принимая во внимание противоречивость социокультурного, экономического, общественного и политического развития, обозначившегося перед странами ЕС и ЭАЭС, по нашему мнению, вполне логично провозглашать настоящее время этапом формирования нового качества и количественной определенности элементов глобальной социальной структуры. Компонентами этой структуры могут выступать социальные организации локальных европейских социумов, а также специализированные институциональные образования, созданные и функционирующие непосредственно в интересах деятельности структуры (в нашем примере – Европейского Союза). Также существуют другие региональные и территориальные объединения, обладающие сходными признаками, рассматриваемыми в фокусе данного методологического подхода, к примеру, деятельность Африканского союза, Иберо-американского сообщества наций, Лиги арабских государств и пр. С точки зрения макросоциологического подхода феномен регионализации рассматривается в качестве составляющей нового глобального общества. От характера конструирования взаимодействий, отношений и конфликтов на данном уровне зависит стабильность международной системы. Исследователь О. В. Буторина, анализируя сущностные характеристики современных процессов интеграции, делает вывод, что процессы, объединяющие региональные социальные структуры, описывающие сочетание моделей сознательного и активного участия стран, а также государственных и транстерриториальных объединений в *стратификации мира*, в значительной мере связаны с последствиями тенденций глобализации и постглобализации. Определяющей задачей такого рода интеграции является создание успешной глобальной социальной страты для заданных условий развития [8, с. 136–145].

Третий уровень (уровень общего) показывает существование *метаструктуры* современного планетарного социума, определенной *глобальной социальной структуры*, элементами которой служат не только местные, локальные, но и региональные, территориально обусловленные социальные структуры (метауровень). Также в числе наполняющих, составляющих подобное пространство элементов можно обозначить новые социальные образования, формируемые вследствие дальнейшего развития процессов глобализации в мире перманентных рисков и угроз. Данные уровни глобальных социальных структур постоянно находятся в состоянии строгого диалектического баланса по отношению к остальным рядовым или функциональным уровням социальных структур.

Данный подход получает развитие в ряде научных публикаций и исследований отечественных обществоведов, философов, политологов и социологов. По мнению И. Е. Дискина, процессы глобализации в современном мире определенно влияют на создание оснований для новой социальной структуры, обладающей, в свою очередь, уникальными характеристиками на уровнях локальных и национальных социальных структур. Данное явление получает отражение в повсеместном создании глобальных общественных страт с объединяющими наднациональными социокультурными нормами, формируемыми

глобальными мировыми практиками. Исходной точкой отсчета рождения новой социальной структуры служит появление (присутствие) представителей транснациональных элит, интериоризированных в глобальную систему ценностей и норм. Процесс глобальной социальной структуризации, по оценкам И. Е. Дискина, в настоящее время только развивается и существенно далек от реального завершения. Полагаем, что современные исследователи должны учитывать данную актуальную тенденцию формирования глобальной социальной структуры в процессах ее детального изучения[3].

Однако особенно популярной не только в социологии, но и в политической теории становится идея глобального гражданского общества, о которой уже давно рассуждают У. Бек и другие известные либеральные мыслители. В структуру глобального гражданского общества У. Бек включает модели транснационального сотрудничества по вопросам защиты прав человека, включая и соответствующие международные институты [9, с. 89–91]. Известный российский исследователь В. К. Левашов делает попытку рассмотреть российское гражданское общество как часть глобального гражданского общества в аспекте информационных процессов. Он подчеркивает, что при переходе от неолиберальной парадигмы социального неравенства к принципам коэволюции человека, общества и природы развитие глобального гражданского общества пойдет ускоренными шагами. Большую роль в этом процессе играет информационно-коммуникативная сфера. При этом условия развития глобального гражданского общества позволяют расширять цифровые формы демонстрации массовой демократии в публичной сфере, когда в глобальной информационной среде обнаруживает себя кризис запаздывающего развития процессов трансформации, который способен выражаться в дисфункциях социальных институтов, включая средства массовой информации и коммуникации [10].

Похожие выводы обнаруживаются в рамках не только публикаций, но и официальных выступлений известных публичных деятелей, представителей власти и экспертных сообществ, различных общественных активистов. На XII Петербургском международном экономическом форуме, прошедшем в 2008 г., А. Л. Кудрин озвучил, что глобальные институты в настоящее время демонстрируют стратегию запаздывания на актуальные вызовы, существующие в современном мире. Современный мировой порядок сталкивается с более серьезными вызовами и рисками развития, которые обусловлены возрастающей бедностью, депривацией и разрывами между группами с различными уровнями и формами доходов[4]. По оценкам ученых и результатам исследований, проводимых в Университете Организации Объединенных Наций, 1 % самых богатых людей в мире обладают 40 % значимых ресурсов всего мирового сообщества. В то же время 50 % наиболее бедного населения планеты владеет только 1 % мировых богатств [10]. По итогам работы Всемирного саммита устойчивого развития подчеркивается, что вследствие неравномерного распределения ресурсов возникла опасность усугубления глобального неравенства. Если не будут приняты меры для радикального изменения жизни бедного населения по всему миру, то люди могут утратить веру в международные демократические институты [11, с. 151]. В связи с этим в рамках стратификационного анализа социальной структуры планетарного социума в наше время выделяются определенные глобальные социальные страты – *наиболее богатые* и *наиболее бедные*. Что же касается концепции среднего класса, столь популярной в социологической теории XX в., то в настоящее время эта теория переживает своего рода методологический кризис по причине глобальных трансформационных процессов.

В последние десятилетия в развитых странах кардинально менялась структура занятости населения, в результате чего произошло сокращение численности среднеквалифицированных работников производства. Нарастал разрыв между создающими инновации и новые технологии высококвалифицированными работниками и возрастающим количеством не очень квалифицированных работников сферы обслуживания [12, с. 19]. Как бы парадоксально это ни звучало, но основная проблема социальной структуры в постиндустриальном обществе – это бедность [13, с. 39]. Возникающая на этой основе социальная напряженность в глобальном масштабе способна усилить массовизацию процессов под лозунгами социальной справедливости. Как отмечают участники Валдайского форума, в мире нарастает всеобщая социальная неудовлетворенность, связанная с разрастающимся неравенством, сужением каналов социальной мобильности, кризисом государства всеобщего благосостояния. Средний класс в странах «Коллективного Запада» съеживается вследствие сокращения социальных гарантий и общедоступных благ, а также нарастающей дороговизны жизни, что увеличивает риск создания революционной ситуации в мировом масштабе. При этом эксперты солидарны во мнении о том,

[3] Дискин И. Е. Альтернативы российской модернизации. Аналитический доклад, выполненный по заказу РИО – Центр. М., 2007.

[4] Итоги XII Петербургского международного экономического форума. Стенограммы выступлений. URL: http://www.labrate.ru/doc/spb-forum/2008/index.htm (дата обращения: 25.08.2022).

что хорошего сценария выхода из кризисной международной ситуации не просматривается, связывая свои надежды лишь со смягчением неизбежных конфликтов за счет устойчивости международных институтов, поскольку они остаются единственным шансом на сохранение правового и цивилизованного характера отношений в мировом сообществе[5].

О методологическом кризисе теории социальной структуры говорит и З. Бауман, который отмечает «отсутствие возможности обнаруживать достижения транзитивного системного состояния социальной структуры в реализации актуальных жизненных позиций, принимая во внимание соотношения неструктурированных, не всегда строго упорядоченных, текучих непосредственных условий». Он полагает, что текучая современность радикально изменяет условия существования «твердых тел» прежних социальных структур и требует пересмотра старых понятий, которые использовались в качестве рамок при их описании. Существующие традиционные категории исследования социальной структуры он называет «зомби», подчеркивая их нереалистичность [14, с. 14]. Однако на наш взгляд, глобальная социальная структура, несмотря на свой неустоявшийся характер и «текучесть», все же со временем сформируется в более «твердое» системное образование. Системные свойства общества как организованной социальности не могут быть нивелированы изменчивостью отдельных его элементов, связей или отношений.

Таким образом, базовыми закономерностями трансформации глобальной социальной структуры в условиях процессов глобализации выступают сформированные структуры глобального и регионального типов, отражающие общественную динамику общностей развития, групп и страт, опосредованно обеспечивающих институциональное сопровождение, общее взаимодействие между которыми оказывает влияние как на развитие социума на метауровне в целом, так и на дальнейшее функционирование определенных общественных систем и компонентов их социальных структур.

За счет вышеизложенных факторов дальнейшее изучение может потребовать дополнительного рассмотрения предложенных методологических подходов и концепций, формирующих базовые основания для изучения глобальной социальной структуры. Ведущим методом для анализа данного понятия является использование системных принципов, применяемых в общественных науках, которые дают возможность создавать декомпозицию элементов подсистем глобального уровня. Рассматривая актуальные трактовки системного подхода, в качестве основополагающих необходимо применять положения, предлагаемые Л. Фон Берталанфи и Н. Винером в теории систем. В понимании австрийского исследователя общая теория систем определяется как комплексное научное знание, которое интегрирует совокупность зачастую смежных, взаимосвязанных исследовательских направлений, обусловленных запросами научно-исследовательского сообщества и социальной практики в поле всех реально существующих элементов подсистемы [15].

Н. Винер в своих изысканиях приходит к выводам, что кибернетика занимает центральные позиции в основополагающей части общей теории систем [16]. Согласимся с указанными точками зрения о назначении теорий, а также с целью исследования современного глобального социума и построения описания его многоплановой, интенсивно обновляющейся структуры и уровней социума. Вышеупомянутые концепции нашли отражение в определенных междисциплинарных научных исследованиях и их актуальных результатах.

Кроме того, в рамках изучения данного предметного поля разумно учитывать научные наработки известного отечественного социолога А. А. Богданова, получившие отражение в труде «Тектология: всеобщая организационная наука» [17]. Введенная в этой работе системно ориентированная организационно-управленческая концепция *тектология* представляет собой описание системной организации социума, в котором российский социолог развивает идею формирования и порядкового насыщения единых универсальных структурных связей и закономерностей в организуемом (управляемом) пространстве, способных являться инвариантной основой для множества социальных процессов. Социальная реальность в оценках А. А. Богданова представляется нам как постоянно обновляющаяся «ткань» структурных форм различных видов, типов и ступеней организации – от неизведанных нам компонентов мирового эфира до «элементарных» социальных частиц, общественных коллективов и звездных систем [18]. Качество понятия *организованность* описывается в рамках концепции тектологии с акцентом на присутствие ключевого принципа диалектической связи: «целое всегда является значением, превышающим сумму всех его частей». Таким образом, чем сильнее единое целое отличается от суммы собственных частей (элементов), тем вероятно является сложнее организованным [17, с. 142].

Предложенная А. А. Богдановым научная концепция претендует прежде всего на междисциплинарный характер. Тем не менее это обстоятельство

[5] Глобальный бунт и глобальный…

не обязывает нас сбрасывать со счетов ее специфическую социологическую составляющую. Проанализируем с этой целью некоторые положения работы и попытаемся их интерпретировать на языке понятийно-категориального аппарата социологической науки. Иными словами – выделим *понятийные аналоги*.

В своей работе А. А. Богданов прогнозирует формирование тенденций глобального развития в различных направлениях: экономике, политике, сфере социокультурных и межклассовых взаимодействий. На практике данный процесс может обнаруживать себя в количественном росте предприятий и одновременном построении классовых организаций. Отметим, что организации, построенные на основании разности общественных классов, – политические, экономические, культурные и пр. – способны развиваться динамичнее, получая возможность перехода на новый уровень [17, с. 105]. Возможности системного перехода к интегральной организации мира независимы от наличия существенных характеристик структурных носителей. При этом сохраняется единство понимания ключевых тенденции и идей глобализации. А. А. Богданов отмечал ключевую роль процессов социальной дифференциации и объединения при формировании единой метаструктуры социальной реальности. Подобная интеграция способна происходить в сочетании с *суммой идей*, преобладающих в социальной реальности. Данное состояние системы в качестве единого цельного образования вероятно будет нестабильным в случае нарушения последовательности элементов и их «механического единения», что повлияет на возникновение и / или усиление состояния внутренней борьбы элементов. Рассматриваемая многомерная триединая организация *мира вещей*, *мира людей* и *мира идей* с высокой долей вероятности должна базироваться на строгих постулатах научной планомерности, в т. ч. включая организационный опыт, аккумулируемый человечеством. Следовательно, насущной исследовательской и практической задачей становится разработка постулатов универсальной организационной науки [17, с. 106].

Роль такой организационной науки в современных условиях могла бы играть социальная философия, а, точнее, специальный междисциплинарный раздел социальной философии и теоретической социологии, который бы выполнял интегрирующую функцию в изучении социальных метаструктур [19]. Теоретической основой данной научно-философской отрасли может стать концепция устойчивого развития, которую в настоящее время как раз и критикуют за недостаточную научную проработанность общетеоретических рамок. Как известно, концепция устойчивого развития включает в себя 3 блока научно-обоснованных принципов, из которых вытекают и соответствующие цели глобального развития. Эти блоки – экономический, экологический и социальный. Однако если мы вспомним основные сферы общественной жизни, то поймем, что за рамками отдельного рассмотрения концепции устойчивого развития остаются сфера политики и духовная сфера. Принципы развития, соответствующие этим общественным подсистемам, конечно же, в концепции устойчивого развития есть и играют важную роль, но они как бы размыты в структуре общих задач. Необходимо понимать, что без полноценного представления всех сфер общественной жизни концепция устойчивого развития остается неработоспособной в исследовании процессов глобализации и анализе глобальной социальной структуры. Ведь именно в политике в числе ключевых функций выделяют целеполагание, а духовная сфера наполняет развитие ценностно-идеологическим содержанием. Когда этим компонентам общественной структуры не придают значения наравне с экономикой и социальной сферой, замедляется развитие всей концепции.

В этом плане важной проблемой видится интеграция в концепцию устойчивого развития социологического знания о социальных структурах и создание отдельного направления социологии в области исследования глобальной социальной структуры. При этом социологам необходимо перестать бояться заглядывать в будущее, не прятаться от него в постмодернистской теории. Задачи развития теоретической социологии в том, чтобы улавливать качественные переходы в изменении социальной структуры современного социума, который становится все более глобальным и оттого конфликтогенным в условиях этого перехода. Еще раз подчеркнем, что новая методология должна строиться на понимании глобализации не как отдельных глобальных проблем, а как системного процесса, ориентированного на единство человечества.

Заключение

Можно сделать несколько выводов о месте и роли социальных метапонятий, таких как глобальная социальная структура, при исследовании современного социума. Главный из них сводится к тому, что в современной социологии наблюдается двойственная позиция относительно развития новой методологии анализа социальной структуры. С одной стороны, созрели условия для создания новых теоретико-методологических оснований исследования глобализации, все больше проявляется ожидание качественных структурных изменений в социуме. С другой стороны, мы видим запаздывающую социологическую рефлексию на глобальные социальные

изменения, попытку социологического сообщества удержаться в рамках прежней постмодернистской научной парадигмы, ориентирующей на множественность смыслов социальной реальности, проблемы ее конструирования и описание повседневности. В таких условиях новый категориальный аппарат пробивает себе дорогу путем пробного использования в отдельных исследованиях социальных изменений, но не как часть теорий социального развития. На наш взгляд, парадигмальный переход в социологии к новым теориям социального развития – вопрос времени. Он зависит в т. ч. и от того, сможет ли «социологизироваться» концепция устойчивого развития и появится ли ей на смену / параллельно с ней новая социологическая теория глобализации, системно рассматривающая структурные сдвиги в социетальном пространстве.

Мы полагаем, что в современных профильных изданиях, посвященных данной научной проблеме, сформировался взаимосвязанный комплекс понятий, которые обладают значимостью в практиках социальных исследований глобальной структуры социума. К ним можно отнести следующие понятия: *глобальная социальная структура и страты, глобальная структура коммуникаций, структура социальной стратификации на глобальном уровне, гражданское общество глобального типа*. Также в научном сообществе обсуждаются противоречия и перспективы формирования и трансформации *глобальных социальных институтов*. К числу таких институциальных образований мы относим *институты влияния и управления* в глобальном формате (Организация Объединенных Наций, Организация Североатлантического договора (НАТО), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе), *экономические институты* (Всемирная торговая организация, Международный валютный фонд, Всемирный банк), *международные правозащитные институты* (Европейский суд по правам человека, Международный суд Организации Объединенных Наций, международные военные трибуналы). По мнению авторов, предлагаемый в статье подход подтверждает необходимость развития и наращивания суммы знаний о *глобальном* категориально-понятийном аппарате и понятии *глобальная социальная структура*. Важно учитывать, что в условиях современных международных конфликтов, торговых войн, миграционных и других процессов происходит активная трансформация глобальной социальной структуры, последствия которой требуют социологической рефлексии.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Е. Г. Мельников – разработка дизайна исследования, работа с методологическими подходами. В. П. Милецкий – концептуализация, формулировка проблемы и целей. С. Д. Савин – критический обзор исследований по рассматриваемой проблеме, анализ результатов исследования.
Contribution: E. G. Melnikov developed the research design, worked with methodological approaches. V. P. Miletskiy performed conceptualization, established the purpose and objectives of the research. S. D. Savin analyzed scientific literature and described the results of the study.

Литература / References

1. Beck U. The cosmopolitan perspective: sociology of the second age of modernity. *British Journal of Sociology*, 2000, 51(1): 79–105. https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2000.00079.x
2. Entrena-Durán F. Understanding social structure in the context of global uncertainties. *Critical Sociology*, 2009, 35(4): 521–540. https://doi.org/10.1177/0896920509103982
3. Пахомов Ю. Н. Формирование экочеловека: методологические принципы и программные установки. СПб.: СПбУ, 2002. 124 с. [Pakhomov Iu. N. *Formation of an eco-man: methodological principles and software installations*. St. Petersburg: SPbU, 2002, 124. (In Russ.)]
4. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство, 2011. 464 с. [Inglkhart R., Veltsel K. *Modernization, cultural change and democracy*. Moscow: Novoe izdatelstvo, 2011, 464. (In Russ.)] https://elibrary.ru/qomhtl
5. Штомпка П. Понятие социальной структуры: попытка обобщения. *Социологические исследования: Социс*. 2001. № 9. С. 3–13. [Shtompka P. The concept of social structure: an attempt at generalization. *Sotsiologicheskie issledovaniia: Sotsis*, 2001, (9): 3–13. (In Russ.)]
6. Руткевич М. Н. Социальная структура. М.: Альфа-М, 2004. 272 с. [Rutkevich M. N. *Social structure*. Moscow: Alfa-M, 2004, 272. (In Russ.)] https://elibrary.ru/sdqoxp
7. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с. [Levi-Stross K. *Structural anthropology*. EKSMO-Press, 2001, 512. (In Russ.)]

8. Буторина О. В. Понятие региональной интеграции: новые подходы. *Космополис*. 2005. № 3. С. 136–145. [Butorina O. V. The concept of regional integration: new approaches. *Kosmopolis*, 2005, (3): 136–145. (In Russ.)] https://elibrary.ru/vbzvav
9. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Прогресс-Традиция; Территория будущего, 2007. 464 с. [Bek U. *Power in the global age: a new global political economy*. Moscow: Progress-Traditsiia; Territoriia budushchego, 2007, 464. (In Russ.)]
10. Левашов В. К. Трансформация информационной сферы гражданского общества. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2019. Т. 19. № 4. С. 651–664. [Levashov V. K. Transformation of the information sphere of civil society. *RUDN Journal of Sociology*, 2019, 19(4): 651–664. (In Russ.)] https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-4-651-664
11. Бабурин С. Н., Урсул А. Д. Политика устойчивого развития и государственно-правовой процесс. М.: Магистр-Пресс, 2010. 557 с. [Baburin S. N., Ursul A. D. *Sustainable development policy and the State-legal process*. Moscow: Magistr-Press, 2010, 557. (In Russ.)] https://elibrary.ru/qrnbql
12. Лоскутова И. М., Синяев М. В., Панич Н. А. Кризис социального государства и риски эволюции социальной структуры. *Теория и практика общественного развития*. 2020. № 5. С. 18–22. [Loskutova I. M., Sinyaev M. V., Panich N. A. Crisis of the social state and risks of social structure evolution. *Theory and Practice of Social Development*, 2020, (5): 18–22. (In Russ.)] https://doi.org/10.24158/tipor.2020.5.2
13. Михалев И. В. Эволюция теоретических подходов к исследованию трансформации социальной структуры общества под воздействием социальных реалий. *Среднерусский вестник общественных наук*. 2021. Т. 16. № 1. С. 30–43. [Mikhalev I. V. Evolution of theoretical approaches to studying transformation of social structure of society under influence of social realities. *Central Russian Journal of Social Sciences*, 2021, 16(1): 30–43. (In Russ.)] https://doi.org/10.22394/2071-2367-2021-16-1-30-43
14. Бауман З. Текучая современность. М.: Питер, 2008. 240 с. [Bauman Z. *Fluid modernity*. Moscow: Piter, 2008, 240. (In Russ.)] https://elibrary.ru/qoabej
15. Фон Берталанфи Л. Общая теория систем – критический обзор. *Исследования по общей теории систем*, ред. В. Н. Садовский, Э. Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969. С. 23–82. [Von Bertalanffi L. General system theory – a critical review. *Research on the general theory of systems*, eds. Sadovskii V. N., Iudina E. G. Moscow: Progress, 1969, 23–82. (In Russ.)]
16. Винер Н. Кибернетика и общество. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 200 с. [Wiener N. *The human use of human beings*. Moscow: Izdatelstvo inostrannoi literatury, 1958, 200. (In Russ.)]
17. Богданов А. А. Тектология: всеобщая организационная наука. М.: Экономика, 1989. Кн. 1. 304 с. [Bogdanov A. A. *Tectology: a universal organizational science*. Moscow: Ekonomika, 1989, vol. 1, 304. (In Russ.)]
18. Богданов А. А. Очерки организационной науки. Самара, 1921. 297 с. [Bogdanov A. A. *Essays on organizational science*. Samara, 1921, 297. (In Russ.)]
19. Мельников Е. Г. Глобальная социальная структура: теоретическая сущность категории и возможности ее применения в исследованиях современного социума. *Новое слово в науке: перспективы развития*. 2015. № 4. С. 121–124. [Melnikov E. G. Global social structure: the theoretical essence of the category and the possibilities of its application in the research of modern society. *Novoe slovo v nauke: perspektivy razvitiia*, 2015, (4): 121–124. (In Russ.)] https://elibrary.ru/xxxrtj

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITOLOGY, SOCIOLOGY AND ECONOMICS

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Сравнительный анализ преодоления кризисов 2008 и 2020 гг. развитыми и развивающимися странами

Алехина Ольга Федоровна
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, Нижний Новгород
http://orcid.org/0000-0002-8757-8993

Плясова Светлана Владимировна
Финансовый университет при Правительстве Российский Федерации, Россия, Москва
http://orcid.org/0000-0002-4681-7011

Языкова Светлана Владимировна
Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Россия, Москва
http://orcid.org/0000-0002-2176-470X

Федотова Елена Владимировна
Калужский филиал Российского государственного аграрного университета – Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева, Россия, Калуга
http://orcid.org/0000-0001-5838-4420
st200929@mail.ru

Поступила 23.05.2023. Принята после рецензирования 27.07.2023. Принята в печать 13.09.2023.

Аннотация: Современный этап социально-экономического развития общества отличает высокий уровень неопределенности и большое количество глобальных изменений. Цель исследования – провести сравнительный анализ влияния современных кризисов на экономики развитых и развивающихся стран, а также оценить их уязвимость и способность к восстановлению в посткризисном периоде. Авторы проанализировали динамику реального ВВП развитых и развивающихся стран в долгосрочном периоде 2001–2021 гг. и выявили 2 наиболее значимых кризисных периода. Сравнительный анализ показателей уровня инфляции в различных страновых условиях в кризисные периоды позволил сделать вывод о том, что в период пандемического кризиса рост инфляции оказался более плавным, чем в 2008 г., и более сдержанным в развитых странах, чем в развивающихся. Авторы провели сравнительный анализ индикаторов, привязанных к уровню ВВП, в период 2007–2021 гг. в разрезе развитых стран, стран G7 и развивающихся стран. Результат позволил обосновать вывод о том, что кризис, вызванный пандемией COVID-19, привел к менее серьезным последствиям для мировой экономики, чем глобальный экономический кризис 2008 г. благодаря реализации государственными институтами беспрецедентных по масштабу программ помощи населению и поддержки бизнеса. Обосновано, что по всем анализируемым показателям развивающиеся страны реагируют на кризисы более сдержанно и быстрее восстанавливаются в посткризисный период. Однако причины кроются прежде всего в реализации развитыми странами глобальной программы спасения развивающихся экономик. Авторами сформулированы меры, которые могут обеспечить постпандемийное восстановление экономик развитых и развивающихся стран: реализация адаптивно подстраиваемой налогово-бюджетной политики; увеличение объема государственных инвестиций в высококачественный физический капитал, сферу образования, здравоохранения и др.; повышение гибкости согласования циклов налогово-бюджетной политики с циклами восстановления мировой экономики; снижение уровня глобального государственного долга за счет достижения большего первичного сальдо бюджета, чем до пандемии; реализация мер, направленных на предотвращение возможного схлопывания пузырей на финансовом рынке; реализация программ стимулирования роста наиболее пострадавших от пандемии экспортных областей экономики и туризма. Для развивающихся стран целесообразны адресные фискальные и финансовые меры помощи пострадавшим от пандемии домохозяйствам и реальному бизнесу в условиях ужесточения денежно-кредитной политики.

Ключевые слова: государственная политика, управление, экономический кризис, экономический рост, развитые страны, развивающиеся страны

Цитирование: Алехина О. Ф., Плясова С. В., Языкова С. В., Федотова Е. В. Сравнительный анализ преодоления кризисов 2008 и 2020 гг. развитыми и развивающимися странами. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 3. С. 312–322. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-3-312-322

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

full article

Overcoming Crises of 2008 and 2020 by Developed and Developing Countries: Comparative Analysis

Olga F. Alekhina
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia, Nizhny Novgorod
http://orcid.org/0000-0002-8757-8993

Svetlana V. Plyasova
Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, Moscow
http://orcid.org/0000-0002-4681-7011

Svetlana V. Yazykova
Moscow University for Industry and Finance "Synergy", Russia, Moscow
http://orcid.org/0000-0002-2176-470X

Elena V. Fedotova
Kaluga Branch of The Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Russia, Kaluga
http://orcid.org/0000-0001-5838-4420
st200929@mail.ru

Received 23 May 2023. Accepted after peer review 27 Jul 2023. Accepted for publication 13 Sep 2023.

Abstract: Today the socio-economic development suffers from a high level of uncertainty and a large number of global changes. The purpose of the study is to compare how modern crises affected on the economies of developed and developing countries and to assess economies' weak points and capabilities to recover. The authors analyzed the dynamics of developed and developing countries' real gross domestic ptoduct in 2001–2021 and identified the 2 most significant crisis periods. A comparative analysis of inflation rates shows that during the pandemic inflation growth was more gradual than in 2008; more restrained in developed countries than in developing countries. A comparative analysis of gross domestic ptoduct level indicators in 2007–2021 in the developed countries, G7 countries and developing countries substantiates that the COVID-19 pandemic crisis led to less serious consequences for the world economy than the global economic crisis of 2008 due to the population and business support programs, implementated by state institutions on an unprecedented scale. According to the analyzed indicators, developing countries' reaction to crises is more restrained, recovery in the post-crisis period is faster. However, the primary reason for this is the implementation of the global rescue program for developing economies by developed countries. The article presents recommendations on ensuring the post-pandemic recovery of the economies of developed and developing countries.

Keywords: public policy, governance, economic crisis, economic growth, developed countries, developing countries

Citation: Alekhina O. F., Plyasova S. V., Yazykova S. V., Fedotova E. V. Overcoming Crises of 2008 and 2020 by Developed and Developing Countries: Comparative Analysis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(3): 312–322. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-3-312-322

Введение

Современный этап социально-экономического развития общества отличается высоким уровнем неопределенности и изменений в глобальном масштабе. За последние 20 лет количество кризисных явлений финансово-экономического характера в мире многократно увеличилось. Апогеем стал мировой финансовый кризис 2008 г., подорвавший устойчивость мировой экономики и высветивший слабые места национальных экономических систем. С распространением коронавирусной инфекции в 2020 г. к причинам экономической нестабильности стали причислять факторы эпидемиологического характера. Пандемия привела к не менее выраженным социально-экономическим последствиям, чем кризис 2008 г., и сформировала предпосылки для развития глобального пандемического кризиса [1].

Безусловно, адаптация к кризисным явлениям в экономике имеет определенную специфику в разрезе развитых и развивающихся стран. С одной стороны, развитые страны имеют более качественные системы здравоохранения, образования и социальной поддержки населения, они могут обеспечивать слаженные действия правительств, в т. ч. на институциональном уровне, когда приходится действовать в условиях, выходящих за грани существующих нормативно-правовых границ [2]. В частности, речь идет о регламентации порядка удаленной работы и деятельности в сети Интернет, получивших развитие в период пандемического кризиса. Развитые страны, в особенности страны G7, обладают финансовыми ресурсами для политической поддержки программ стимулирования доходов населения и финансовой

поддержки наиболее пострадавших отраслей экономики[1]. С другой стороны, развивающиеся страны демонстрируют рост, несмотря на сильную интегрированность в глобальные цепочки создания стоимости и зависимость от иностранного финансирования, а также спады деловой активности в международной торговле и экспорте сырьевых товаров и туризма. Развивающиеся страны более адаптивны к изменяющимся условиям и инновациям, обладают большей инвестиционной привлекательностью благодаря неисчерпанному потенциалу природных ресурсов и соотношению дешевизны и качества рабочей силы [3; 4].

В настоящее время особую значимость приобрели исследования, основанные на анализе реагирования развитых и развивающихся стран на кризисные проявления, а также оценке их способностей к восстановлению в посткризисном периоде за счет реализации государственной политики. Одной из таких работ является исследование М. Е. Коноваловой и др. Авторы проводят структурный анализ причин и последствий глобальных кризисов на примере стран G7 и делают вывод, что наиболее тяжелыми для мировой экономики на современном этапе являются кризис 2008–2009 гг. и кризис 2020–2021 гг., вызванный пандемией COVID-19 [5]. Лотиан Дж. Р. описывает, каким образом финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. проявился в развивающихся странах и какова роль монетарной политики в развитии кризисных явлений [6].

Внимание ученых также приковано к вопросам преодоления последствий пандемического кризиса 2020–2021 гг.[2] [7–12]. Многие исследователи делают акцент на негативные долгосрочные последствия пандемии для экономических систем[3] [13–16], а некоторые утверждают, что пандемия значительно сильнее повлияла на мировую экономику, чем предыдущие 8 глобальных мировых кризисов [17].

Ряд исследований посвящен сравнительному анализу влияния кризисов на экономики развитых и развивающихся стран. При этом мнения исследователей расходятся в оценке уязвимости экономик. Наиболее распространенной позицией является признание развитых экономик более устойчивыми к кризисным явлениям. Например, Е. Н. Смирнов и Е. А. Карелина отмечают, что развивающиеся страны имеют более высокий уровень долговых обязательств, что ослабляет их экономику относительно экономик развитых стран [18]. По мнению Н. Ю. Родыгиной и В. И. Мусыхина, из-за сильной зависимости от внешнего иностранного финансирования и спадов в международной торговле и экспорте сырьевых товаров и туризма, развивающиеся экономики в постпандемический период пострадают сильнее, чем экономики развитых стран [19]. И. Н. Платонова доказывает, что в развитых странах рост суверенного долга происходит при низких процентных ставках, что стимулирует инвестиции и расходы домохозяйств за счет кредита; напротив, в развивающихся странах финансовая система, как правило, слабее, поэтому рост заимствований может быть связан с рефинансированием прежних задолженностей по более высокой ставке, чем в развитых странах, что автоматически снижает возможности роста этих экономик за счет расширения внутреннего спроса [20]. Однако Х. П. Уорд и др. на основе анализа панельных данных по отдельным странам доказали, что связь между внешним долгом и ростом нелинейна: при достижении величины внешнего долга 160–170 % к экспорту и 30–40 % к ВВП задолженность начинает негативно влиять на экономический рост. Поэтому обосновывать слабость развивающихся экономик относительно развитых экономик исключительно наличием внешнего долга не всегда уместно [21].

Исследователи рассматривают и другие инструменты преодоления кризисных явлений в экономике. Например, Ф. Фукуяма связывает открывающиеся возможности развитых и развивающихся стран в преодолении последствий пандемического кризиса с формируемым политическим порядком и работой институтов [22]. Вместе с тем, с помощью эмпирических методов С. Гунай и Дж. Кэн доказывают, что развитые страны в большей степени подвержены вторичным эффектам и инфекционным воздействиям, испытывают большее влияние потрясений на финансовых рынках, но относительно более успешно справляются с кризисами [23].

З. М. Ниа и др. сравнивают развивающиеся (Нигерия, ЮАР) и развитые (Канада) страны с точки зрения реагирования на пандемический кризис, а также их ожидаемую экономическую реакцию на пандемию в ближайшем будущем. Авторы приходят к выводу об уязвимости стран с доходом ниже среднего по отношению к карантинам и экономическим ограничениям, а также о большей управляемости безработицей и инфляцией в развитых странах [24].

[1] Перспективы мировой экономики. *Международный валютный фонд*. URL: https://www.imf.org/ru/Publications/WEO/Issues/2021/10/12/world-economic-outlook-october-2021 (дата обращения: 04.04.2023).

[2] The financial and economic crisis of 2008–2009 and developing countries, eds. Dullien S., Kotte J. D., Márquez A., Priewe J. N.Y.; Geneva: UN, 2010. URL: https://unctad.org/publication/financial-and-economic-crisis-2008-2009-and-developing-countries (accessed 4 Apr 2023).

[3] Global Economic Effects of COVID-19. *Congressional Research Service*. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://sgp.fas.org/crs/row/R46270.pdf (accessed 12 Mar 2023).

Методы и материалы

Объектом исследования являются экономические системы развитых и развивающихся стран, испытавшие влияние кризисных явлений в долгосрочном периоде 2001–2021 гг., а также их адаптационные способности по восстановлению на посткризисном этапе, определяемые мерами государственной политики. В соответствии с методологией Международного валютного фонда, к развитым странам относятся 40 стран с развитой экономикой, а также страны G7; в группу развивающихся стран входят 156 стран с формирующимся рынком и развивающейся экономикой. В настоящем исследовании мы проведем проверку нескольких гипотез о характере воздействия кризисных явлений на мировую экономику и о способностях восстановления развитых и развивающихся стран в посткризисный период.

Первая гипотеза состоит в предположении о том, что самым серьезным негативным последствием кризисных явлений 2008 и 2020 гг. является увеличение государственного долга и внешних обязательств, при этом рост долговой нагрузки развивающихся стран приводит к появлению излишнего стресса не только для них самих, но и для развитых стран, выступающих кредиторами. Наше предположение, с одной стороны, основывается на заключении Б. Эллмерс[4], утверждающего, что долговой кризис, вызванный нестабильными потоками капитала, воздействует прежде всего на страны развивающегося мира, способствуя росту их долгового бремени. Из отчета Международного валютного фонда также следует, что для развивающихся экономик ключевым фактором уязвимости до кризиса 2008 г. выступал низкий уровень резервов, а в 2020–2021 гг. в качестве факторов уязвимости стали рассматриваться повышенные обязательства по внешнему иностранному долгу[5].

С другой стороны, существуют мнения, что рост государственного долга и внешних обязательств в период кризисов представляет собой угрозу и для развитых экономик. В частности, А. Д. Антонова и Е. В. Пономаренко подчеркивают, что, несмотря на обширную практику применения внешнего долгового финансирования, данный инструмент погашения дефицита бюджета несет существенные риски для экономик развитых стран, ослабляя позиции государства на международной арене, снижая инвестиционную привлекательность и, соответственно, сокращая объем денежных потоков в страну [25].

Вторая гипотеза состоит в предположении о сравнительно более сдержанном реагировании развивающихся экономик на кризисы 2008 и 2020 гг. и их более быстром восстановлении в посткризисный период относительно экономик развитых стран. Ряд исследователей доказывают, что в кризисных условиях развивающиеся экономики проявляют большую слабость из-за их глубокой интегрированности в глобальные цепочки создания стоимости, высокой зависимости от внешнего иностранного финансирования, более высокой уязвимости к экономическим ограничениям. В то же время развитые страны, несмотря на бóльшую подверженность потрясениям на финансовых рынках, более успешно справляются с кризисами, ростом безработицы и скачком инфляции [11; 19; 23; 24]. Другая группа исследователей подчеркивает усиливающийся потенциал развивающихся стран, прежде всего цифровой, а также отмечает, что турбулентность внешней среды в кризисные периоды способствует открытию новых возможностей для реализации имеющегося потенциала развивающихся стран, что приведет к изменениям конфигурации глобальной экономики [26–28].

Цель исследования состоит в проведении сравнительного анализа влияния современных кризисов на экономики развитых и развивающихся стран, а также в оценке их уязвимостей и способностей к восстановлению в посткризисном периоде. Задачи исследования:

- провести сравнительный анализ основных экономических индикаторов долгосрочной динамики развитых и развивающихся стран для выявления закономерностей развития в кризисные периоды;
- установить угрозы роста государственного долга и внешних обязательств развивающихся и развитых стран;
- установить уязвимости и способности экономик развитых и развивающихся стран к восстановлению в период пандемического кризиса.

Для формирования теоретической и информационной базы исследования авторы применили метод анализа открытых источников информации. Исследование экономических индикаторов развитых и развивающихся стран в долгосрочной динамике проводилось с использованием метода оценки показателей динамики и трендового анализа. Воздействие кризисных явлений на экономику развитых

[4] Ellmers B. The evolving nature of developing country debt and solutions for change. *Eurodad*. URL: https://assets.nationbuilder.com/eurodad/pages/200/attachments/original/1597402578/Evolving_nature_of_developing_country_debt_and_solutions_for_change.pdf?1597402578 (accessed 24 Mar 2023).

[5] Global Imbalances and the COVID-19 Crisis. *IMFBlog*. URL: https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2020/08/04/blog-global-rebalancing-and-the-covid19-crisis (accessed 4 Apr 2023).

и развивающихся стран изучалось с помощью компаративного анализа периода 2001–2021 гг. Графический метод использован для интерпретации полученных данных. Для формирования выводов и обоснования ориентиров государственной политики по обеспечению постпандемийного восстановления экономик развитых и развивающихся стран были применены методы индукции и дедукции, а также системный подход. Информационную базу исследования составляют официальные данные обзоров Международного валютного фонда в долгосрочном периоде 2001–2021 гг.[6]

Результаты

В период 2001–2021 гг. четко детерминированы два глобальных кризиса в мировой экономике: кризис 2008 г. и пандемический кризис 2020 г. Начнем свой анализ с сопоставления темпов годового изменения реального ВВП развитых и развивающихся экономик (рис. 1[7]). В 2009 г. реальный ВВП в мире сократился на 0,1 %. ВВП развивающихся стран вырос на 2,8 %, ВВП развитых стран снизился на 3,3%, а наибольшее снижение реального ВВП произошло в странах G7 (–3,7 %). Кризис, вызванный пандемией, привел к снижению мирового реального ВВП в 2020 г. на 3,1 %, в развитых экономиках ВВП снизился на 4,5 %, а в странах G7 сокращение составило 4,9 %. Наименьшее снижение ВВП характерно для развивающихся экономик (–2,1 %)[8]. Таким образом, анализ динамики темпов изменения реального ВВП показывает менее выраженные колебания показателя в кризисные периоды у развивающихся стран и более быстрое восстановление их экономик в посткризисном периоде в сравнении с развитыми странами.

Кризисные периоды в экономике, как правило, сопровождаются ростом инфляции и инфляционных ожиданий. С позиций макроэкономической теории развивающиеся страны более уязвимы к оттоку капитала, снижению обменного курса и инфляции[9]. Кризис 2008–2009 гг. характеризовался ростом инфляции, ставшим угрозой для стабильного развития мировой экономики. В целом в мире в 2008 г. уровень инфляции достиг 6,3 %, в развитых экономиках он составил 3,4 %, в странах G7 – 3,2 %. Что касается развивающихся экономик, то здесь инфляция выросла до 9,2 %. В период пандемического кризиса скачок инфляции оказался менее выраженным, чем в 2008 г. В 2021 г. среднемировое значение уровня инфляции достигло 4,3 %, в развитых экономиках – 2,8 %, в развивающихся экономиках – 5,5 %[10].

Для сравнительного анализа преодоления кризисов 2008 и 2020 гг. развитыми и развивающимися странами рассмотрим некоторые показатели национального благосостояния, которое определяется не только совокупными доходами государства, но и величиной накопленного богатства, включая валовые накопленные сбережения, зависящие от объема инвестиций в экономику, и сальдо текущего счета платежного баланса [18].

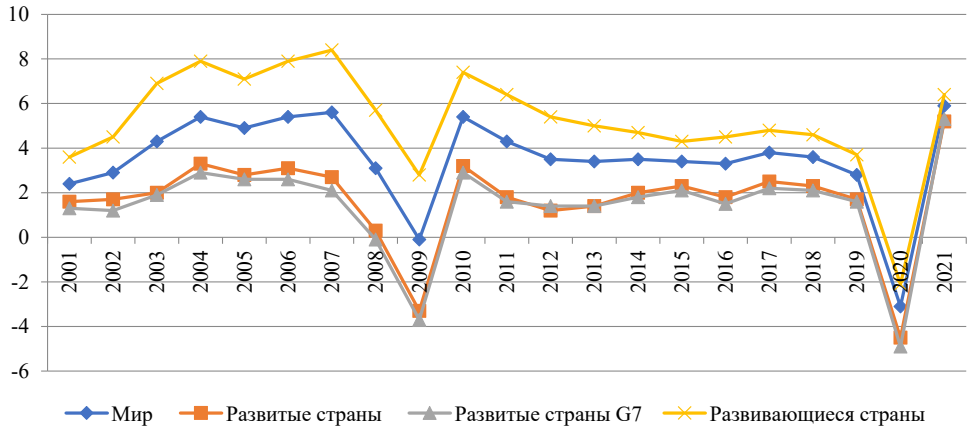

Рис. 1. Темпы изменения реального ВВП развитых и развивающихся стран, постоянные цены, %, 2001–2021 гг.
Fig. 1. Rate of real gross domestic product change in developed and developing countries, constant prices, %, 2001–2021

[6] Перспективы мировой экономики…; Global financial stability report, October 2021. *International Monetary Fund*. URL: https://www.imf.org/en/Publications/GFSR/Issues/2021/10/12/global-financial-stability-report-october-2021; Бюджетный вестник. Укрепление доверия к государственным финансам. *Международный валютный фонд*. URL: https://www.imf.org/ru/Publications/FM/Issues/2021/10/13/fiscal-monitor-october-2021 (дата обращения: 24.04.2023).

[7] Сост. по: Перспективы мировой экономики...

[8] World economic outlook, October 2021. Recovery during a pandemic. *International Monetary Fund*. URL: https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/10/12/world-economic-outlook-october-2021 (accessed 4 Apr 2023).

[9] Перспективы мировой экономики…

[10] Там же.

Статистические данные Международного валютного фонда подчеркивают, что в период пандемии сальдо глобальных текущих счетов платежного баланса стран увеличилось, что способствовало замедлению нисходящего потока средств из более богатых стран в более бедные. Данный факт подтверждает гипотезу о неравномерном воздействии пандемии на различные страны мира и, соответственно, определяет различия в посткризисном восстановлении их экономик[11].

Начало распространения коронавирусной инфекции было сопряжено с резким изменением направления потоков капитала, в результате чего произошло обесценение национальных валют. Стабилизации потоков капитала, оптимизации отношений инвесторов и стран-кредиторов к риску способствовала «мягкая» политика поддержки мировой экономики.

Однако новые волны пандемии, ее пролонгирование во времени привели к усилению мер глобальной финансовой помощи бизнесу и населению, что сократило возможности управления дефицитом счета текущих операций для развивающихся стран, привело к сокращению сальдо счета текущих операций экспортеров сырьевых товаров и усугублению падения мировой торговли.

Развивающиеся страны могут столкнуться с необходимостью стимулирования инвестиционной активности и ограничения чрезмерных частных сбережений в среднесрочной перспективе. Ужесточение денежно-кредитной политики приведет к необходимости реализации мер, направленных на привлечение частных инвестиций, странами с избыточным профицитом текущего счета.

Ключевой проблемой развивающихся стран станет рост неплатежеспособности по собственным долгам на фоне повышения процентных ставок и поддержания низких темпов прироста государственных доходов. Так, в 2021 г. сократился дефицит бюджета, при этом глобальный государственный долг остался на чрезмерно высоком уровне, близком к 100 % ВВП[12].

Проведем детальный анализ годового изменения показателей, привязанных к уровню ВВП: сальдо счета текущих операций, объема инвестиций, валовых национальных сбережений и общего государственного валового долга. Анализ показателей по группе развитых стран представлен на рисунке 2[13]. В период кризиса 2008 г. в развитых странах инвестиции и валовые национальные сбережения снизились на 3 % и 2 % от уровня ВВП соответственно, а пиком роста государственного долга стал 2009 г. Пандемия привела к сокращению объема инвестиций и валовых национальных сбережений на 0,4 % от ВВП, а также росту валового государственного долга на 18,9 %. Кризис 2008 г. для развитых стран обернулся профицитом сальдо текущего счета, а в 2020 г. сальдо снизилось только на 0,3 % от уровня ВВП.

Рис. 2. Некоторые экономические показатели развитых стран, % от ВВП, 2007–2021 гг.
Fig. 2. Economic indicators of developed countries, % of gross domestic product, 2007–2021

[11] External sector report. Divergent Recoveries and Global Imbalances. *International Monetary Fund*. URL: https://www.imf.org/en/Publications/ESR/Issues/2021/08/02/2021-external-sector-report (accessed 12 Apr 2023).

[12] Бюджетный вестник. Укрепление …

[13] Перспективы мировой экономики…

Представим анализ аналогичных показателей применительно к странам G7 (рис. 3[14]). В период 2007–2009 гг. в странах G7 произошло снижение объема инвестиций на 0,3 %, 0,7 % и 2,9 % от ВВП соотвественно. Также наблюдалось снижение объема валовых национальных сбережений на 0,5 %, 1,5 % и 2 % от ВВП соответственно. В 2008–2012 гг. появился новый тренд роста государственного валового долга с максимальным значением 15 % от уровня ВВП в 2009 г. на фоне сохранения дефицита сальдо текущего счета. В период кризиса 2020 г. в странах G7 объем инвестиций сократился на 0,4 %, валовые национальные сбережения снизились на 0,7 % от уровня ВВП, произошел резкий рост валового государственного долга на 22 %, дефицит сальдо текущего счета вырос на 0,6 % от уровня ВВП.

Проанализируем, каким образом кризисные явления в экономике отразились на развивающихся странах (рис. 4[15]). Экономики развивающихся стран отреагировали на кризисы 2008 г. и 2020 г. ростом инвестиций и увеличением объема валовых национальных сбережений. В 2009 г. государственный

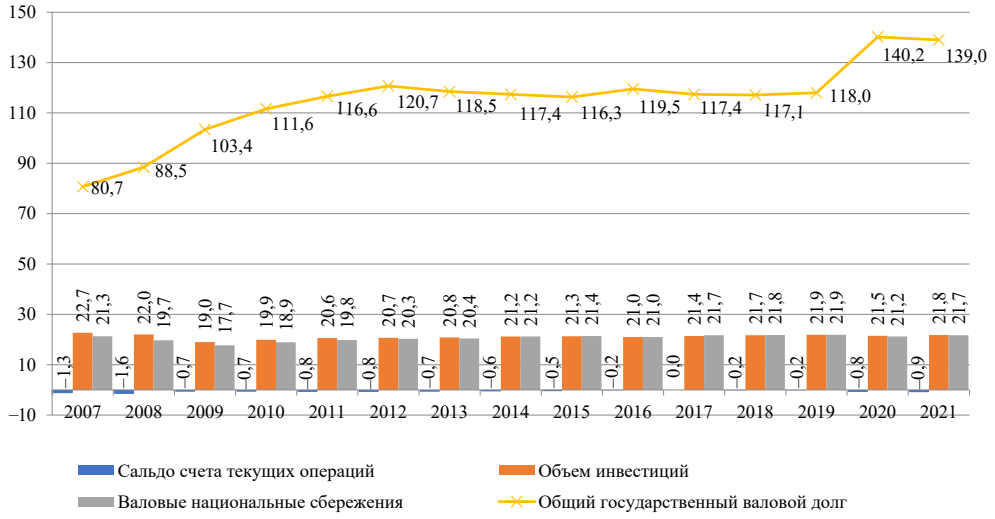

Рис. 3. Некоторые экономические показатели стран G7, % от ВВП, 2007–2021 гг.
Fig. 3. Economic indicators of G7 countries, % of gross domestic product, 2007–2021

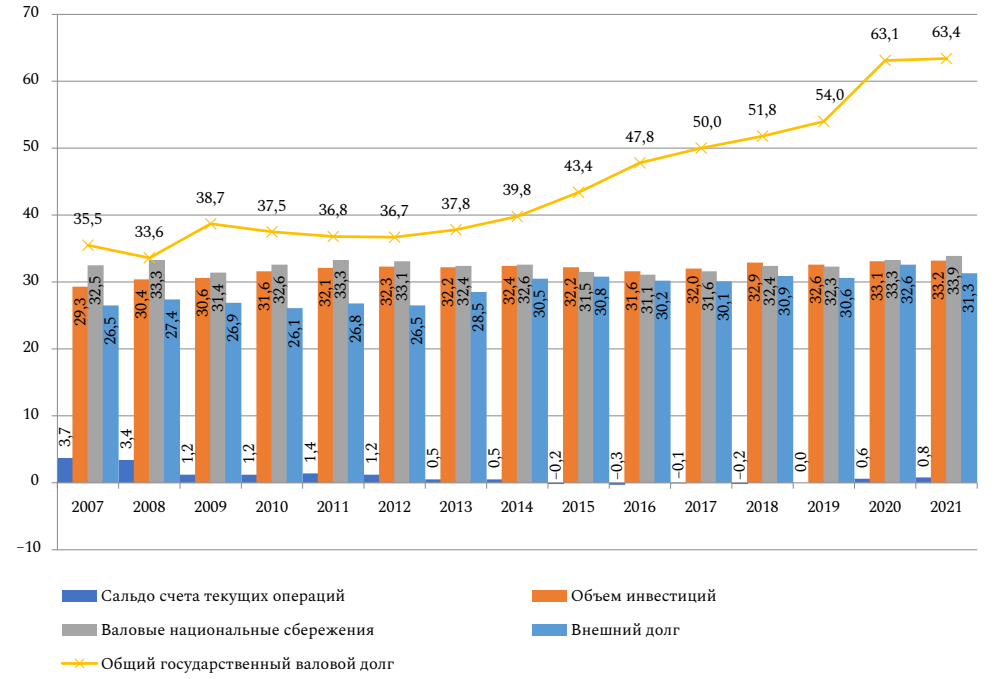

Рис. 4. Некоторые экономические показатели развивающихся стран, % от ВВП, 2007–2022 гг.
Fig. 4. Economic indicators of developing countries, % of gross domestic product, 2007–2022

[14] Перспективы мировой экономики…
[15] Там же.

валовой долг в развивающихся странах увеличился на 5,1 %, а в 2020 г. вырос на 9 % от уровня ВВП, причем прирост произошел не за счет наращивания внешнего долга. В 2009 г. внешний долг снизился на 0,5 % от ВВП, а в 2020 г. показатель вырос всего на 2 %. Профицит сальдо текущего счета в развивающихся экономиках сохранился в 2008 и 2020 гг., однако в посткризисные годы произошло снижение сальдо текущего счета на 2,1 % в 2009 г. и рост сальдо текущего счета на 0,6 % в 2020 г.

Анализ позволяет, во-первых, сделать вывод, что пандемический кризис 2020 г. привел к менее серьезным поражениям мировой экономики, чем глобальный экономический кризис 2008 г. благодаря реализации государственными институтами беспрецедентных по масштабу программ помощи населению и поддержки бизнеса [5; 9]. Во-вторых, проведенный анализ развивающихся экономик указывает на их сравнительно более сдержанное реагирование на кризисы и способность к более быстрому посткризисному восстановлению относительно развитых экономик. Это может объясняться тем, что развитые страны реализовали глобальную программу спасения развивающихся экономик инструментами «мягкой» денежно-кредитной политики[16] [10].

Безусловно, существует риск углубления экономических расхождений между развивающимися и развитыми странами под давлением новых волн пандемии, требований перехода к «зеленой» экономике [29], ограниченного доступа развивающихся стран к финансовым ресурсам. Риск углубления экономических расхождений должен нивелироваться реализацией программ сохранения международной ликвидности для стран с ограниченными экономическими возможностями, поддержания устойчивости развитых и развивающихся экономик, обеспечения долгосрочного роста мировой экономики с низким уровнем инфляции и низким уровнем государственного долга.

Мы считаем, что для обеспечения восстановления экономик развитых и развивающихся стран после пандемии ориентирами их государственных политик могут стать:

- реализация адаптивной налогово-бюджетной политики, которая обеспечит стимулирование перехода мировой экономики к экологически чистым технологиям и цифровой трансформации, а также увеличению продуктивности, экологичности и устойчивости к будущим глобальным кризисам [19; 29];
- увеличение объема государственных инвестиций в высококачественный физический капитал, сферу образования и здравоохранения, программы сохранения и поддержания занятости, повышения социальной защиты населения [30];
- повышение гибкости согласования циклов налогово-бюджетной политики с циклами восстановления мировой экономики; поскольку увеличивающийся дефицит государственных бюджетов, особенно в странах с развитой экономикой, приведет к ужесточению денежно-кредитной политики на финансовых рынках и усложнит доступ к дешевым заимствованиям, потребуется мобилизация дополнительных доходов в среднесрочной перспективе и повышение эффективности расходов;
- снижение уровня глобального государственного долга за счет достижения большего первичного сальдо бюджета, чем до пандемии, требующее направить усилия на нивелирование факторов ужесточения денежно-бюджетной политики на фоне роста инфляции и увеличения затрат на финансирование и рефинансирование долга для развивающихся экономик;
- реализация мер, направленных на предотвращение возможного схлопывания пузырей на финансовом рынке вследствие резкого роста волатильности финансового рынка в период роста процентных ставок при восстановлении экономического роста; в случае криптоактивов риск резкой волатильности может сказаться на стабильности, особенно в странах с развивающейся экономикой, где объем транзакций с криптовалютными активами достиг критических уровней;
- реализация программ стимулирования роста наиболее пострадавших от пандемии экспортных областей экономики и туризма, использование потенциала адресных фискальных и финансовых мер помощи пострадавшим от пандемии домохозяйствам и реальному бизнесу, реализация программ поддержки доступа мигрантов и их семей к социальным услугам.

Заключение

В статье проанализирована динамика реального ВВП развитых и развивающихся стран в долгосрочном периоде 2001–2021 гг., выявлены наиболее значимые кризисные периоды 2008–2009 и 2020–2021 гг. В результате исследования сделан вывод о том, что в период пандемического кризиса рост инфляции был более плавным, чем в 2008 г.; в развитых странах он оказался более сдержанным, нежели в развивающихся.

[16] Cassim Z., Handjiski B., Schubert J., Zouaoui Y. The $10 trillion rescue: How governments can deliver impact. *McKinsey & Company*. URL: https://www.mckinsey.com/industries/public-sector/our-insights/the-10-trillion-dollar-rescue-how-governments-can-deliver-impact (accessed 15 Feb 2023).

Анализ экономических индикаторов развитых и развивающихся стран в долгосрочной динамике позволил обосновать вывод о том, что кризис, вызванный пандемией, привел к менее серьезным поражениям мировой экономики, чем глобальный экономический кризис 2008 г. благодаря реализации государственными институтами программ помощи населению и поддержки бизнеса.

Определено, что развивающиеся страны реагируют на кризисы сравнительно более сдержанно и быстрее восстанавливаются в посткризисный период. Причины этого кроются прежде всего в реализации развитыми странами глобальной программы спасения развивающихся экономик.

Авторами сформулированы рекомендации по обеспечению постпандемийного восстановления экономик развитых и развивающихся стран, в т. ч. в части реализации адаптивно подстраиваемой налогово-бюджетной политики. Для развивающихся стран целесообразны адресные фискальные и финансовые меры помощи пострадавшим от пандемии домохозяйствам и реальному бизнесу в условиях ужесточения денежно-кредитной политики.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: О. Ф. Алехина – руководство проектом, постановка цели, задач, выбор методологии исследования. С. В. Плясова – формирование теоретико-методологических основ исследования, создание статистической базы исследования. С. В. Языкова – анализ статистических данных, подготовка графического материала. Е. В. Федотова – представление полученных результатов.
Contribution: O. F. Alekhina managed the project, established the purpose and tasks, chose research methods. S. V. Plyasova determined the theoretical and methodological bases of the research, collected the statistical data. S. V. Yazykova analyzed the data, created the graphic material. E. V. Fedotova presented the results.

Литература / References

1. Karpunina E. K., Butova L. M., Sobolevskaya T. G., Badokina E. A., Pliusnina O. V. The impact of the COVID-19 pandemic on the development of Russian national economy sectors: analysis of dynamics and search for stabilization measures. *Innovation Management and Information Technology Impact on Global Economy in the Era of Pandemic*: Proc. 37th Intern. Business Information Management Association Conf., Cordoba, 30–31 May 2021. IBIMA, 2021, 1213–1226. https://www.elibrary.ru/fcwahg
2. Karpunina E. K., Moskovtceva L. V., Zabelina O. V., Zubareva N. N., Tsykora A. V. Socio-economic impact of the COVID-19 pandemic on OECD countries. *Research in Economic Anthropology*, 2022, 42: 103-114. https://doi.org/10.1108/S0190-128120220000042011
3. Мельянцев В. А. Конкурентоспособность развивающихся стран в глобальной экономике. *Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение*. 2014. № 3. С. 3–29. [Meliantsev V. A. Competitiveness of developing countries in the world economy. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 13: Vostokovedenie*, 2014, (3): 3–29. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/snganj
4. Karpunina E. K., Agabekyan R. L., Petrov I. V., Gorlova E. A., Sobolevskaya T. G. BRICS countries as new growth poles of the global digital economy. *International Journal of Economic Policy in Emerging Economies*, 2021. https://doi.org/10.1504/IJEPEE.2021.10036746
5. Коновалова М. Е., Усанов А. Ю., Труфанова С. А., Родин А. Ю. Структурный анализ причин и последствий глобальных кризисов (на примере стран G7). *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2022. Т. 12. № 4. С. 10–24. [Konovalova M. E., Usanov A. Yu., Trufanova S. A., Rodin A. Y. Structural analysis of the causes and consequences of global crises (using the example of G7 countries). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, 2022, 12(4): 10–24. (In Russ.)] https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-4-10-24
6. Lothian J. R. U. S. monetary policy and the financial crisis. *The Journal of Economic Asymmetries*, 2009, 6(3): 25–40. http://dx.doi.org/10.1016/S1703-4949(16)30050-0
7. Осама А. М., Мун Д. В., Фатма Д. Ответные меры на пандемию COVID-19: экономика и здравоохранение экономически развитых и развивающихся стран. *Экономические отношения*. 2020. Т. 10. № 4. С. 981–998. [Osama A. M., Moon D. W., Fatma J. The response to the COVID-19 pandemic: economics and health in economically developed and developing countries. *Ekonomicheskie otnosheniya*, 2020, 10(4): 981–998. (In Russ.)] https://doi.org/10.18334/eo.10.4.111083
8. Дробот Е. В. Мировая экономика в условиях пандемии COVID-19: итоги 2020 года и перспективы восстановления. *Экономические отношения*. 2020. Т. 10. № 4. С. 937–960. [Drobot E. V. Global economy in the context

of the COVID-19 pandemic: results of 2020 and prospects for recovery. *Ekonomicheskie otnosheniya*, 2020, 10(4): 937–960. (In Russ.)] https://doi.org/10.18334/eo.10.4.111375
9. Мау В. А. Экономическая политика в условиях пандемии: опыт 2020–2021 гг. *Вопросы экономики*. 2022. № 3. С. 5–28. [Mau V. A. Economic policy in times of the pandemic: the experience of 2021–2022. *Voprosy ekonomiki*, 2022, (3): 5–28. (In Russ.)] https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-3-5-28
10. Мау В. А. Пандемия коронавируса и тренды экономической политики. *Вопросы экономики*. 2021. № 3. С. 5–30. [Mau V. A. Coronavirus pandemic and trends of economic policy. *Voprosy ekonomiki*, 2021, (3): 5–30. (In Russ.)] https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-3-5-30
11. *Economics in the time of COVID-19*, eds. Baldwin R., Weder di Mauro B. CEPR, 2020, 116.
12. Bonadio B., Huo Z., Levchenko A. A., Pandalai-Nayar N. *Global supply chains in the pandemic*. NBER Working Paper № 27224. Cambridge: NBER, 2020, 51. https://doi.org/10.3386/w27224
13. Guerrieri V., Lorenzoni G., Straub L., Werning I. *Macroeconomic Implications of COVID-19: Can Negative supply shocks cause demand shortages?* NBER Working Paper № 26918. Cambridge: NBER, 2020, 36. https://doi.org/10.3386/w26918
14. Gukasyan Z. O., Tavbulatova Z. K., Aksenova Z. A., Gasanova N. M., Karpunina E. K. Strategies for adapting companies to the turbulence caused by the COVID-19 pandemic. *Advances in Science, Technology and Innovation*, 2022, 639–645.
15. Karpunina E. K., Zabelina O. V., Galieva G. F., Melyakova E. V., Melnikova Y. V. Epidemic threats and their impact on the economic security of the state. *Education excellence and innovation management: a 2025 vision to sustain economic development during global challenges*: Proc. 35th Intern. Business Information Management Association Conf., Seville, 1–2 April 2020. Seville: IBIMA, 2020, 7671–7682.
16. Chudik A., Mohaddes K., Pesaran M. H., Raissi M., Rebucci A. A counterfactual economic analysis of COVID-19 using a threshold augmented multi-country model. *Journal of International Money and Finance*, 2021, (2). https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2021.102477
17. Van Bergeijk P. A. G. *The Political Economy of the Next Pandemic*. International Institute of Social Studies Working Paper № 678. Hague: Institute of Social Studies, 2021, 22.
18. Смирнов Е. Н., Карелина Е. А. Оценка парадоксов и рисков развития глобальной экономики в условиях коронакризиса. *Инновации и инвестиции*. 2021. № 2. С. 33–38. [Smirnov E. N., Karelina E. A. Assessment of paradoxes and risks of the development of the global economy in the context of the coronavirus crisis. *Innovation and Investment*, 2021, (2): 33–37. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/szxpif
19. Родыгина Н. Ю., Мусихин В. И. Влияние COVID-19 на экономики развивающихся стран и стран с низким уровнем дохода. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2020. № 9. С. 27–41. [Rodygina N. Yu., Musikhin V. I. COVID-19 impact on developing and poorer economies. *Russian Foreign Economic Journal*, 2020, (9): 27–41. (In Russ.)] https://doi.org/10.24411/2072-8042-2020-10089
20. Платонова И. Н. Мировая долговая проблема и устойчивое развитие глобальной экономики. *Экономика. Налоги. Право*. 2016. Т. 9. № 2. С. 51–59. [Platonova I. N. The world debt problem and sustainable development of the global economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, 2016, 9(2): 51–59. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/wdlctr
21. Ward H. P., Ricci L. A., Pattillo C. A. *External debt and growth*. The IMF Working Paper № 2002/069. International Monetary Fund, 2002, 47.
22. Fukuyama F. The pandemic and political order: it takes a state. *Foreign Affairs*, 2020, 99(4): 26–32.
23. Gunay S., Can G. The source of financial contagion and spillovers: an evaluation of the COVID-19 pandemic and the global financial crisis. *PLoS ONE*, 2022, 17(1). https://doi.org/10.1371/journal.pone.0261835
24. Nia Z. M., Ahmadi A., Bragazzi N. L., Woldegerima W. A., Mellado B., Wu J., Orbinski J., Asgary A., Kong J. D. A cross-country analysis of macroeconomic responses to COVID-19 pandemic using Twitter sentiments. *PLoS ONE*, 2022, 17(8). https://doi.org/10.1371/journal.pone.0272208
25. Антонова А. Д., Пономаренко Е. В. Внешний долг – угроза национальной безопасности страны? *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2016. № 4. С. 49–60. [Antonova A. D., Ponomarenko E. V. External debt is a threat to national security? *RUDN Journal of Economics*, 2016, (4): 49–60. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/xwezjv
26. Плясова С. В., Бондарева Н. А., Гриднев Ю. В. Оценка цифрового потенциала стран БРИКС в условиях формирования нового геопорядка. *Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика*. 2023. Т. 25. № 1. С. 128–142. [Plyasova S. V., Bondareva N. A., Gridnev Yu. V. Assessment of the digital potential of the BRICS countries in the formation of the new geopolitical order. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, 2023, 25(1): 128–142. (In Russ.)] https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2023.1.11

27. Revinova S. E-commerce in BRICS: similarities and differences. *International Journal of Economic Policy in Emerging Economies*, 2019, 12(4): 377–390. https://doi.org/10.1504/IJEPEE.2019.104632
28. Игнатов А. А. Цифровая экономика в БРИКС: перспективы многостороннего сотрудничества. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2020. Т. 15. № 1. С. 31–62. [Ignatov A. A. The digital economy of BRICS: prospects for multilateral cooperation. *International Organisations Research Journal*, 2020, 15(1): 31–62. (In Russ.)] https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-01-02
29. Malm A. *Corona, climate, chronic emergency: war communism in the twenty-first century*. L.: Verso, 2020, 224.
30. Kuzmenko N. I., Lapushinskaya G. K., Lisova E. V., Tleptserukov M. A., Karpunina E. K. Russian regions: assessment of factors of growth in the living standard and well-being of the population. *Geo-economy of the future: sustainable agriculture and alternative energy*, eds. Popkova E. G., Sergi B. S. Cham: Springer, 2022, 619–639. https://doi.org/10.1007/978-3-030-92303-7_66

© 2023. Гершанок А. А., Ломоносова Я. Г.

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Метаморфоза парадигмы государственного управления и новые требования к квалификационным характеристикам госслужащих

Гершанок Александр Александрович
Пермский государственный национальный исследовательский университет, Россия, Пермь
https://orcid.org/0000-0002-0172-6845
agershanok@yandex.ru

Ломоносова Яна Геннадьевна
Институт повышения квалификации – РМЦПК, Россия, Пермь
https://orcid.org/0000-0002-4256-2461

Поступила 12.04.2023. Принята после рецензирования 07.08.2023. Принята в печать 13.09.2023.

Аннотация: В современных условиях быстро изменяющейся внешней среды, нарастающей международной напряженности и усложняющейся государственной политики теория государственного управления должна быстро адаптироваться и изменяться. Традиционные модели государственного управления, основанные на строгой иерархической подчиненности, имеют крайне низкую эффективность, что обуславливает необходимость их радикального переосмысления и перепроектирования. Такая метаморфоза парадигмы государственного управления не могла не повлиять на требования к квалификационным характеристикам государственных служащих, вовлеченных в процесс государственного управления. Ключевым трендом изменений является отказ от командных методов управления в пользу методов, основанных на соучастии, вовлеченности в процесс, эффективной мотивации при выполнении своих функциональных обязанностей. Цель исследования – проанализировать основные концепции (моделей) теории государственного управления; определить функции и задачи государственных служащих, упорядочить их по определенным признакам; выделить ключевые тенденции в развитии общества, оказывающие воздействие на квалификационные характеристики государственных служащих. Исследование основано на фундаментальных концепциях и положениях, представленных в классических и современных работах отечественных и зарубежных ученых, статистических данных национальных и зарубежных агентств и институтов, эмпирических данных. Научные методы: анализ литературы, сравнительный анализ, синтез, обобщение, наблюдение; методы научной абстракции и абстрактного мышления. Новизна исследования заключается в выводе о трансформации парадигмы государственного управления в сторону социального партнерства и децентрализации функций государственного управления, повышения ответственности госслужащих.

Ключевые слова: государственные служащие, государственное управление, концепции государственного управления, квалификационные характеристики, эффективность управления, мотивация, цифровизация, компетенции

Цитирование: Гершанок А. А., Ломоносова Я. Г. Метаморфоза парадигмы государственного управления и новые требования к квалификационным характеристикам госслужащих. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 3. С. 323–333. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-3-323-333

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

full article

Metamorphosis of the Public Administration Paradigm and the New Qualification Profile of Civil Servants

Aleksandr A. Gershanok
Perm State National Research University, Russia, Perm
https://orcid.org/0000-0002-0172-6845
agershanok@yandex.ru

Iana G. Lomonosova
Institute of Advanced Training – RMTsPK, Russia, Perm
https://orcid.org/0000-0002-4256-2461

Received 12 Apr 2023. Accepted after peer review 7 Aug 2023. Accepted for publication 13 Sep 2023.

Abstract: In conditions of rapidly changing external environment, increasing international tension, and more complicated public policy, the theory of public administration must quickly adapt. Traditional models of public administration based on strict hierarchical subordination are extremely ineffective, which necessitates their radical

rethinking and redesign. These changes affect the requirements for the qualification profile of civil servants. The key trend is the rejection of team management methods in favor of methods based on participation, involvement, effective motivation. The purpose of the study is to analyze the theory of public administration basic concepts (models); to establish the functions and tasks of civil servants and arrange them; to identify key trends in the society development that affect the qualification profile of civil servants. The research is based on scientific works, statistical data of national and foreign agencies and institutes, empirical data. Scientific methods: literature analysis, comparative analysis, synthesis, generalization, observation; methods, used in the article are of scientific abstraction and abstract thinking. The novelty of the research lies in the conclusion that the paradigm of public administration shifts towards social partnership and decentralization of public administration, increasing the responsibility of civil servants.
Keywords: civil servants, public administration, public administration concepts, qualification profile, management efficiency, motivation, digitalization, competencies

Citation: Gershanok A. A., Lomonosova Ia. G. Metamorphosis of the Public Administration Paradigm and the New Qualification Profile of Civil Servants. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(3): 323–333. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-3-323-333

Введение

Вызовы современной эпохи, изменяющегося мира требуют от системы и механизмов государственного управления адекватного реагирования. Ключевые тенденции изменения окружающего нас мира связаны с цифровизацией жизни и нарастанием международной напряженности. Необходимо, чтобы правительства и чиновники придерживались принципов и методов управления, соответствующих текущим условиям жизнедеятельности, требованиям экономики и общества. Для современного общества нужен новый тип государственного служащего, который мог бы эффективно справляться с проблемами XXI в. [1]. Цель исследования заключается в анализе основных концепций (моделей) теории государственного управления (включая традиционную концепцию, концепцию нового государственного менеджмента, концепцию нового государственного администрирования), функций и задач государственных служащих, а также их упорядочиванию по определенным признакам с последующим выделением ключевых тенденций в развитии общества, оказывающих воздействие на квалификационные характеристики государственных служащих. Используются такие научные методы, как изучение литературы, сравнительный анализ, синтез, обобщение, сравнение документов, наблюдение, методы научной абстракции и абстрактного мышления.

В современном мире государственные служащие приобретают новые функции и социальные роли. От них требуется не просто выполнение поставленных задач. Служащему необходимо проявлять творческий подход, одновременно учитывая тенденции развития, которые заданы существующими условиями и системой взаимоотношений с бизнесом и обществом. Мы вступили в эпоху, когда государственный служащий – не просто часть сложного механизма управления страной, а полноценный участник преобразований, поэтому к нему, к его компетенциям предъявляются совершенно новые требования. Если раньше функции чиновника сводились к тому, чтобы транслировать решения, принятые наверху, на нижестоящий уровень, то сейчас он становится полноценным участником всего процесса управления. Чиновник принимает решение и несет ответственность за результат реализации решения. Эта парадигма пока не приобрела широкого распространения в отечественном государственном управлении, но тенденции развития направлены именно в эту сторону.

Особое значение приобретает освоение госслужащими современных цифровых, социально-психологических и политических технологий. Скорость принятия решений максимально увеличивается, при этом зачастую отсутствует полная и достоверная информация о ситуации во внешней среде. Однако, несмотря на активное внедрение цифровых технологий и ускорение всех процессов государственного управления, государственный служащий должен быть компетентным в политике, экономике, социальной психологии и даже педагогике, потому что его решения во многом существенно зависят от политической и социально-экономической ситуации в стране. В этой связи существенно изменяются требования к квалификационным характеристикам государственных служащих.

Трансформация парадигмы государственного управления

В теории государственного управления на современном этапе происходят существенные изменения. Традиционная парадигма управления, основанная на четком разделении функций по правилу

начальник – подчиненный, трансформируется в парадигму управления по принципу соучастия, заимствованному из бизнеса. Сформировалось 3 основных концепции (или парадигмы) государственного управления, отражающие различные подходы и взгляды на место и роль государства в обществе, а также на функции и задачи государственных служащих в системе государственного управления:

1) традиционная концепция государственного управления (traditional public administration – TPA);

2) концепция нового государственного менеджмента (new public management – NPM);

3) концепция нового государственного администрирования (new public governance – NPG).

Традиционная концепция государственного управления

Концепцию TPA в целом можно представить как особую область управленческой деятельности, направленную на разработку и координацию государственной политики и государственных программ. В рамках этой концепции также происходит регулирование порядка реализации этой политики и программ. Считается, что традиционная концепция государственного управления должна охватывать все стадии «производства» и реализации политики государства – планирование; организацию; контроль деятельности органов местного самоуправления, организаций государственного сектора и некоммерческих структур; оценку результативности; определение основных требований к профессиональным качествам служащих, реализующих эти политики, и т. д.

Основной целью государственного управления в этом случае является использование государственной политики для улучшения социальных условий жизни населения. Правительство при этом наделяет государственных служащих необходимыми полномочиями. Что касается принципов организации функционирования такой модели, то государственная служба (правительственные организации) должна быть организована в соответствии с идеалом и принципами *идеальной бюрократии*, сформулированными еще М. Вебером в 1922 г. [2]. В таких системах от государственных служащих требуется принимать решения на основе их опыта в конкретной области деятельности. Государственные служащие несут ответственность за разработку рациональных действий в рамках политики, одобренной высшими чиновниками, а также за рациональную реализацию этой политики [3].

Таким образом, концепция TPA строится на трактовке государственного управления как системы, в которой политика устанавливается сверху, а технически квалифицированные исполнители строго подчиняются политическому руководителю и действуют в строгом соответствии с установленным регламентом. Все процедуры управления и правила в рамках данной модели ориентированы прежде всего на процесс разработки политики и порядок предоставления политики обществу. Приоритет отдается контролю над иерархиями, правилами и положениями, которые способствуют установлению государственной политики.

Считается, что готовность и способность бюрократов следовать правилам и приказам зависят от множества механизмов, основным из которых является мотивация, в первую очередь материальная. Такого рода мотивация присуща любой карьере на протяжении всей жизни. Способность бюрократии следовать формальным правилам или этическим кодексам зависит от ее собственной квалификации и ориентации, от способности лидеров давать указания, а также от наличия ресурсов [4].

Традиционная концепция предполагает, что задачи разработки и реализации политики считаются техническими по своей сути, и заключаются в том, чтобы «найти логически правильное решение путем интерпретации правил и фактов или применения экспертных знаний о причинно-следственных связях» [4, с. 4]. В свою очередь, для решения технических проблем государственные служащие должны демонстрировать отличные предметные знания и технические навыки [5, с. 81]. Для эффективного решения задач в концепции традиционного менеджмента госслужащие должны обладать компетенциями именно технического плана. Они должны уметь четко выполнять указания вышестоящих руководителей и проявлять минимум инициативы, поскольку считается, что только начальник может принимать правильные решения.

Важным элементом традиционного подхода к государственному управлению является то, что рациональное принятие решений должно происходить в соответствии с формальными правилами и положениями, поэтому для надлежащего осуществления политики государственные служащие должны быть беспристрастными и нейтральными. Кроме того, государственные служащие должны четко придерживаться правил иерархии [6], что требует соблюдения правил политического подчинения, т. е. государственные служащие должны подчиняться указаниям и приказам начальства, действовать строго в соответствии с официальной политикой, процедурами и правилами, воздерживаться от действий, выходящих за рамки формального описания их задач [7]. Поэтому в деятельности государственного служащего не остается места участию или гибкости – все строго регламентировано и подчинено правилам и процедурам.

Центром внимания традиционной концепции управления является ориентация на внутреннюю деятельность. Считается, что чем лучше правительство внутренне организовано, тем эффективнее оно будет работать и управлять обществом. По мнению ряда авторов, применение модели TPA в промышленно развитых странах на протяжении первой половины XX в. способствовало развитию общества и относительному прорыву в экономике [8].

Другие исследователи считают, что, несмотря на очевидную пользу традиционного подхода, практическое применение TPA показало наличие ряда негативных последствий. Применение модели на практике привело к формированию перегруженных правительств, которые были связаны огромным количеством обязанностей и требований, многие из которых они не могли должным образом выполнять [9]. Кроме того, концепции TPA присущи неадекватность политического контроля, а также задержки и дефицит при предоставлении государственных услуг ввиду наличия бюрократии и необходимости жесткого подчинения формальным правилам.

Помимо этого, бюрократия предоставляет общественные блага и услуги в качестве прямого поставщика, хотя эффективнее было бы предоставлять их адресно, посредством субсидий, регулирования и контрактов. Наконец, поскольку решения при таком подходе являются произвольными, может возникнуть серьезная техническая неэффективность. Граждане в этой модели рассматриваются как пассивное сообщество реципиентов, реальные потребности и мнение которых не всегда учитываются. Также проводится строгое разделение между политиками, принимающими решения, и администраторами, реализующими их, что приводит к разрыву в цепочке принятия и реализации управленческих решений.

В результате к середине XX в. как в науке, так и в общественном мнении стала складываться ситуация, стимулировавшая поиск новых решений и подходов в области государственного управления. Высказывались предложения отказаться от классической модели управления и реализовать новые принципы управления, заимствованные из бизнеса. В качестве причин такого перехода теоретики называли, во-первых, усиливающееся ограничение свободы личности со стороны бюрократии и, во-вторых, необходимость замены понятия иерархической власти на *возможность выбора* [10].

Однако и сейчас концепция государственного управления TPA продолжает оставаться достаточно распространенной и используется в практике управления многих стран. Основной акцент в государственном управлении при этом сосредоточен на разработке государственной политики и координации государственных программ. В большинстве стран государственное управление сегодня существует на местном, региональном, национальном и международном уровнях с разными политическими целями на каждом уровне, реализующимися именно с помощью методов и инструментов модели TPA.

Концепция нового государственного менеджмента

Концепция NPM основана на неоклассических экономических концепциях, менеджеризме и теории общественного выбора, включая базовые положения философии эмпирической концепции и логической позитивистской философии. Концепция опирается на экономические, финансовые и рыночные механизмы с ориентацией на результат, который можно измерить, например, с помощью ключевых показателей эффективности – KPI. Для оценки достигнутого результата в сфере государственной службы вводятся показатели оценки из бизнес-сферы: рентабельность, эффективность, выгода. По сути это бизнес-подход, который применяет финансово-экономические методы и приемы к государственному управлению.

Первоначально парадигма NPM активно применялась в ходе реформирования бюрократии в нескольких странах (например, в 1980-е гг. в США). По мнению авторов, наиболее известными разработчиками этой концепции являются К. Худ, Д. Осборн и Т. Геблер, Дж. Бостон. В практике управления идеи нового государственного менеджмента получили наиболее широкое распространение в 90-е гг. XX в.

По мнению сторонников этой концепции, новый государственный менеджмент представляет собой практический подход, который сосредоточен на решении повседневных задач, связанных с реализацией политик, а правила управления четко определяют, каким образом государственные служащие должны реализовывать эти политики. При этом государственная административная система должна управляться миссиями, а не правилами [11]. Основная идея этой концепции – управление государством как бизнесом [12]. Иными словами, задачей государственного управления на основе NPM провозглашается повышение качества и эффективности услуг, предоставляемых на заимствованных из предпринимательства принципах, в стремлении увеличить доходы и минимизировать расходы.

Таким образом, концепция NPM делает акцент на практическом управлении, активном, видимом контроле, четких стандартах и измерении эффективности, что подразумевает высокий уровень подотчетности и прозрачности. Пристальное внимание обращено на операционные результаты – акцент делается на контроль результатов, а не процессов

выполнения. Таким образом, деятельность государственных организаций представляется как система надзора, а не действий [11].

Концепция NPM предусматривает децентрализацию иерархического порядка, сдвиг в сторону конкуренции, применение в государственном секторе моделей управления из бизнеса, ориентацию на экономию использования ресурсов. Перечисленные выше принципы экономист C. A. Hood назвал доктринальными компонентами модели NPM [3].

Основной идеей управления на основе концепции NPM является требование построения деятельности государственных организаций на основе заключения контрактов с целью сделать систему более эффективной и гибкой [13]. При этом от системы государственного управления требуется, чтобы она была способной к модификации, саморегулированию с помощью рыночного механизма.

Концепция NPM опирается на основные правила конкуренции, соотношение цены и качества, партнерство. Из этого следует, что государственная организация должна быть конкурентоспособной в сфере государственных услуг, а сама система государственного управления должна в большей степени реагировать на запросы граждан, чем на потребности бюрократии и самих государственных чиновников. В этой связи руководители государственных организаций и служащие должны обеспечить реализацию государственной политики по предоставлению государственных услуг таким образом, чтобы достичь наиболее желательных результатов для обеспечения интересов тех, на кого ориентированы эти услуги. Однако при этом появляется существенная опасность потери социальной направленности и социальной справедливости государственной помощи. Поскольку эта модель опирается прежде всего на ценности бизнеса, она может ослабить внимание к общественным интересам и коллективность процесса принятия решений. Тем самым, чрезмерное использование бизнес-подходов может отрицательно сказаться на процессе разработки государственной политики.

Изначально применение принципа управления государством как бизнесом предполагало широкое использование показателей и критериев оценки из бизнеса для определения эффективности государственной службы. Ключевым критерием стало лучшее соотношение цены и качества [5; 14]. Для достижения высокого показателя этого критерия государственные служащие должны иметь возможность поддерживать эффективные отношения между принципалом и агентом в подрядных договорах и квазирынках. В роли принципалов государственные служащие должны иметь возможность заключать выгодные сделки с поставщиками услуг и другими организациями. Сделки должны быть оформлены в виде письменных контрактов, содержать условия и порядок привлечения недобросовестных подрядчиков к ответственности [7]. Для реализации этих функций государственные служащие должны обладать профессиональными навыками в области заключения договоров и контрактов, а также профессиональными знаниями в таких областях, как стратегическое мышление, государственные финансы, навыки межличностного общения. Кроме того, ориентация на клиента требует, чтобы государственные служащие умели эффективно и действенно обрабатывать запросы, четко информировали о принятом решении и были открыты для обратной связи со своими клиентами.

При применении концепции NPM важным и весьма противоречивым является вопрос о статусе граждан. В модели NPM граждане рассматриваются как клиенты, которые из пассивных получателей государственных услуг превращаются в их активных потребителей, при этом оставаясь непосредственными получателями государственных услуг [15]. В отличие от традиционной модели, где политические руководители подотчетны обществу, в концепции NPM не установлены четкие отношения между гражданами и властью. В результате концепция несет в себе потенциальную опасность сокращения и даже некоторой потери социальной ответственности правительства перед обществом. Так, вследствие отношения к гражданам как к клиентам или заказчикам, получающим государственные услуги, чиновники, действующие на принципах NPM, могут ограничить социальные права отдельных категорий граждан, сведя свою деятельность к стремлению получить прибыль. В результате может сложиться ситуация, когда государственные услуги оказываются только тем клиентам, которые платят. При этом граждане с низким доходом, не имеющие соответствующих финансовых возможностей для оплаты государственных услуг, могут оказаться исключенными из сферы государственной помощи [16].

Что касается главного фокуса концепции NPM, то так же как и в традиционной концепции управления, в этой модели таким фокусом является ориентация на внутренние аспекты деятельности. При этом тезис *чем лучше правительство внутренне организовано, тем эффективнее будет его работа* считается главным и основополагающим для организации деятельности чиновников. Также обе концепции придерживаются приоритетности задачи принятия и реализации государственной политики.

Здесь необходимо отметить, что именно в рамках применения концепции NPM в государственном секторе было введено понятие компетенций и компетентностного подхода в управлении кадрами

государственной службы. Понятия *компетентность* и *компетенции* хотя и схожи, но все же значительно отличаются друг от друга. Так, в толковом словаре русского языка дается такое определение компетентности: «осведомленность, авторитетность». Компетенция определяется как «круг вопросов, явлений, в которых данное лицо обладает авторитетностью, познанием, опытом»[1]. А. М. Лукашенко в своей статье дает следующее определение этим понятиям: «компетенция – это предметная область, в которой индивид хорошо осведомлен и проявляет готовность к выполнению деятельности, а компетентность – интегрированная характеристика качеств личности, выступающая как результат подготовки выпускника для выполнения деятельности в определенных областях» [17, с. 97]. С. Коляда определяет данные термины так: «компетентность – то, что человек умеет, знает. Компетенция – круг прав и полномочий, в рамках которых человек должен уметь и знать то, что требуется»[2].

Мы полагаем, что компетентность относится к кругу выполняемых обязанностей и полномочий, а компетенции – это присущие индивиду характеристики, позволяющие качественно выполнять эти обязанности. Компетенция является результатом взаимодействия таких качеств сотрудника, как способности, личностные особенности, знания и навыки, мотивация.

Управление на основе компетенций (competency based management, CBM) используется как основной подход в большинстве ключевых процессов управления персоналом органов государственной службы [14; 18–20] и был заимствован всеми тремя моделями, но в наибольшей мере используется концепцией нового государственного администрирования.

Необходимо отметить, что модель NPM широко использовалась в ходе реформирования бюрократии во многих странах, что позволило сделать работу правительств более эффективной и создать способы измерения достижений. Основными практическими результатами реализации данной концепции являются: сокращение штатов государственных служащих в ряде стран до «эффективного» уровня, приватизация или акционирование части государственных предприятий, дезагрегирование единиц государственного сектора, передача части функций централизованного управления нижестоящим органам, внедрение системы государственных контрактов, подписание соглашений о производительности, вывод ряда процессов на аутсорсинг и т. д. Теория и практика государственного управления получила новое развитие и воплотилась в виде следующего подхода – концепции нового государственного администрирования.

Концепция нового государственного администрирования

Появление концепции нового государственного администрирования в значительной степени было вызвано глобальными изменениями в обществе, развитием сетевого управления, ростом транснациональной экономической деятельности, породившим новые формы и институты наднационального управления [21]. Периодом активного распространения этой концепции считается время с конца 1990-х до начала 2000-х гг., когда вышли в свет работы Р. Денхардта и Дж. Денхардт [22–24].

Новое государственное администрирование основано на философии сильного социального партнерства и практической методологии, ориентированной на нормативную базу. Сутью NPG является децентрализация функций управления в пользу местных органов власти и передача части функций гражданскому обществу. Согласно этому подходу государство должно уменьшить свою роль в формировании государственной политики и сосредоточиться на организации сетевого взаимодействия между всеми субъектами общества, расширяя взаимное сотрудничество, широко применяя нормы доверия, социального обмена и социальной ответственности.

Концепция NPG фокусируется на отношениях между организациями и с внешней средой, таких как отношения между государственными органами разных иерархических уровней, а также между организациями государственного и частного секторов.

Концепция включает следующие основные положения и принципы организации деятельности.

1. Принцип децентрализации для местных административных организаций. Гражданское общество трактуется как сильный и равноправный социальный партнер для совместного производства государственных услуг. Это укрепляет демократический процесс на низовом уровне и приводит к устойчивому развитию общества. При этом общество в лице граждан может активно воздействовать на формирование и реализацию политики через негосударственные организации и сети гражданского общества.

2. Государству необходимо уменьшить роль в предоставлении общественно значимых услуг.

[1] Толковый словарь русского языка: В 4 т. М.: Сов. энцикл.; ОГИЗ. URL: http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp (дата обращения: 06.03.2023).

[2] Коляда С. Коммуникативная компетенция руководителя. *Бизнес-Ключъ*. URL: https://web.archive.org/web/20110110034845/http://www.bkworld.ru/archive/y2007/n10-2007/n-10-2007_241.html (дата обращения: 21.03.2023).

Эта модель обеспечивает участие граждан в политическом процессе более эффективно, чем модели TPA и NPM. Таким образом, это может создать условия для роста эффективности государственной политики [25].

3. Акцент делается на сетевое взаимодействие, поскольку сетевое участие не обусловлено конкретными стратегиями, политикой или программами и по своей сути не является конкурентным, не создает условий для конкуренции. Поэтому необходимо сконцентрировать внимание на создании сетевой модели взаимодействия с организациями государственного и частного секторов; способствовать сотрудничеству с другими сетями, созданными государственными учреждениями – сообществами, частными организациями, образовательными институтами, профессиональными и международными организациями и т. д.

4. Основными принципами взаимодействия провозглашаются доверие, поддержка, правила социального обмена, социальная ответственность [26]. Концепция NPG включает в себя социальную интеграцию, демократическое принятие решений, равенство возможностей, участие граждан и заинтересованных сторон, справедливое и честное отношение к гражданам, открытость и отзывчивость правительства, свободные и справедливые выборы, а также подотчетность и прозрачность [27].

В отличие от первых двух концепций, концепция NPG имеет внешнюю ориентацию. Это означает, что для улучшения своей деятельности правительство должно быть хорошо связано с внешним миром, внешними субъектами. Перенастройка фокуса в государственном управлении с внутренней среды на внешние ориентиры объясняется тем, что современный мир характеризуется возросшей множественностью интересов и ценностей, которые необходимо учитывать как при разработке политики, так и при ее реализации.

Необходимость вовлекать и задействовать другие субъекты в объединенную общественную деятельность также предполагает, что государственные служащие и правительство должны быстро и адекватно реагировать на внешние изменения, поскольку в противном случае действующие лица не будут сотрудничать, начнут протестовать и пытаться помешать осуществлению политики. Чтобы быть отзывчивыми, государственные служащие в первую очередь должны быть способны принимать точку зрения других и быть чуткими, т. е. понимать или сочувствовать потребностям других [23].

Важным практическим следствием применения принципов концепции NPG является то, что данный подход стимулирует деятельность по реализации и внедрению государственно-частного партнерства, а также развитие сетевого взаимодействия государственного и частного секторов.

Анализируя сущность и основные принципы организации трех базовых подходов к государственному управлению, необходимо отметить, что все эти концепции применяются в практике государственного управления в различных странах. Они используются в разном сочетании в зависимости от национальных традиций и роли государства в экономике и обществе, а также от конкретных целей и задач правительств, находящихся у власти. Существует достаточно большое количество исследований, посвященных анализу применения этих моделей управления в странах мира [28] и их зависимости от траектории развития, национальной культуры, а также подходов к построению политической системы и государственной службы, в частности ее иерархичности / эгалитарности, индивидуализма / коллективизма и т. д. Что касается сравнительной характеристики основных положений и сущности концепций NPM и NPG, то основное различие между NPM и NPG заключается в определениях администрирования и управления. Менеджмент занимается планированием и принятием мер, а администрирование связано с применением политик, определяющих, как должен действовать управленческий персонал.

Новые требования к квалификационным характеристикам государственных служащих

Традиционная модель государственного управления опирается на строгую иерархическую подчиненность, модель NPM основана на конкуренции с рыночными правилами, модель NPG опирается на участие в управлении стейкхолдеров, независимых с точки зрения ресурсов. Такая метаморфоза управленческой парадигмы не могла не вызвать ответную реакцию со стороны требований к квалификационным характеристикам государственных служащих, вовлеченных в процесс государственного управления. Под требованиями к квалификационным характеристикам мы понимаем требования к уровню квалификации, образования, а также к компетенциям государственного служащего. Возросшая сложность задач и, соответственно, принимаемых решений требуют от госслужащих новых компетенций, связанных прежде всего с цифровизацией общества в целом и активным распространением е-правительств в частности. В этой статье мы не ставим задачу анализа всех существующих квалификационных требований и характеристик госслужащих. Мы остановимся лишь на тех из них, которые связаны с ключевыми тенденциями развития общества и, соответственно, с изменяющейся концепцией государственного управления.

Можно выделить две ключевые тенденции в развитии общества, которые уже оказали и продолжают оказывать довольно значительное воздействие на квалификационные характеристики служащих:

1) эволюция концепций управления и сочетание их принципов и методов в реальной практике управления (эклектика концептуальных и практических подходов);

2) расширение цифровых технологий в государственном управлении и развитие е-правительства.

Эволюция концепций управления

Различные концепции управления предъявляют неодинаковые требования к квалификационным характеристикам государственных служащих. Рассмотрим концепции управления и их требования к служащим подробнее.

Традиционная концепция государственного управления основана на принципе ответственности государственных служащих за реализацию политики вышестоящих органов власти и управления. Политика разрабатывается на верхних уровнях управления, а технически квалифицированные специалисты строго подчиняются руководству и действуют в строгом соответствии с установленным регламентом. Процедуры и правила управления ориентированы на процесс разработки политики и порядок предоставления политики обществу. Способность и готовность государственных служащих следовать формальным правилам зависит от их квалификации и мотивации, способности лидеров давать указания, а также наличия ресурсов [4]. Мотивация базируется на материальных стимулах и является результатом социализации и привыкания к определенному типу деятельности в бюрократических учреждениях. Основными личностными чертами и профессиональными качествами, которыми должны обладать государственные служащие, являются дисциплинированность; точность; добросовестность; лояльность; следование требованиям законности; «чувствительность» к политике, администрации и бюрократии; наличие административных и юридических знаний [7].

Концепция нового государственного менеджмента основана на партнерстве, децентрализации, ориентации на клиента, заключении контрактов, управлении по результатам и вознаграждении по заслугам. По сути это реализация принципа *управление государством как бизнесом*. Для этого государственные служащие должны быть ориентированы на клиента, коммуникабельны, способны слушать и вести переговоры, обладать стратегическим мышлением, быть ответственными за свои действия, соблюдать требования прозрачности и подконтрольности при реализации решений.

Особенностью модели является то, что области действия государственных служащих распределяются на внутреннее и внешнее окружение. При выполнении внутренних функций государственные менеджеры должны понимать, как управлять рисками и изменениями в организациях. Поэтому они должны знать, какие социальные условия могут повлиять на способность их организаций функционировать оптимально. Понимая и учитывая эти риски, государственные служащие могут действовать соответствующим образом, принимая упреждающие меры для снижения рисков и подготовки сотрудников к адаптации в условиях нестабильности, которую эти неблагоприятные условия могут иметь для организации.

Внешняя область действий государственных служащих включает организацию сотрудничества с частными группами для поддержки государственной политики и ее реализации. В этом качестве государственные служащие работают с частными лицами и другими организациями, в том числе государственными, чтобы обеспечить бесперебойную работу государственных программ. Эта область деятельности требует решения таких задач, как координация человеческих ресурсов для оказания помощи в конкретных проектах или помощь в обеспечении необходимого финансирования для реализации государственных программ.

Применение принципа *управление государством как бизнесом* первоначально предполагало широкое использование компетенций из частного сектора для оценки эффективности государственной службы. По мнению сторонников NPM [5; 14; 29], государственные служащие должны сосредоточиться главным образом на достижении лучшего соотношения цены и качества, а не на строгости процедур [4; 23]. В результате в терминологии государственного управления появились термины *компетентность* и *компетенции*, которые связаны с ориентацией на лучшее соотношение цены и качества. Эта концепция опирается на использование лидерства, стратегического мышления, знаний государственных финансов и искусства межличностного общения.

Концепция нового государственного администрирования основана на изменении целей управления с внутренней среды на внешние ориентиры. Поэтому для улучшения своей деятельности правительство должно быть хорошо связано с внешними субъектами и внешним миром [30]. Такая внешняя ориентация требует коммуникабельности, социальных навыков, ориентированности на людей для поддержания отношений в долгосрочной перспективе [31]. Таким образом, усиливается значимость таких навыков, как способность к сотрудничеству, общению, совместному творчеству [7; 32].

При этом в рамках NPG речь идет не просто о следовании правилам, положениям и реализации политик, инициированных правительством. Для достижения эффекта требуются процессуальные навыки, такие как ведение переговоров и арбитражные навыки; умение взвешивать интересы и преодолевать личный интерес; управлять ожиданиями; добиваться понимания; способность слушать и быть чутким к нуждам других, заинтересованным, тактичным. Для оперативного реагирования на изменения государственные служащие должны обладать креативными способностями, т. е. навыками творческого подхода. Креативность понимается как способность справляться с двусмысленностью и неопределенностью, вести переговоры и выступать посредником между различными, иногда противоречащими интересами, уметь находить компромиссы в условиях существования формальных правил и ограничений [23].

Особенностью концепции NPG является повышение ответственности государственных служащих за успех деятельности. В свою очередь, эта ответственность предполагает наличие у служащих различных установочных, поведенческих и когнитивных навыков, в т. ч. умения предвидения, способности убеждать, воодушевлять и стимулировать других, а также организовывать приверженность, вовлекая тем самым других субъектов в процессы управления [26, с. 1–16].

Необходимо также отметить, что концепция NPG повлияла и на понимание феномена лидерства в государственном управлении. Теперь это уже не босс, способный лишь раздавать указания, а руководитель, умеющий организовать сотрудничество и мотивировать идеями, а не приказами [33].

Расширение цифровых технологий в государственном управлении и развитие е-правительства

Данная тенденция, оказывающая существенное влияние на изменение требований к квалификационным характеристикам государственных служащих, находит все более активное и широкое применение в государственном управлении и распространении е-правительств.

Оценивая влияние этого фактора, нужно отметить, что цифровизация как способ организации деятельности охватила все секторы и виды деятельности, включая систему государственного управления. Эта тенденция внесла свои корректировки к профессиональным и квалификационным требованиям государственных служащих.

В последние годы цифровые технологии стали играть все большую роль в государственном секторе [34]. Вслед за частным бизнесом правительства начали использовать больше источников данных для поддержки принятия решений [35]. В результате процесс принятия решений стал строиться не только на основе опыта и интуиции, но и на анализе данных. В зарубежной литературе данный метод получил название *принятие решений на основе данных* (data-driven decision making, DDDM) [36], а процесс, связанный с получением, обработкой, хранением больших массивов данных – датафикацией [19].

При этом часть исследователей считают процессы цифровизации и датафикации наиболее важными изменениями в окружающей среде, ведущими к существенным изменениям, связанным с выполнением чиновниками новых обязанностей, возникших в связи с цифровыми требованиями к работе [20].

Появление и применение метода DDDM в системе принятия государственных решений повлекло за собой существенный сдвиг как в самом процессе принятия решений, так и в требованиях к людям, принимающим эти решения. В результате умение применять средства обработки данных и осуществлять анализ большого объема информации, а также умение работать с большими объемами информации становятся все более важными навыками в системе государственного управления и включаются в перечень умений и навыков при приеме на государственную службу. Более того, при реализации концепции DDDM требуется развитие у государственных служащих навыков разработки и принятия решений, более быстрых и точных, чем на основании опыта и интуиции[3] [37–40].

Заключение

Опыт применения цифровых технологий показал, что компьютерные, информационно-коммуникационные и цифровые технологии существенно изменяют методы работы. При этом меняется место и роль человека в цифровой среде, а широкое применение цифровых технологий неизбежно меняет набор необходимых компетенций у всех служащих, а не только у работников отделов информационно-коммуникационных технологий и компьютерной поддержки. Современные исследователи в области DDDM подчеркивают важность развития у государственных служащих компетенций для эффективного использования новых цифровых технологий.

[3] Brown B., Chui M., Manyika J. Are you ready for the era of "big data"? *McKinsey Quarterly*. URL: https://www.mckinsey.com/capabilities/strategy-and-corporate-finance/our-insights/are-you-ready-for-the-era-of-big-data#/ (accessed 5 Mar 2023).

Таким образом, вслед за изменением концепции управления происходят изменения в области требований к квалификационным характеристикам государственных гражданских служащих. Основной тренд связан с заменой командных методов управления на методы, требующие от государственных гражданских служащих соучастия, вовлеченности в процесс, мотивации при выполнении своих функциональных обязанностей.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: А. А. Гершанок – формулировка проблемы и целей исследования, критический обзор литературы по рассматриваемой проблеме, сбор данных, исследование, редактирование чернового варианта исследования. Я. Г. Ломоносова – концептуализация, выбор методологии и обоснование научной парадигмы, формальный анализ, анализ результатов исследования, проверка данных, написание чернового варианта исследования.
Contribution: A. A. Gershanok determined the research problem and objectives, performed critical review of the literature, collected data, performed research, and edited the draft of the article. Ia. G. Lomonosova conceptualized the research idea, chose the methods and justified the scientific paradigm, performed formal analysis, analyzed the research results, verified the data, wrote a draft version of the study.

Литература / References

1. Needham C., Mangan C. *The 21st century public servant*. Birmingham: University of Birmingham, 2014, 28.
2. Weber M. *Economy and society: an outline of interpretive sociology*. Berkley: University of California, 1922, 1469.
3. Hood C. A Public Management for all seasons? *Public Administration*, 1991, 69(1): 3–19. https://doi.org/10.1111/j.1467-9299.1991.tb00779.x
4. Olsen J. P. Maybe it is time to rediscover bureaucracy? *Journal of Public Administration Research and Theory*, 2005, 16(1): 1–24. https://doi.org/10.1093/jopart/mui027
5. Hood C., Lodge M. Competency, bureaucracy, and public management reform: a comparative analysis. *Governance*, 2004, 17(3): 313–333. https://doi.org/10.1111/j.0952-1895.2004.00248.x
6. Merton R. K. Bureaucratic structure and personality. *Social Forces*, 1940, 18(4): 560–568. https://doi.org/10.2307/2570634
7. Rhodes R. A. W. Recovering the craft of public administration. *Public Administration Review*, 2015, 76(4): 638–647. http://dx.doi.org/10.1111/puar.12504
8. Pfiffner J. P. Traditional public administration versus the new public management: accountability versus efficiency. *Institutionenbildung in Regierung und Verwaltung: Festschrift fur Klaus Konig*, eds. Benz A., Siedentopf H., Sommermann K. P. Berlin: Duncker & Humbolt, 2004, 443–454.
9. King A. Overload: problems of governing in the 1970s. *Political Studies*, 1975, 23(2-3): 284–296. https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.1975.tb00068.x
10. Hughes O. E. *Public management and administration*. N. Y.: Palgrave Macmillan, 1998, 288. https://doi.org/10.1007/978-1-349-26896-2
11. Osborne D., Gaebler T. *Reinventing Government*. N. Y.: Penguin Press, 1992, 405.
12. Hood C. The "new public management" in the 1980s: variations on a theme. *Accounting, Organizations and Society*, 1995, 20(2-3): 93–109. https://doi.org/10.1016/0361-3682(93)E0001-W
13. Fortin Y., Van Hassel H. *Contracting in the New public management: from economics to law & citizenship*. Amsterdam: Ios, 2000, 285.
14. Hondeghem A., Vandermeulen F. Competency management in the Flemish and Dutch civil service. *International Journal of Public Sector Management*, 2000, 13(4): 342–353. http://dx.doi.org/10.1108/09513550010350355
15. Aberbach J. D., Christensen T. Citizens and consumers. *Public Management Review*, 2005, 7(2): 225–246. https://doi.org/10.1080/14719030500091319
16. Pardeep S., Vayunandan E. *Administrative theory*. New Delhi: PHI Learning, 2010, 544.
17. Лукашенко А. М. Профессиональные компетенции руководителя как фактор конкурентоспособности компании. *Современная конкуренция*. 2009. № 6. С. 96–105. [Lukashenko A. M. Chief's professional competencies as factor of company's competitiveness. *Journal of Modern Competition*, 2009, (6): 96–105. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/kzjert
18. Bonder A., Bouchard C.-D., Bellemare G. Competency-based management – an integrated approach to human resource management in the Canadian public sector. *Public Personnel Management*, 2011, 40(1): 1–10. http://dx.doi.org/10.1177/009102601104000101

19. Dingelstad J., Borst R. T., Meijer A. Hybrid data competencies for municipal civil servants: an empirical analysis of the required competencies for data-driven decision-making. *Public Personnel Management*, 2022, 51(4): 458–490. https://doi.org/10.1177/00910260221111744
20. Kruyen P. M., Van Genugten M. Opening up the black box of civil servants' competencies. *Public Management Review*, 2020, 22(1): 118–140. https://doi.org/10.1080/14719037.2019.1638442
21. Rhodes R. A. W. Waves of governance. *The Oxford handbook of governance*, ed. Levi-Faur D. Oxford: Oxford University, 2012, 33–49. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199560530.013.0003
22. Denhardt R., Denhardt J. The new public service: an approach to reform. *International Review of Public Administration*, 2003, 8(1): 3–10. http://dx.doi.org/10.1080/12294659.2003.10805013
23. Denhardt R., Denhardt J. The new public service: serving rather than steering. *Public Administration Review*, 2000, 60(6): 549–559. http://dx.doi.org/10.1111/0033-3352.00117
24. Denhardt R., Denhardt J. *The New Public Service: Serving, Not Steering*. N. Y.: M. E. Sharpe, 2007, 222.
25. Van Kersbergen K., Van Waarden F. "Governance" as a bridge between disciplines: cross-disciplinary inspiration regarding shifts in governance and problems of governability, accountability and legitimacy. *European Journal of Political Research*, 2004, 43(1): 143–171. https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2004.00149.x
26. Osborne S. P. *New public governance?: Emerging perspectives on the theory and practice of public governance*. L.: Routledge, 2010, 448.
27. Bovaird T. Public governance: balancing stakeholder power in a network society. *International Review of Administrative Sciences*, 2005, 71(2): 217–228. https://doi.org/10.1177/0020852305053881
28. De Vries M., Nemec J. Public sector reform: an overview of recent literature and research on NPM and alternative paths. *International Journal of Public Sector Management*, 2013, 26(1): 4–16. http://dx.doi.org/10.1108/09513551311293408
29. Horton S. *Competency management in the public sector: European variations on a theme*, eds. Farnham D., Hondeghem A. Amsterdam: Ios, 2002, 189.
30. *New public governance, the third sector and co-production*, eds. Pestoff V., Brandsen T., Verschuere B. N. Y.: Routledge, 2012, 424.
31. Williams P. The competent boundary spanner. Public Administration, 2002, 80(1): 103–124. https://doi.org/10.1111/1467-9299.00296
32. Kickert W. J. M. Public governance in the Netherlands: an alternative to Anglo-American "managerialism". *Public Administration*, 1997, 75(4): 731–752. https://doi.org/10.1111/1467-9299.00084
33. Гершанок Г. А., Ломоносова Я. Г. Лидерство и менеджмент в системе государственной гражданской службы. *Социальные и экономические системы*. 2022. № 6-7. С. 213–221. [Gershanok A. A., Lomonosova I. G. Leadership and management in the public service. *Social and economic systems*, 2022, (6-7): 213–221. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/lawkii
34. Lips M. *Digital government: managing public sector reform in the digital era*. L.: Routlege, 2019, 302. https://doi.org/10.4324/9781315622408
35. Choi Y., Lee H., Irani Z. Big data-driven fuzzy cognitive map for prioritising IT service procurement in the public sector. *Annals of Operations Research*, 2018, (270): 75–104. https://doi.org/10.1007/s10479-016-2281-6
36. Provost F., Fawcett T. Data science and its relationship to big data and data-driven decision-making. *Big Data*, 2013, 1(1): 51–59. https://doi.org/10.1089/big.2013.1508
37. Berner M., Graupner E., Maedche A. The information panopticon in the big data era. *Journal of Organization Design*, 2014, 3(1): 14–19. http://dx.doi.org/10.7146/jod.9736
38. Orlikowski W. J. Using technology and constituting structures: a practice lens for studying technology in organizations. *Organization Science*, 2000, 11(4): 404–428. https://doi.org/10.1287/orsc.11.4.404.14600
39. Desouza K. C., Jacob B. Big data in the public sector: lessons for practitioners and scholars. *Administration & Society*, 2017, 49(7): 1043–1064. https://doi.org/10.1177/0095399714555751
40. Kim G.-H., Trimi S., Chung J.-H. Big-data applications in the government sector. *Communications of the ACM*, 2014, 57(3): 78–85. https://doi.org/10.1145/2500873

© 2023. Polyakova E. I.

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITOLOGY, SOCIOLOGY AND ECONOMICS

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Новый подход к координации системы управления трудовым потенциалом предприятия

Полякова Эллона Ильинична
Донецкий национальный технический университет, Россия, Донецк
https://orcid.org/0000-0002-4893-4211
polakova_e_i@mail.ru

Поступила 11.05.2023. Принята после рецензирования 04.09.2023. Принята в печать 13.09.2023.

Аннотация: Управление трудовым потенциалом персонала промышленных предприятий в условиях неопределенности является актуальной научной проблемой. Цель исследования – совершенствование координации системы управления трудовым потенциалом предприятия. Преимуществом категории трудового потенциала является его многоуровневость, позволяющая исследовать трудовой потенциал как отдельного работника, так и персонала предприятия в целом. Координационное управление трудовым потенциалом рассматривается через совокупность упорядоченных базовых принципов, взаимодействующих количественных и качественных характеристик, проявляющих интеграционные качества, динамично изменяющиеся под влиянием внешних и внутренних факторов. Конкретизация принципов позволяет обеспечить координацию системы управления трудовым потенциалом предприятия. Выделены факторы, поддающиеся управлению менеджментом предприятия, конкретизированы измеряемые факторы, с помощью которых предприятие сможет координировать систему управления трудовым потенциалом. Оценено влияние каждой группы факторов и определено, за счет каких факторов возможно достичь оперативной, своевременной и целенаправленной коррекции системы управления. Использован общеметодологический принцип исследования систем управления промышленных предприятий, для диагностики внутренних проблем – управленческое обследование.

Ключевые слова: система управления, комплекс принципов, координация, трудовой потенциал, управление трудовым потенциалом, системный подход, факторы

Цитирование: Полякова Э. И. Новый подход к координации системы управления трудовым потенциалом предприятия. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 3. С. 334–346. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-3-334-346

full article

New Approach to the Coordination of Enterprise's Labor Potential Management System

Ellona I. Polyakova
Donetsk National Technical University, Russia, Donetsk
https://orcid.org/0000-0002-4893-4211
polakova_e_i@mail.ru

Received 11 May 2023. Accepted after peer review 4 Sep 2023. Accepted for publication 13 Sep 2023.

Abstract: The management of the industrial personnel labor potential in conditions of uncertainty is a relevant scientific problem. The purpose of the study is to improve the coordination of the enterprise's labor potential management system. The advantage of the labor potential category is its multilevel nature, which makes it possible to study the labor potential of an individual employee as well as personnel of the enterprise as a whole. The article considers labor potential coordination management through a set of basic principles, interacting quantitative and qualitative characteristics that exhibit dynamically changing integration qualities. The specification of the principles makes it possible to ensure the coordination of the enterprise's labor potential management system. The author identifies the factors that can be influenced by the enterprise management; specify the measurable factors, which can help the enterprise to coordinate the labor potential management system; evaluate the influence of each group of factors. The study uses the general methodological principle of the management systems of industrial enterprises study and a management survey for the diagnosis of internal problems.

Keywords: management system, set of principles, coordination, labor potential, labor potential management, system approach, factors

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

Citation: Polyakova E. I. New Approach to the Coordination of Enterprise's Labor Potential Management System. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(3): 334–346. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-3-334-346

Введение

Управление трудовым потенциалом персонала промышленных предприятий в условиях неопределенности является актуальной научной проблемой, предполагающей разработку нового подхода к координации системы управления. Координация системы управления трудовым потенциалом предприятия – это процесс своевременной целенаправленной коррекции всех направлений деятельности хозяйствующих субъектов за счет регулирования системы реализации базовых принципов в сложившихся экономических условиях.

Анализ научных трудов показал, что существуют различные приемы управления трудовым потенциалом. Вопросами формирования принципов управления трудовым потенциалом занимались многие специалисты. Так, авторы [1, с. 226–234] в качестве ключевых принципов называют системность, нормативность, ответственность, научность, компетентность, непрерывность. В публикациях по менеджменту персонала выделяются такие базовые принципы, как планомерность, системность, социальное партнерство, экономическая эффективность, демократизм, экономическая заинтересованность, социальная целесообразность [2]. А. Я. Кибанов и др. [3] выделяет следующие принципы: принцип централизации и децентрализации; принцип демократической центрированности, сочетания коллегиальности; принцип отбора, подбора и расстановки кадров; принцип единства распределения полномочий; принцип научности; принцип линейного, функционального и целевого управления; принцип контроля исполнения решений; принцип плановости.

В настоящее время толкование принципов управления трудовым потенциалом разноаспектно. Так, Е. Аринин и др. выделяют следующие специфические принципы управления персоналом: научность, функциональность, экономичность, адаптивность, комплексность, ответственность, справедливость, инновационность, двухвекторность, непрерывность [4]. Анализ принципов управления трудовым потенциалом персонала объясняет отсутствие определенного набора принципов, их комплексного применения, что усложняет управление системой [2; 5; 6].

На сегодняшний день нет четкого представления о комплексе принципов координационного управления трудовым потенциалом в условиях неопределенности. Основываясь на современных требованиях, принципы управления трудовым потенциалом персонала должны иметь специфический набор характерных особенностей элементов системы, более полно раскрывающих сущность координации динамичной структуры.

Координация системы управления должна быть ориентирована на единый критерий – эффективность за счет сохранения, поддержания и совершенствования работы предприятия[1]. Эта концепция базируется на соотношении совокупных доходов и расходов, а также достижении эффективности работы за счет оптимизации потенциала предприятия в сложившихся условиях неопределенности. Поэтому подобная оптимизация будет отражать процесс изменения параметров трудового потенциала и структуры системы управления на основе исходной информации, содержащей базовые принципы координационного управления.

Поскольку координация системы управления трудовым потенциалом предприятия должна осуществляться за счет регулирования системы реализации принципов оптимизации и адаптации, необходимо конкретизировать их специфику. В оптимальных системах показатель качества трудовых ресурсов предприятия обеспечивается при определенных параметрах конкретной категории персонала. В адаптивных системах этот показатель формируется различными параметрами, формирующими трудовой потенциал за счет действия дополнительных элементов системы управления. Поскольку теоретико-методической основой исследования послужили общенаучные и специальные методы научного познания явлений и процессов формирования нового подхода к координации системы управления трудовым потенциалом предприятия, в результате формируется новый подход к координации системы управления трудовым потенциалом предприятия [7; 8]. Выбор того или иного подхода определяется предварительной информацией о трудовом потенциале и конкретном рабочем процессе, а также четко выделенным критерием качества персонала предприятия[2].

[1] Трудовой кодекс РФ № 197-ФЗ от 30.12.2001 (ред. от 04.08.2023). *СПС КонсультантПлюс*.

[2] Суняева Р. Л. Азбука трудовых отношений: полезные советы. Ростов н/Д: Феникс, 2008. 273 с. URL: https://www.iprbookshop.ru/1524.html (дата обращения: 11.03.2023).

На сегодняшний день не сформирован единый подход к реализации основных принципов управления трудовым потенциалом промышленных предприятий на основе комплексной координации. Большинство специалистов уделяют внимание только материальным, информационным, экономическим и финансовым потокам, не учитывая необходимость удовлетворения моральных потребностей, сформированных у работников новыми возможностями наращивания социально-экономического потенциала.

При системно-структурном подходе координация системы управления трудовым потенциалом предприятия должна представлять следующие этапы единого сложного процесса: абилитация; реабилитация; адаптация и интеграция. В условиях неопределенности абилитация приобретает характер социальных мероприятий, которые могут быть направлены на помощь людям, пережившим изоляцию во время пандемии, или изменение режима работы из-за угрозы для жизни в период обострения политической ситуации в регионе. Меры призваны адаптировать людей к жизни в сложившихся условиях.

Период абилитации должен быть оптимальным для восстановления нормальных условий жизнедеятельности. Следовательно, период абилитации трудового потенциала предприятия – это период времени, необходимый для создания новых возможностей, реабилитации, адаптации и интеграции трудовых ресурсов и выхода трудового потенциала предприятия в режим готовности к новым интеграционным процессам в обществе и трансформационным процессам на предприятии, происходящих в условиях неопределенности окружающей среды.

Результаты

Для формирования нового подхода к координации системы управления трудовым потенциалом предприятия конкретизируем базовые принципы управления рабочими процессами, оказывающими различную степень воздействия: системность, экономичность, научность, адаптивность, инновационность, плановость, непрерывность, эффективность, гибкость [9–12]. При упорядочивании базовых принципов возможно сформировать комплексную систему взаимосвязанных базовых элементов, координирующих управление трудовым потенциалом предприятия.

Для упорядочения принципов на основе системно-структурного подхода необходимо выделить основные фундаментальные, концептуальные и специфические принципы; изучить влияние базовых концептуальных принципов управления трудовыми ресурсами в комплексе принципов координационного управления трудовым потенциалом персонала предприятия; конкретизировать факторы, дополняющие базовые принципы, сгруппированные по внешним, внутренним и индивидуальным уровням для упорядочения элементов в процесса координации системы управления.

Основой современного подхода к координации системы управления трудовым потенциалом предприятия послужит комплекс фундаментальных принципов, основанных на достижении цели деятельности предприятия за счет внедрения передовых научно-теоретических подходов в управлении. Исходя из фундаментальных принципов формулируются концептуальные (системные) принципы, характеризующие работу системы управления предприятием в целом, включая составляющие элементы [13]. Элементом, объединяющим фундаментальные и концептуальные принципы, является группа специфических принципов, отражающих особенности управления трудовым потенциалом [14; 15].

Формирование комплекса принципов должно базироваться на своевременной целенаправленной коррекции всех элементов системы управления трудовым потенциалом, что позволит получить планируемые результаты. В фундаментальном блоке главным принципом управления выделим принцип научности, подразумевающий познание и использование на практике действующих экономических законов, новых научных разработок, передовых технологий в области управления трудовым потенциалом, новых фундаментальных знаний в области адаптивных процессов. Принцип инновационности в сформированном комплексе характеризует внедрение инновационных, прогрессивных способов развития трудового потенциала.

Поскольку в сформированном комплексе предпочтение отдается совокупности взаимодействия потоковых процессов, приоритетным в блоке концептуальных принципов выступает принцип единства. В связи с увеличением расходов на подбор, адаптацию и обучение, растут и требования к самому персоналу. Трудовой потенциал участвует в формировании всех потоковых процессов и его игнорирование приводит к негативным последствиям, например увеличению стоимости затрат на персонал. Принцип системности предполагает учет всех факторов, влияющих на систему управления, требующий взаимного согласования задач и решений между всеми потоковыми процессами на основе теоретических фундаментальных исследований в этой сфере. Поскольку наличие связей между элементами системы отражает ее целостность, принцип целостности будет являться системообразующим, позволяющим установить свойства системы и обуславливающим возможное реагирование системной совокупности на управленческое воздействие.

В сформированной системе следует выделить внутренние системообразующие связи и отношения, что позволит отразить свойства целостной системы и определить ее специфику. Принципы эффективности и синергии зависят друг от друга, т. к. принцип синергии характеризует взаимодействие элементов трудового потенциала, при котором синергический эффект управления трудовым потенциалом предприятия заключается в управлении его составными элементами – квалификационным и личностным, увеличивая эффект управления отдельными составляющими.

Следующий блок в комплексе принципов содержит специфические характеристики и зависит от фундаментальных принципов, что влияет на концептуальные основы. Главным в контексте формирования специфики является принцип адаптивности, обуславливающий синхронность и координированность всех процессов. Также в блок включен принцип оптимальности, базирующийся на выборе наиболее оптимального варианта координации системы управления трудового потенциала. Принцип стимулирования предполагает мотивацию трудовой деятельности на основе использования материальных и моральных стимулов. Материальное стимулирование основано на личной экономической заинтересованности рабочих в результатах труда, в то время как моральное базируется на формировании целевой психологии у работника [10]. Материальные и моральные стимулы также включают справедливое отношение к персоналу.

Без учета специфических принципов решение стратегических задач предприятия невозможно. Следовательно, на предприятиях следует создать гибкую координацию системы управления трудовым потенциалом, позволяющую своевременно и целенаправленно корректировать и упорядочивать этот процесс. Ценность этого подхода состоит в том, что с его помощью на стадии интеграции экономики возможно совершенствовать систему управления трудовым потенциалом предприятия, деятельность которого претерпевает трансформационные процессы, базируясь на конкретизации системных связей с другими объектами системы (рис.).

В блоке концептуальных принципов приоритетным, вне сомнения, остается принцип единства. Принцип эффективности позволит конкретизировать направление роста устойчивости связей. Принцип неопределенности на предприятиях, осуществляющих свою хозяйственную деятельность в неопределенной окружающей среде, должен обеспечивать соответствие формируемых потенциальных возможностей этой среде. Поэтому принцип всесторонности указывает на то, что объект нужно изучать со всех сторон по группам факторов, скомпонованных по внешним, внутренним и индивидуальным уровням, что позволит предприятиям координировать систему управления и адаптироваться к изменениям окружающей среды.

Таким образом, в контексте формирования специфики условий неопределенности в блок, содержащий специфические принципы, включен принцип абилитации, предполагающий, что процессы должны проходить как подготовка к конкретной деятельности, создание новых возможностей, наращивание социально-экономического потенциала, т. е. возможности личности реализоваться на данном предприятии и в данном сообществе. Также в этот блок мы включаем принцип реабилитации, базирующийся на возвращении ранее утраченных возможностей по формированию стабильной системы управления трудовым потенциалом. Принцип адаптивности стимулирования предполагает реализацию накопленного социального потенциала на данном предприятии при интенсификации трудовой деятельности на основе использования материальных и моральных стимулов. Принцип интеграции предполагает стабилизацию процесса, в рамках которого данное предприятие обеспечивает условия для реализации максимального социального потенциала каждой структурообразующей единицы трудовых ресурсов этого предприятия.

Без учета предлагаемых специфических принципов координировать систему управления трудовым потенциалом предприятия, работающего в неопределенной окружающей среде, не представляется возможным. Можно утверждать, что координация становится процессом регулирования системы реализации принципов оптимизации, абилитации и адаптации деятельности хозяйствующих субъектов на основе упорядочивания системы управления трудовым потенциалом предприятия в конкретный период интеграционных экономических процессов.

Ценность предложенного подхода состоит в том, что с его помощью возможно совершенствование координации системы управления трудовым потенциалом предприятия за счет конкретизации системных связей с другими объектами системы путем включения в систему принципа всесторонности, характеризующего необходимость комплексного изучения факторов, сгруппированных по внешним, внутренним и индивидуальным уровням.

На формирование и использование трудового потенциала предприятия влияют многие факторы: демографические (рождаемость и смертность, средняя продолжительность жизни, численность и структура населения, социально-демографическая структура общества, уровень образования) [16]; социально-экономические (экономическая активность населения, уровень развития человеческого

Рис. Координация системы управления трудовым потенциалом персонала предприятия
Fig. Coordination of the company's personnel labor potential management system

потенциала, инвестиционный потенциал, инновационность деловой среды, качество системы образования и профессиональной подготовки кадров, обеспеченность социальной инфраструктурой, развитие социальных инициатив бизнеса) [17–19]; технико-технологические,организационные(научно-технический прогресс, внедрение новой техники и технологии, особенности техники и технологии, уровень механизации и автоматизации труда, уровень квалификации рабочих); информационно-коммуникативные, отраслевые, эколого-географические (климатические особенности, географические особенности, природные ресурсы, плодородие почв, степень освоения территории), а также политические и др.

При рассмотрении трудового потенциала персонала как совокупности физических, интеллектуальных и социальных способностей человека или группы людей все вышеприведенные факторы следует условно объединить в укрупненные группы.

1. Природно-климатические – факторы, влияющие на количественные и качественные показатели трудового потенциала за счет географического положения территорий, наличия природных и сырьевых ресурсов, благоприятных условия их залегания, относительно благоприятных климатических условий.

2. Социально-экономические – факторы, отражающие уровень социального и экономического развития региона, определяемого структурой народного хозяйства, межрегиональными связями, развитием социально-бытовой инфраструктуры [20].

3. Демографические – уровень рождаемости (смертности), уровень образования, социально-демографическая структура населения.

Структура производительных сил имеет динамично изменяющуюся структуру, формируемую в производственном процессе при использовании высокотехнологических средств производства. В этом случае происходит высвобождение структурообразующей единицы трудового потенциала. Закономерно возникает объективная необходимость глубокого анализа тенденций технической перестройки для разработки мероприятий подготовки и переподготовки работников, социальной защиты высвобождаемых работников, их защиты от риска безработицы [10; 21].

Развитие средств производства не только упрощает деятельность, но и приводит к постоянным изменениям в содержании и процессе самого труда, что требует расширения круга профессиональных знаний и повышения квалификационного уровня работников, что усиливает роль высшего

и специального образования. При формировании нового подхода к координации системы управления трудовым потенциалом предприятия в качестве внутренних факторов рассмотрим целесообразную деятельность (творческое преобразование природы), непосредственно работу (технология, совокупность операций, культура), предмет труда, средство труда, результат и субъект труда, субъект управления как фактор системы управления трудовым потенциалом.

Поскольку в процессе системного анализа исследуемой категории потенциала особое внимание занимает единство системы и ее факторов, при комплексном рассмотрении внутренних и внешних факторов управления системой [22; 23] мы будем группировать их на внешний, внутренний и индивидуальный уровень (табл. 1).

При комплексном рассмотрении факторы формируются в систему управления объектом исследования. На комплексное управление трудовым потенциалом персонала влияют факторы, группируемые по критериям, что позволяет объективно оценить результаты управления трудовым потенциалом персонала [24]. В условиях неопределенности первоочередное воздействие на систему управления оказывают внешние факторы (национального и регионального уровней), от которых зависит потенциал развития трудового потенциала предприятия. Воздействие этих факторов следует прогнозировать, а также усиливать координацию системы управления трудовым потенциалом превентивными мерами. Следующими по силе воздействия на систему управления выступают индивидуальные факторы. Поскольку внутренние факторы служат резервом для развития трудового потенциала, они воздействуют во взаимосвязи, интегрируясь в группу, состоящую из структурно-организационных, технико-технологических и социально-психологических элементов, формирующих систему управления предприятием. Из интегрированной группы внешних факторов прямое воздействие на управление трудовым потенциалом предприятия оказывают факторы из блока социально-экономических и демографических факторов.

Табл. 1. Факторы, учитываемые при координации системы управления трудовым потенциалом
Tab. 1. Factors incorporated into a new approach to the labor potential management system coordination

Критерии укрупненных групп, формирующих систему	Факторы
Внешний (факторы национального уровня)	
Политический	Политическая стабильность внутри государства; изменения в нормативно-правовой базе, регулирующей экономическую деятельность предприятия; направления формирования политики государства; тенденции к изменению в жизнедеятельности населения и хозяйственной деятельности предприятия; перспективы появления различных законодательных инициатив, регулирующих деятельность предприятия
Экономический	Размер валового национального продукта; темпы инфляции, размер ставки рефинансирования ЦБ; валютный курс, дефицит бюджета; индекс потребительских цен, величина средней заработной платы
Внешний (факторы регионального уровня)	
Природно-географический	Территориальные климатические особенности; географическое расположение; природные ресурсы; плодородие почв; степень освоения территории
Демографический	Рождаемость / смертность; средняя продолжительность жизни; численность, плотность, структура населения; социально-демографическая структура общества; уровень образования
Социально-экономический	Численность экономически активного населения; уровень развития человеческого потенциала; уровень инновационности; качество системы образования; уровень профессиональной подготовки кадров; кадровый потенциал в зависимости от специфики отрасли; кадровый потенциал в зависимости от престижности отрасли; трудовая мобильность; уровень прогрессивности технологии и техники, фондовооруженность труда в отрасли [25]; производственный потенциал отрасли; развитие практики управления персоналом; этап экономического развития общества; государственное регулирование трудового законодательства; степень обеспеченности социальной инфраструктурой

Критерии укрупненных групп, формирующих систему	Факторы
Внутренний (производственные факторы)	
Структурно-организационный	Формы собственности предприятия; организационная структура предприятия; финансово-хозяйственная деятельность; прогрессивность логистических процессов; режим работы предприятия; организация и нормирование труда; формы организации работы с персоналом; система организации трудовой дисциплины
Технико-технологический	Уровень механизации и автоматизации; сложность труда; технологическая оснащенность рабочего места; использование научно-технических достижений
Социально-психологический	Социальная политика предприятия; социальная инфраструктура предприятия; качество управления персоналом; удовлетворенность работников трудом; организация работы с персоналом; высокая корпоративная культура; моральный климат в коллективе; перспективы карьерного роста [26]; моральное и материальное стимулирование
Индивидуальные факторы	
Физиологический	Возраст; состояние здоровья; личные и моральные качества
Психологический	Интересы; потребности; коммуникативность; мотивы; ценностные ориентации; социальная активность [27]
Профессиональный	Повышение деловой квалификации кадров; уровень образования; квалификация; отношение к трудовым обязанностям; дисциплинированность, обучаемость; уровень творческого отношения к труду

Представленные подсистемой индивидуальные факторы (профессиональные, физиологические и психофизиологические) влияют на способность персонала адаптироваться к внешним и внутренним изменениям и оказывают воздействие на социально-экономическое развитие предприятия и социума в целом. Подбор и расстановка персонала на рабочих местах в соответствии с образованием, квалификацией, профессионализмом влияет на внутренние (производственные) факторы, определяя скорость и качество выполнения операций конкретного производственного процесса (производство продукции, добыча полезных ископаемых) [28; 29]. Эта группа факторов тесно связана как с внутренними (производственными), так и внешними факторами. Внутренние (производственные) факторы можно представить в виде отдельной группы факторов, влияющих на управление трудовым потенциалом персонала. Неэффективная организация работы с персоналом приводит к текучести высококвалифицированных кадров и увеличению производства некачественной продукции, следствием чего становится потеря конкурентных позиций на рынке.

Количество факторов, влияющих на управление трудовым потенциалом персонала, превышает численность факторов, не воздействующих на него. Поскольку в сформированной структуре переменных факторов, регулируемых экономическими законами или непосредственно работниками, присутствуют факторы, поддающиеся управлению менеджментом предприятия, значительную долю которых возможно измерить, конкретизируем измеряемые факторы, с помощью которых предприятие сможет координировать систему управления трудовым потенциалом (табл. 2). Оперируя наличием многоаспектных измеряемых факторов управления трудовым потенциалом предприятия, при проведении экономического анализа можно оценить влияние каждой группы факторов и определить, за счет каких факторов возможна оперативная, своевременная и целенаправленная коррекция системы управления.

Факторы взаимосвязаны между собой, поэтому управление влиянием одного фактора (группы факторов) может привести к изменению влияния другого фактора (группы факторов). Например, технологическая оснащенность рабочего места, с одной стороны, улучшит условия труда и повысит уровень удовлетворенности работников рабочим процессом. С другой стороны, это увеличит требования к уровню образования и квалификации персонала предприятия, инициируя изменения в качестве системы образования и уровне профессиональной подготовки кадров. Таким образом, влияние на управление трудовым потенциалом предприятия через группу внутренних факторов оказывает прямое воздействие на группу индивидуальных и внешних факторов. Поскольку большинство факторов, влияющих на управление трудовым потенциалом, измеримы, целесообразно сконцентрироваться на этой группе факторов.

Табл. 2. Группировка факторов, влияющих на координацию системы управления трудовым потенциалом персонала
Tab. 2. Grouping of factors affecting the personnel labor potential management system coordination

Факторы	Проявление фактора	Эталонное значение
Индивидуальные		
Измеряемые факторы		
Повышение деловой квалификации кадров, часов	Количество курсов повышения квалификации, которые необходимо пройти для аттестации работника	Количество курсов, закрепленное в профессиональном стандарте[3]
Отношение к трудовым обязанностям, объем продукта труда работника в единицу времени (человеко-часы)	Производительность труда (трудоемкость)	Норма, указанная в ст. 21. Трудового Кодекса РФ[4]
Материальное стимулирование, руб. на человека	Система внутрифирменных льгот, средняя зарплата по предприятию	Средняя зарплата по отрасли
Моральное стимулирование. Индекс счастья по данным ВЦИОМ, в пунктах (–100<п<100)	Продвижение работника по карьерной лестнице; оплата обучения на курсах повышения квалификации, организация стажировок; предоставление права на скользящий график работы в зависимости от загруженности предприятия; создание благоприятной атмосферы среди работников предприятия; устранение административных и статусных барьеров	Участие организации в городских (республиканских) мероприятиях, федеральных проектах
Возраст, лет	Старшие школьники (15–18 лет), молодежь (18–30), взрослые (30–60 лет), пожилые (60 лет и старше)	Классификация возрастов, утвержденная приказом Федеральной службы статистики
Состояние здоровья, руб.	Сумма выплат по больничным листам в среднем по предприятию	Сумма выплат по больничным листам в среднем по отрасли
Уровень творческого отношения к труду, патенты	Количество патентов и рационализаторских предложений по предприятию	Количество патентов и рационализаторских предложений в среднем по отрасли
Неизмеряемые факторы		
Личные и моральные качества	Личные качества: открытость, внимательность, дисциплинированность, дружелюбие, вежливость, отзывчивость, исполнительность, настойчивость, опрятность, чистоплотность, педантичность, активность, коммуникабельность, креативность, мобильность, обучаемость, амбициозность, инициативность, целеустремленность, самостоятельность, энергичность, организованность Моральные качества: честность, порядочность, добросовестность, ответственность, самокритичность, надежность, красноречивость, доброжелательность, трудолюбие, принципиальность, желание работать, клиентоориентированность, нацеленность на результат, активная жизненная позиция	Положительные качества сотрудников российских организаций[5]: благородность, признательность, радушие, добродушие, интернационализм, открытость, коллективизм, послушание, малотребовательность, трудолюбие, патриотичность, великодушие, многогранность, активизация сознания, гибкость, рискованность, бесконфликтность, самодостаточность

[3] Об образовании в РФ. ФЗ № 273-ФЗ от 29.12.2012 (ред. от 24.06.2023). Ст. 76. Дополнительное профессиональное образование. *СПС КонсультантПлюс.*

[4] Трудовой Кодекс РФ. ФЗ № 197-ФЗ от 30.12.2001 (ред. от 13.06.2023, с изм. от 27.06.2023). Ст. 21. Основные права и обязанности работника. *СПС КонсультантПлюс.*

[5] 17 идей для улучшения качеств сотрудников без сопротивления и материальных вложений. URL: https://www.kom-dir.ru/article/1447-kachestva-sotrudnikov (дата обращения: 11.03.2023).

Факторы	Проявление фактора	Эталонное значение
Мотивы	Обеспечение условий жизни, защищенность, стабильность. Более возвышенные – самореализация, признание заслуг, доминирование в окружении	Мотивы социальности, самоутверждения, самостоятельности, надежности, приобретения нового (знаний, вещей), справедливости, состязательности
Ценностные ориентации	Компетенция, опыт, образование, личные качества	Материальные, духовные (мораль, религия, наука, искусство, философия), социальные (события политической жизни, социальные явления), индивидуальные (здоровье, общение, карьера, семья), групповые (ценности компании, подразделения, коллег)
Социальная активность	Учет вклада работника в разработку и внедрение новой техники, оценка научно-технического уровня выполненных работ, творческой и социальной активности работника	Моральные, культурные и идеологические ценности, принятые в социуме (обществе)
Внутренние (производственные)		
Измеряемые факторы		
Социальная политика предприятия, руб.	Количество социальных мероприятий, проводимых на предприятии	Количество социальных мероприятий, проводимых в отрасли
Качество управления персоналом, человек	Явочный состав работников предприятия	Списочный состав работников предприятия
Неизмеряемые факторы		
Организация и нормирование труда, система организации трудовой дисциплины	Использование прогрессивных норм труда на предприятии	Использование прогрессивных норм труда в отрасли
Моральное и материальное стимулирование	Социальная инфраструктура предприятия	Социальная инфраструктура по отрасли
Трудовая дисциплина	Число нарушений трудовой дисциплины за рассматриваемый период по предприятию	Число нарушений трудовой дисциплины за рассматриваемый период в среднем по отрасли
Уровень механизации и автоматизации	Численность работников, которые большую часть рабочей смены трудятся с использованием средств механизации и доля работников, применяющих ручной труд в среднесписочной численности работников	Уровень механизации труда в отрасли
Сложность труда	Использование высоких технологий на предприятии	Использование высоких технологий в отрасли
Технологическая оснащенность рабочего места	Количество прогрессивных технологий, внедренных и применяемых на предприятиях за исследуемый период	Количество прогрессивных технологий, внедренных и применяемых в отрасли за исследуемый период
Уровень использования научно-технических достижений	Количество научно-технических достижений, внедренных на предприятии	Количество научно-технических достижений, внедренных в производство по отрасли
Удовлетворенность работников трудом	Уровень притязаний, характер мотивов работника	Реальный успех профессиональной деятельности, подтвержденный во время аттестации

Факторы	Проявление фактора	Эталонное значение
Численность экономически активного населения	Система поощрения работников предприятия	Система поощрения работников в целом по отрасли
Уровень инновационности	Наличие фондов развития инициативных разработок предприятия	Наличие фондов развития инициативных разработок по отрасли
Кадровый потенциал в зависимости от специфики отрасли	Численность выпускников инженерно-технического направления подготовки образовательных учреждений высшего образования	Численность выпускников востребованных и остродефицитных направлений подготовки на рынке труда
Трудовая мобильность	Численность рабочих, прибывших на предприятие из других регионов	Численность рабочих, прибывших из региона местоположения предприятия
Уровень прогрессивности технологии и техники	Количество прогрессивных научных разработок предприятия	Количество прогрессивных научных разработок в общем по отрасли
Внешние (национальный уровень)		
Природные ресурсы, плодородие почв	География природных ресурсов, в первую очередь полезных ископаемых	Степень освоения полезных ископаемых
Рождаемость / смертность, средняя продолжительность жизни, численность, плотность населения, социально-демографическая структура общества	Влияние на развитие трудового потенциала предприятия	Общий показатель развития трудового потенциала отрасли
Тенденции к изменению в жизнедеятельности населения и хозяйственной деятельности предприятия	Вклад предприятия в развитие отрасли	Общий показатель развития отрасли

Заключение

Существуют различные подходы к исследованию системы управления трудовым потенциалом предприятия. При этом новый подход к ее координации требует учета базовых принципов, формирующих внутренний каркас системы, и разнообразных многоаспектных факторов, их дополняющих.

Координация системы управления с использованием предлагаемого комплекса принципов позволит: 1) для конкретного хозяйствующего субъекта выбрать принципы, системные подходы, концепцию и стратегию формирования трудового потенциала предприятия на базе нового подхода к координации системы управления; 2) оценить результат упорядочивания элементов системы управления трудовым потенциалом предприятия; 3) своевременно и целенаправленно скорректировать все направления деятельности предприятия с учетом базовых принципов.

Для того, чтобы управление трудовым потенциалом персонала предприятия на основе применения принципов координации системы управления было эффективным, необходимо своевременно и целенаправленно вносить изменения, которые будут способствовать поддержанию активного состояния трудового потенциала индивидуума и персонала предприятия в целом.

Комплексно рассматриваемые базовые принципы, дополненные и конкретизированные факторами, обеспечивают координацию системы управления, что позволяет решить проблемы управления трудовым потенциалом персонала предприятий.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Инновационные маркетингово-логистические стратагемы формирования социально-экономических систем, ред. Т. В. Ибрагимхалилова. Донецк: ДонНУ, 2022. 320 с. [*Innovative marketing and logistics stratagems of the formation of socio-economic systems*, ed. Ibragimkhalilova T. V. Donetsk: DonNU, 2022, 320. (In Russ.)] https://elibrary.ru/oahluj
2. Полякова Э. И., Голик А. С. Новые подходы к управлению трудовым потенциалом предприятия в период интенсификации интеграционных процессов. *Экономика и маркетинг в XXI веке: проблемы, опыт, перспективы*: XVII Междунар. науч.-практ. конф. (Донецк, 25–26 ноября 2021 г.) Донецк: ДонНТУ 2021. С. 188–193. [Polyakova E. I., Golik A. S. New approaches to managing the labor potential of the enterprise during the period of intensification of integration processes. *Economics and marketing in the XXI century: problems, experience, prospects*: Proc. XVII Intern. Sci.-Prac. Conf., Donetsk, 25–26 Nov 2021. Donetsk, 2021, 188–193. (In Russ.)] https://elibrary.ru/xlzthp
3. Кибанов А. Я., Дуракова И. Б., Шаталова Н. И., Митрофанова Е. А., Сотникова С. И., Гагаринская Г. П., Слезко В. В. Управление персоналом в России: история и современность. М.: Инфра-М, 2020. 240 с. [Kibanov A. Ia., Durakova I. B., Shatalova N. I., Mitrofanova E. A., Sotnikova S. I., Gagarinskaia G. P., Slezko V. V. *Personnel management in Russia: history and modernity*. Moscow: Infra-M, 2020, 240. (In Russ.)] https://elibrary.ru/hbzytu
4. Arinin E., Markova N., Kildiachova T., Silantieva M. Religion, science and "religious education" in Russia: the peculiarities of differentiations. *European Journal of Science and Theology*, 14(5): 159–169. https://elibrary.ru/sxmdgb
5. Полякова Э. И. Теоретические аспекты управления трудовым потенциалом производственного предприятия. *Обеспечение экономической безопасности и эффективности деятельности субъектов хозяйствования*, общ. ред. В. В. Краснова. Донецк: ДонГУ, 2021. С. 327–343. [Polyakova E. I. Theoretical aspects of managing the labor potential of a manufacturing enterprise. *Ensuring economic security and efficiency of business entities*, ed. Krasnova V. V. Donetsk: DonSU, 2021, 327–343. (In Russ.)] https://elibrary.ru/dczawo
6. Полякова Э. И. Концептуальный подход к развитию трудового потенциала промышленных предприятий в условиях искусственного кризиса. *Интеграция науки, производства и образования в современном мире*: Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 16–17 января 2023 г.) СПб.: Национальный информационный канал, 2023. С. 64–67. [Polyakova E. I. A conceptual approach to developing the labor potential of industrial enterprises in the conditions artificial crisis. *Integration of science, production and education in the modern world*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., St. Petersburg, 16–17 Jan 2023. St. Petersburg: Natsionalnyi informatsionnyi kanal, 2023, 64–67. (In Russ.)]
7. Киселева Л. С., Зарубин В. Г., Семенов В. А. Трудовой потенциал населения современной России. М.: Ай Пи Ар Медиа, 2020. 99 с. [Kiseleva L. S., Zarubin V. G., Semenov V. A. *Labor potential of the population of modern Russia*. Moscow: Ai Pi Ar Media, 2020, 99. (In Russ.)] https://elibrary.ru/ztqaoz
8. Широковских С. А. Стратегическое планирование как социально-экономический механизм управления потенциалом профессиональной продуктивности сотрудников организаций. *Экономика и социум: современные модели развития*. 2020. Т. 10. № 2. С. 199–208. [Shirokovskikh S. A. Strategic planning as a socio-economic mechanism for managing the potential of employees' professional productivity. *Ekonomika i sotsium: sovremennye modeli razvitiya*, 2020, 10(2): 199–208. (In Russ.)] https://doi.org/10.18334/ecsoc.10.2.110934
9. Иванова-Швец Л. Н. Управление трудовыми ресурсами. М.: Евразийский открытый институт, 2009. 160 с. [Ivanova-Shvets L. N. *Human resource management*. Moscow: Yevraziyskiy otkrytyy institut, 2009, 160. (In Russ.)] https://elibrary.ru/rbaobv
10. Захарова Т. И., Гаврилова С. В. Мотивация трудовой деятельности. М.: Евразийский открытый институт, 2010. 264 с. [Zakharova T. I., Gavrilova S. V. *Motivation of work activity*. Moscow: Yevraziyskiy otkrytyy institut, 2010, 264. (In Russ.)] https://elibrary.ru/rbahpj
11. Басенко В. П., Жуков Б. М., Романов А. А. Организационное поведение: современные аспекты трудовых отношений. М.: Академия Естествознания, 2009. 337 с. [Basenko V. P., Zhukov B. M., Romanov A. A. *Organizational behavior: modern aspects of labor relations*. Moscow: Akademiia Estestvoznaniia, 2009, 337. (In Russ.)] https://elibrary.ru/qojqnb
12. Корнейчук О. В., Крылова Е. Б. Трансформация занятости в условиях трудовой миграции. М.: МосГУ, 2010. 188 с. [Korneichuk O. V., Krylova E. B. *Transformation of employment in the context of labor migration*. Moscow: MosGU, 2010, 188. (In Russ.)] https://elibrary.ru/razlhj

13. Царегородцев Ю. Н., Ефремова Ю. Е., Башина О. Э. Развитие человеческого потенциала организаций. М.: МосГУ, 2012. 212 с. [Tsaregorodtsev Yu. N., Efremova Yu. E., Bashina O. E. *Development of human potential of organizations*. Moscow: MosGU, 2012, 212. (In Russ.)] https://elibrary.ru/razlcj
14. Асаул Н. А., Войнаренко М. П., Князев С. Я., Рзаева Т. Г. Производственно-экономический потенциал и деловая активность субъектов предпринимательской деятельности. СПб: Институт проблем экономического возрождения, 2011. 198 с. [Asaul N. A., Voinarenko M. P., Kniazev S. Ya., Rzaeva T. G. *Production and economic potential and business activity of business entities*. St. Petersburg: Institut problem ekonomicheskogo vozrozhdeniia, 2011, 198. (In Russ.)]
15. Тойменцева И. А., Чичкина В. Д., Денисова О. Н. Логистический подход к формированию трудового потенциала инновационного типа в экономике региона. *Вопросы инновационной экономики*. 2020. Т. 10. № 2. С. 915–926. [Toymentseva I. A., Chichkina V. D., Denisova O. N. Logistics approach to the formation of labour potential of innovative type in the regional economy. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki*, 2020, 10(2): 915–926. (In Russ.)] https://doi.org/10.18334/vinec.10.2.100808
16. Башина О. Э., Карманов М. В., Царегородцев Ю. Н., Шевцов П. А. Демографическая безопасность и интеллектуальный потенциал общества. М.: МосГУ, 2013. 126 с. [Bashina O. E., Karmanov M. V., Tsaregorodtsev Yu. N., Shevtsov P. A. *Demographic security and intellectual potential of society*. Moscow: MosGU, 2013, 126. (In Russ.)] https://elibrary.ru/rwtaqp
17. Родионова В. Н., Каблашова И. В., Логунова И. В., Кривякин К. С. Методический поход к исследованию направлений повышения эффективности организации производства на предприятиях. *Организатор производства*. 2022. Т. 30. № 1. С. 36–51. [Rodionova V. N., Kablashova I. V., Logunova I. V., Krivyakin K. S. Methodical approach to the study of ways to improve the efficiency of the organization of production at enterprises. *Organizer of production*, 2022, 30(1): 36–51. (In Russ.)] https://doi.org/10.36622/VSTU.2022.52.30.004
18. Дианова В. А., Жуков Б. М. Структурно-пространственный механизм формирования ресурсного потенциала региона. Краснодар: ЮИМ, 2013. 178 с. [Dianova V. A., Zhukov B. M. *The structural and spatial mechanism of the formation of the resource potential of the region*. Krasnodar: SIM, 2013, 178. (In Russ.)] https://elibrary.ru/rpnwhz
19. Борисова А. А. Механизм формирования трудовых отношений на предприятии. Новосибирск: НГТУ, 2010. 206 с. [Borisova A. A. *The mechanism of formation of labor relations at the enterprise*. Novosibirsk: NSTU, 2010, 206. (In Russ.)] https://elibrary.ru/suoued
20. Афонин А. М., Башина О. Э., Ефремова Ю. Е., Карманов М. В., Павлов Р. Д., Петрова А. М., Петрова С. А., Родикова О. Ю., Царегородцев Ю. Н., Шарапова Л. В., Шевцов П. А., Яковлева И. Л. Развитие человеческого потенциала и человеческого капитала: теоретические и практические аспекты. М.: МосГУ, 2014. 180 с. [Afonin A. M., Bashina O. E., Efremova Yu. E., Karmanov M. V., Pavlov R. D., Petrova A. M., Petrova S. A., Rodikova O. Iu., Tsaregorodtsev Yu. N., Sharapova L. V., Shevtsov P. A., Iakovleva I. L. *Development of human potential and human capital: theoretical and practical aspects*. Moscow: MosGU, 2014, 180. (In Russ.)] https://elibrary.ru/vrswdx
21. Петрова А. М., Царегородцев Ю. Н., Борисенко В. П. Основы безопасности труда. Современные проблемы управления безопасностью труда. Развитие человеческого потенциала организаций. Управление изменениями. Выпуск 7. М.: МосГУ, 2014. 140 с. [Petrova A. M., Tsaregorodtsev Yu. N., Borisenko V. P. *Fundamentals of occupational safety. Modern problems of occupational safety management. Development of human potential of organizations. Change management. Issue 7*. Moscow: MosGU, 2014, 140. (In Russ.)] https://elibrary.ru/vrsvwp
22. Коротков Э. М., Гагаринская Г. П. Управление процессами организации трудовой деятельности на предприятии. М.: Акад. Проект, 2006. 240 с. [Korotkov E. M., Gagarinskaya G. P. *Management of the labor activity organization processes of the enterprise*. Moscow: Akad. Proekt, 2006, 240. (In Russ.)] https://elibrary.ru/sujrpz
23. Петров А. Я. Рабочее время и время отдыха: актуальные вопросы трудового права. М.: ЭкООнис, 2013. 392 с. [Petrov A. Ia. *Working time and rest time: current issues of labor law*. Moscow: EkOOnis, 2013, 392. (In Russ.)]
24. Максимчук О. В. Управление стратегическим экономическим потенциалом предприятий. Волгоград: ИАиС ВолгГТУ, 2006. 175 с. [Maksimchuk O. V. *Management of strategic economic potential of enterprises*. Volgograd: VSUACE, 2006, 175. (In Russ.)]
25. Потемкин В. К. Человекоориентированное управление предприятиями и организациями. *Экономика и управление*. 2020. Т. 26. № 2. С. 165–176. [Potemkin V. K. People-oriented management of enterprises and organizations. *Economics and Management*, 2020, 26(2): 165–176. (In Russ.)] https://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-2-165-176

26. Майер Н. С. Характеристика уровней управления формированием и развитием профессиональной карьеры в условиях инновационной экономики. *Журнал правовых и экономических исследований*. 2021. № 3. С. 208–211. [Mayer N. S. Characteristic of levels of managing professional career development under innovation economy. *Journal of Legal and Economic Studies*, 2021, (3): 208–211. (In Russ.)] https://doi.org/10.26163/GIEF.2021.79.68.032
27. Николаев Н. А. Методический подход к повышению конкурентоспособности персонала на основе персонифицированного управления. *Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление*. 2020. № 3. С. 111–136. [Nikolaev N. A. Methodical approach to improving the personnel competitiveness based on the personalized management. *The Bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management*, 2020, (3): 111–136. (In Russ.)] https://doi.org/10.24866/2311-2271/2020-3/111-136
28. Щербаков В. Н., Дубровский А. В., Щенникова В. Н. Управление эффективностью использования ресурсного потенциала промышленного предприятия. *Экономика устойчивого развития*. 2022. № 2. С. 157–163. [Scherbakov V. N., Dubrovskiy A. V., Shchennikova V. N. Management of the efficiency of use of the resource potential of the industrial enterprise. *Economics of sustainable development*, 2022, (2): 157–163. (In Russ.)] https://doi.org/10.37124/20799136_2022_2_50_157
29. Хасанова Г. Б., Исхакова Р. Р. Психология управления трудовым коллективом. Казань: КНИТУ, 2012. 260 с. [Khasanova G. B., Iskhakova R. R. *Psychology of labor collective management*. Kazan, KNRTU, 2012, 260. (In Russ.)] https://elibrary.ru/zganvt

© 2023. Черней Д. О.

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Пенсионное страхование как институт социальной защиты населения: состояние, проблемы и перспективы

Черней Даниил Олегович
Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
danil-ch@mail.ru

Поступила 10.04.2023. Принята после рецензирования 10.08.2023. Принята в печать 13.09.2023.

Аннотация: В статье рассматривается роль пенсионного страхования в системе социальной защиты населения России. Цель – на основе анализа основных положений правового регулирования обязательного и добровольного пенсионного страхования граждан Российской Федерации выяснить, в какой мере добровольная и обязательная формы пенсионного страхования справляются со своими социально-экономическими задачами. Предмет исследования – основные правовые положения обязательного и добровольного пенсионного страхования граждан Российской Федерации. Исследование основано на научных трудах отечественных авторов, посвященных проблемам развития и функционирования пенсионного страхования в России. Рассмотрены основные аспекты функционирования обязательного и добровольного пенсионного страхования, выявлены проблемные места, такие как снижение эффективности обязательного пенсионного страхования и непопулярность у населения добровольного пенсионного страхования. Проведен анализ динамики изменения коэффициента замещения заработка пенсией. Рассмотрены факторы, негативно влияющие на заинтересованность граждан в добровольном пенсионном страховании. Сделан вывод, что наиболее оптимальный вариант дальнейшего развития пенсионного страхования состоит в совместном применении добровольной и обязательной форм пенсионного страхования.

Ключевые слова: социальная защита, социальное страхование, обязательное пенсионное страхование, добровольное пенсионное страхование, коэффициент замещения, пенсия, накопительное страхование жизни

Цитирование: Черней Д. О. Пенсионное страхование как институт социальной защиты населения: состояние, проблемы и перспективы. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 3. С. 347–356. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-3-347-356

full article

Pension Insurance as a Social Security Institution: State, Problems and Prospects

Daniil O. Cherney
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
danil-ch@mail.ru

Received 10 Apr 2023. Accepted after peer review 10 Aug 2023. Accepted for publication 13 Sep 2023.

Abstract: The article examines the function of pension insurance in the social security system of Russian Federation. The purpose of the article is to determine whether the insurance system is capable of performing its social and economic objectives. The research is based on the analysis of the Russian Federation legislation and scientific works of Russian authors on the development and performance problems of the pension insurance system in Russia. The article studies the main legal provisions of compulsory and voluntary pension insurance in the Russian Federation, examines the main aspects of the compulsory and voluntary pension insurance performance, identifies problem areas, analyzes the dynamics of the earnings replacement rate, considers the factors that negatively impact the interest of citizens in voluntary pension insurance. The author comes to the conclusion that the best option for the development of pension insurance is the joint use of voluntary and compulsory forms of pension insurance.

Keywords: social security, social insurance, compulsory pension insurance, voluntary pension insurance, replacement rate, pension, cash-value life insurance

Citation: Cherney D. O. Pension Insurance as a Social Security Institution: State, Problems and Prospects. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(3): 347–356. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-3-347-356

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

Введение

Социальная защита – это государственная система помощи и поддержки населения, позволяющая обеспечивать гражданам такие условия существования, которые соответствуют общепризнанным социальным нормам; инструмент социальной политики, направленный на преодоление последствий наступления социальных рисков (потери работы, болезни, инвалидности, старости и т. д.).

Анализ Конституции Российской Федерации позволяет заключить, что социальная защита выражена в комплексе конституционных прав и свобод граждан в области труда; семейной жизни; материнства, отцовства и детства; здоровья; окружающей среды; социального обеспечения, страхования и поддержки. В России важнейшим субъектом социальной защиты является государство, т. к. основная часть социальных услуг финансируется за счет бюджета или внебюджетных социальных фондов и предоставляется бесплатно.

Пенсионное страхование является одним из видов социального страхования пожилых граждан, прекративших трудовую деятельность. Функция государственной системы пенсионного страхования заключается в защите пожилых членов общества от последствий утраты заработка или иного дохода ввиду потери способности полноценно трудиться, в т. ч. при достижении возраста выхода на пенсию. Для функционирования пенсионного страхования создаются страховые пенсионные фонды, за счет которых и осуществляется страховое обеспечение путем выплаты пособий, пенсий и пр.

Актуальность развития пенсионного страхования в России обусловлена выполняемой им ролью в социальной сфере. Государственное (обязательное) пенсионное страхование является основным институтом социальной защиты пожилых граждан. Система государственного пенсионного страхования осуществляет выплаты пенсий почти 42 млн россиян[1]. При этом обязательное пенсионное страхование непосредственно затрагивает интересы всего российского общества, т. к. принцип солидарности поколений подразумевает, что участниками этой системы являются не только нынешние получатели пенсий, но и молодые люди. Вместе с тем невысокая величина пенсий, выплачиваемых в рамках обязательного пенсионного страхования (ОПС), может привести к тому, что в вопросе поддержания жизни граждан пенсионного возраста важное место займет добровольное (негосударственное) пенсионное страхование (ДПС).

Методы и материалы

Теоретическую основу исследования составили работы отечественных авторов, посвященные анализу принципов функционирования добровольного и обязательного пенсионного страхования в России.

При рассмотрении сущности и принципов ОПС автор опирался на научные труды [1–10]. Вопросы, касающиеся эффективности функционирования ОПС, изучены в работах [11–18]. Информационной базой для анализа ДПС послужили исследования [19–25].

В рамках исследования использованы аналитический и статистический методы; диалектические методы познания, такие как сравнение, логико-смысловой анализ, синтез теории и практики. В ходе работы над исследованием был проведен анализ содержания нормативно-правовых документов и законодательных актов, регламентирующих деятельность обязательного и добровольного пенсионного страхования в России. При рассмотрении основных статистических показателей были использованы данные Социального фонда России, Федеральной службы государственной статистики и Центрального банка Российской Федерации.

Результаты

В ходе реформ, проводившихся в социальной сфере за последние 30 лет, пенсионное законодательство Российской Федерации неоднократно претерпевало значительные изменения. Согласно официальным заявлениям, основным мотивом преобразований являлось совершенствование механизмов формирования и реализации пенсионных прав граждан. На текущий момент в России существует два вида пенсионного страхования – обязательное и добровольное.

Государственная модель пенсионного страхования реализуется через систему обязательного пенсионного страхования. А. В. Филиппова определяет ОПС как систему создаваемых государством правовых, экономических и организационных мер, направленных на компенсацию гражданам заработка (выплат, вознаграждений в пользу застрахованного лица), получаемого ими до установления обязательного страхового обеспечения [1, с. 72]. Эта форма страхования распространяется на граждан (застрахованные лица), которые работают по договорам (трудовым, гражданско-правовым и пр.) или самостоятельно обеспечивают себя работой (например, индивидуальные предприниматели и т. д.). К застрахованным лицам также относятся иностранные граждане, работающие за пределами России и уплачивающие страховые взносы в систему ОПС.

[1] Сведения о численности пенсионеров, состоящих на учете в системе ПФР, и среднем размере назначенного им пенсионного обеспечения в номинальном выражении. *Социальный Фонд России*. URL: https://sfr.gov.ru/files/id/statistics/2023/75-01_YAnvar_2023.xlsx (дата обращения: 02.03.2023).

История системы государственного пенсионного страхования началась в 1990 г., когда была создана автономная внебюджетная система финансирования социальных и пенсионных выплат. Новая кредитно-финансовая организация получила название *Пенсионный фонд Российской Федерации*. Сформированный на основе советской пенсионной системы фонд сохранил распределительный характер финансирования пенсий. Главным критерием дифференциации условий и норм пенсионного обеспечения признавался *труд и его результаты*. Были установлены 2 вида выплат: социальные и страховые [2, с. 1289].

В 2001–2016 гг. ряд демографических и социально-экономических причин подтолкнул российское государство к дальнейшей реформе ОПС и созданию системы, включающей в себя накопительный механизм. В состав пенсии было включено 3 вида выплат: страховая, базовая и накопительная. Но уже в 2015 г. базовую выплату исключили из состава пенсии [2, с. 1290]. Фактически состоялся переход к многоуровневой системе ОПС, основанной на распределительно-накопительных пенсионных принципах. Управление накопительной частью пенсии стало осуществляться через двухуровневую систему: в качестве управляющей компании может выступать либо государственный Пенсионный фонд РФ (Внешэкономбанк), либо один из негосударственных инвестиционных фондов. В дальнейшем функции Пенсионного фонда РФ значительно расширились. Фонд начал выплачивать материнский капитал и другие пособия на детей, а также социальные выплаты. Сближение деятельности внебюджетных фондов актуализировало задачу создания в стране единого Фонда пенсионного и социального страхования.

На сегодняшний день пенсионные выплаты гражданам осуществляет Фонд пенсионного и социального страхования РФ (Социальный фонд России, СФР). Фонд действует при Правительстве РФ в организационно-правовой форме внебюджетного фонда. Создание СФР произошло 1 января 2023 г. путем реорганизации Пенсионного фонда РФ и присоединения к нему Фонда социального страхования РФ [3, с. 184]. Фонд выступает государственным страховщиком по обязательному пенсионному страхованию. Работодатели (индивидуальные предприниматели, организации, предприятия) ежемесячно исчисляют в государственные внебюджетные фонды страховые взносы за своих работников.

Правительство РФ ежегодно устанавливает единую предельную базу для исчисления страховых взносов. По состоянию на 2023 г. предельная база в отношении каждого физического лица составляет 1917 тыс. руб. Для всех плательщиков применяется единый тариф страховых взносов, который не делится по видам страхования. Тариф составляет 30 % в пределах единой базы и 15,1 % сверх базы [4, с. 18]. При превышении данного порога ставка страховых взносов на обязательное пенсионное страхование снижается до 10 %. Единый тариф страховых взносов для основной категории плательщиков представлен в таблице[2].

Экономика труда рассматривает страховые выплаты по ОПС как часть затрат на рабочую силу, предназначенную для оплаты труда в случаях наступления для наемных работников социальных рисков временной или постоянной нетрудоспособности [11, с. 110]. Можно сказать, что страховые взносы – это нагрузка на фонд оплаты труда, которая ложится на работодателя (страхователя) [10, с. 184].

В рамках системы ОПС гражданин может получать 2 отдельных вида пенсионных выплат. Первый из них, страховая пенсия – ежемесячная денежная выплата в целях компенсации застрахованным лицам заработной платы и иных выплат и вознаграждений, утраченных ими в связи с наступлением нетрудоспособности[3].

Следует подчеркнуть, что замена понятия *трудовая пенсия* на новое наименование *страховая пенсия* показывает изменение подхода к пониманию пенсионной выплаты. Так, расчет пенсий из расчетного пенсионного капитала перешел в новый относительный параметр – индивидуальный пенсионный

Табл. Единый тариф страховых взносов, 2023 г.
Tab. Single rate of insurance premiums, 2023

Размер фонда оплаты труда на человека в г.	Фонд пенсионного и социального страхования		Фонд обязательного медицинского страхования
	ОПС	ОСС	ОМС
В пределах 1917 тыс. руб.	22,00 %	2,90 %	5,10 %
Свыше 1917 тыс. руб.	10,00 %	–	5,10 %

[2] Единый тариф (единые размеры) страховых взносов на ОПС, ОСС, ОМС для плательщиков, производящих выплаты физическим лицам, на 2023 г. *СПС КонсультантПлюс*.

[3] О страховых пенсиях. ФЗ № 400-ФЗ от 28.12.2013 (ред. от 18.03.2023). *СПС КонсультантПлюс*.

коэффициент [5, с. 24–25]. Дифференциация условий и норм пенсионного обеспечения происходит с учетом социальной значимости трудовой или иной общественно-полезной деятельности гражданина.

А. В. Осипов, анализируя пенсионное законодательство, пишет, что к страховому стажу относится не только то время, когда лицо осуществляло свою трудовую деятельность, но и периоды его деятельности, которые отнесены законодателем к социально значимым (военная служба, уход за ребенком, общественные работы и т. д.) [9, с. 146–147].

Выплата страховой пенсии осуществляется за счет средств бюджета Социального фонда России. Двумя основными источниками финансирования системы ОПС являются страховые взносы и средства, предоставляемые из федерального бюджета. Как отмечают Ю. М. Горлин и В. Ю. Ляшок, на эти два источника финансирования приходится около 99 % всех доходов системы ОПС, при этом бюджетные трансферты обеспечивают около 1/4 всех расходов на выплату страховых пенсий [6, с. 76].

Общий размер страховой пенсии зависит от нескольких факторов: суммы пенсионных коэффициентов (баллов), накопленных на дату назначения пенсии; стоимости пенсионного коэффициента, установленного государством в году назначения пенсии; величины фиксированной выплаты (устанавливаемой государством минимальной суммы, не зависящей от объема уплаченных страховых взносов). Количество пенсионных коэффициентов, накопленных на индивидуальном счете пенсионера, зависит от периода, в течение которого работодатель совершал отчисления за работника в СФР (страхового стажа), и от суммы этих отчислений.

Страховая пенсия позволяет обеспечить защиту населения с минимальным доходом, способствуя поддержанию социального равновесия в обществе. Второй вид пенсионных выплат, накопительная пенсия – это ежемесячная пожизненная выплата пенсионных накоплений, сформированных за счет страховых взносов работодателей и дохода от их инвестирования [7 с. 3]. До 2014 г. 6 % из страхового тарифа, составлявшего 22 %, направлялись на формирование накопительной пенсии.

Институт накопительной пенсии заключается в расширении пенсионных прав будущего пенсионера за счет преумножения средств, накопленных на его индивидуальном лицевом счете. Накопления формируются страховщиком по обязательному пенсионному страхованию – СФР или негосударственным пенсионным фондом (НПФ). Застрахованными лицами являются граждане, в пользу которых формируются средства пенсионных накоплений.

Ключевым отличием накопительной пенсии от страховой является то, что она может быть оформлена у другого страховщика, а страховая пенсия может формироваться только в СФР. Накопления находятся в доверительном управлении НПФ или управляющей компании, которые преумножают эти средства за счет дохода от инвестирования. Пенсионные накопления не индексируются, их доходность зависит от инвестиционной политики выбранного НПФ или управляющей компании.

Анализируя правовую природу накопительной пенсии, И. Р. Маматказин приходит к выводу, что сущность накопительной пенсии отличается от сущности страховой пенсии. Накопительная пенсия выполняет функцию дополнительного источника средств к существованию на основании пенсионного возраста (60 лет для мужчин и 55 для женщин). Кроме того, накопительная пенсия практически не связана с предшествующей трудовой деятельностью, поскольку является выплатой, рассчитанной из средств пенсионных накоплений [8, с. 121–122].

В настоящее время деятельность института накопительных пенсий ограничена: страховые взносы работодателей направляются исключительно на финансирование страховых пенсий. Более того, правительство намерено осуществить законодательный «демонтаж» системы накопительных пенсий. Приоритет будет отдан развитию системы добровольных пенсионных накоплений граждан. Минфин РФ уже продолжительное время рассматривает вариант передачи пенсионных накоплений, созданных в системе ОПС, в собственность граждан. Этот шаг необходим для создания нового механизма формирования добровольной накопительной пенсии. Фактически речь идет о переносе пенсионных накоплений из системы ОПС в негосударственное пенсионное обеспечение. Так, накопительную пенсию снова можно будет увеличивать за счет взносов, выделенных из личных средств граждан.

Последние исследования показывают, что система ОПС все в меньшей степени справляется с возложенной на нее задачей по поддержанию достойного уровня жизни пенсионеров. В российской практике принято оценивать эффективность ОПС с помощью коэффициента замещения (показателя соотношения среднего размера назначенных пенсий и среднего размера зарплаты на соответствующий период). Динамика изменения коэффициента замещения за 2012–2021 гг. представлена на рисунке 1[4].

[4] Сост. по: Основные показатели пенсионного обеспечения в РФ. *Росстат*. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sp_2.3.docx; Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций в целом по экономике РФ в 1991–2023 гг. *Росстат*. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab1-zpl_05-2023.xlsx (дата обращения: 02.03.2023).

За рассматриваемый период коэффициент замещения снизился на 4,8 п. п. и составил 29,1 % в 2021 г.

Как верно отмечено в работе А. К. Соловьева, несмотря на то, что соотношение между средней пенсией и заработной платой рассматривается как отечественный аналог международно-признанного коэффициента замещения, между ними существуют принципиальные параметрические и институциональные различия [12, с. 81–82]. В соответствии с требованиями международной Конвенции о минимальных нормах социального обеспечения № 102, для получения пенсии в размере 40 % прежнего заработка российский наемный работник должен иметь 30 лет страхового стажа для пенсии по старости [12, с. 86]. Тем не менее данный показатель в определенной степени дает возможность судить о том, что получают от экономического роста наемные работники и пенсионеры.

А. К. Соловьев прогнозирует, что пенсии в России в ближайшие два десятилетия будут расти медленнее, чем зарплаты. Поэтому к 2040 г. отношение средней пенсии к средней зарплате достигнет значения ниже 23 % (рис. 2).

На эффективность работы системы ОПС во многом влияют демографическая ситуации в обществе и уровень налоговой нагрузки на трудоспособное население страны. Т. В. Муравлева отмечает, что т. к. взносы работающего населения идут на выплаты пенсионерам, то распределительный тип финансирования государственного пенсионного страхования

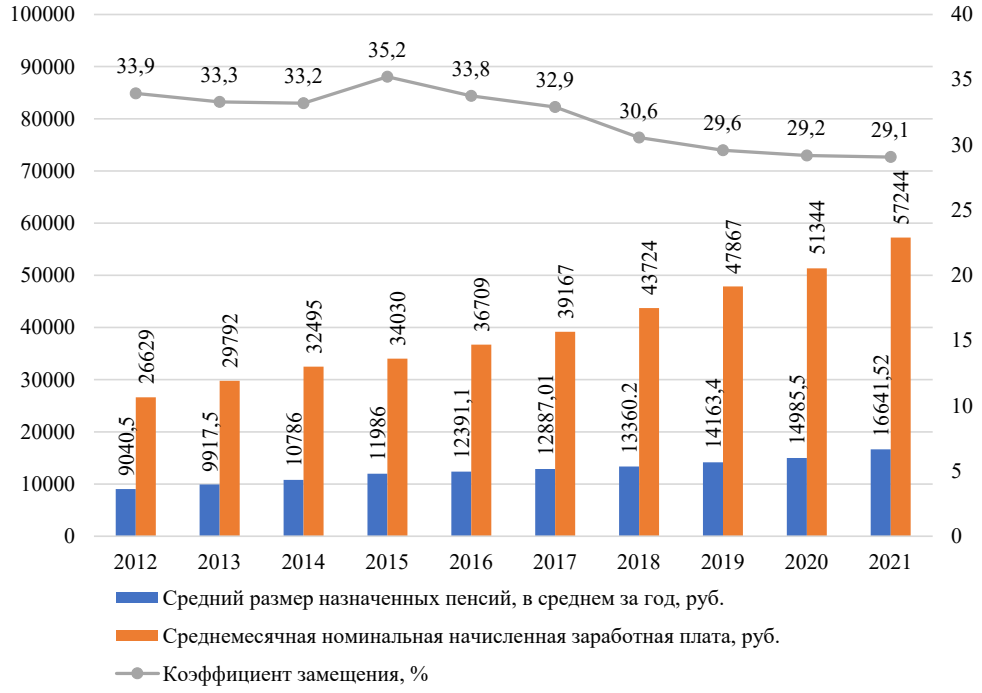

Рис. 1. Коэффициент замещения в России, 2012–2021 гг.
Fig. 1. Replacement rate in Russia, 2012–2021

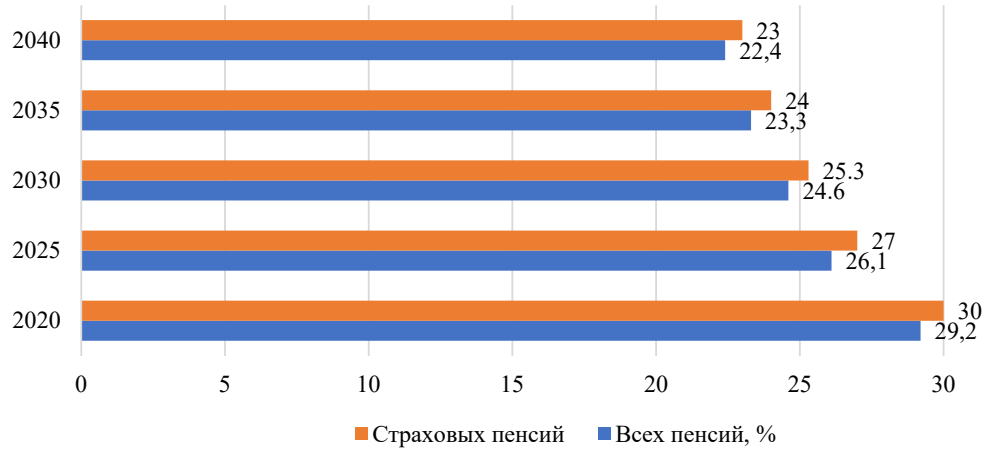

Рис. 2. Прогноз снижения коэффициента замещения, 2020–2040 гг.
Fig. 2. Replacement rate reduction forecast, 2020–2040

успешно работает только в условиях значительного преобладания населения трудоспособного возраста [16, с. 205].

А. Е. Торопова утверждает, что демографическое старение населения имеет серьезные социально-экономические последствия. Во-первых, появляется необходимость перераспределения экономических и иных ресурсов на социальное обеспечение, основу которого в стареющих обществах составляет пенсионная система. Во-вторых, происходит старение рабочей силы, что приводит к росту безработицы и повышению возраста выхода на пенсию [17, с. 99–100]. Например, старение населения ведет к увеличению числа получателей страховых пенсий по обязательному пенсионному страхованию, и, соответственно, к увеличению доли пожилых людей в общей численности населения. В структуре общества происходит изменение соотношения лиц трудоспособного возраста и пенсионеров в пользу последних. Результатом является сокращение поступающих в бюджет Социального фонда Российской Федерации страховых взносов.

В России наблюдается тенденция к росту доли пожилых граждан в структуре населения страны. По данным А. П. Шунькевича, в настоящее время доля молодежи в общей численности населения составляет около 35 %. Основными причинами старения населения являются снижение смертности и падение рождаемости (вследствие стремительного развития медицины и активного вовлечения женщин в экономическую деятельность). Упомянутые факторы привели к росту продолжительности жизни при постепенном сокращении доли молодежи в населении, а доля пожилых граждан стала постепенно расти. По статистике с каждым годом этот процесс ускоряется [18, с. 276–277].

В целях минимизации рисков для экономики в 2018 г. был принят закон о постепенном повышении пенсионного возраста до 65 лет для мужчин и 60 лет для женщин. Б. К. Ахмедова и В. А. Романов в своем исследовании приводят данные, свидетельствующие о негативной реакции общества на данную меру. Так, в 2019 г. пенсионной реформой были недовольны 83 % граждан [13, с. 24].

Что касается налогообложения, А. А. Ломакина указывает, что серьезной проблемой для социальной сферы является сокрытие работодателями реального уровня заработной платы своих работников. Так, доля скрытой заработной платы составляет от 25 % до 40 % фонда реально выплаченной. Кроме того, значительное сокращение суммы отчислений в систему ОПС происходит при использовании работодателями льготной тарифной ставки в 10 % для выплат страховых взносов в СФР свыше установленной предельной планки [14, с. 137].

Определенные риски для стабильности бюджета Социального фонда несет и возрастание численности самозанятых участников системы ОПС. М. А. Филина отмечает, что самозанятые выплачивают в бюджет фонда много меньше того, что получают из фонда пенсионного страхования. Такое перераспределение уплачиваемых страховых премий в пользу самозанятых ущемляет пенсионные права наемных работников и влечет за собой непропорциональный рост расходов, направленных на выплату пенсий в ОПС по отношению к уплаченным взносам [15, с. 21–22].

Стоит ожидать, что предполагаемая в будущем ликвидация государственной накопительной пенсии (передача накопительной пенсии в частные руки) будет способствовать расширению распределительной составляющей системы ОПС. Это приведет к тому, что размер формируемых пенсионных прав застрахованных лиц все меньше будет соответствовать объему перечисленных страховых взносов.

Второй вид пенсионного страхования, доступный гражданам России, это добровольное пенсионное страхование, которое относится к отрасли индивидуального личного страхования граждан и функционирует независимо от государственного. Данную разновидность пенсионного страхования нужно рассматривать не как элемент государственной системы социальной защиты населения, а как часть негосударственного сектора сферы социальных услуг, поскольку объем помощи, предоставляемой страховым фондом, зависит от финансового состояния гражданина.

Этот вид страхования является разновидностью накопительного страхования жизни и осуществляется с помощью частных финансовых организаций. Накопление страховой суммы, в которой проявляется сберегательный характер страховых отношений в рамках страхования жизни, происходит, как правило, за счет небольших ежемесячных взносов. В сравнении с банковским вкладом страхование жизни имеет следующие преимущества:

- неприкосновенность капитала (он не подлежит разделу и аресту);
- финансовая защита близких, защита от несчастных случаев;
- наличие полиса накопительного страхования гарантирует страховую защиту [24, с. 989].

У. С. Смирнова отмечает, что предоставление страховых услуг осуществляется посредством заключения между страховщиками и страхователями договоров, что вызывает потребность в надзоре за соблюдением страхового законодательства со стороны государственных органов. Надзор осуществляется Центробанком РФ, который является мегарегулятором финансовых рынков [25, с. 65].

Заключив договор со страховой компанией, застрахованное лицо самостоятельно уплачивает страховые взносы, формируя будущие накопления. В отличие от ОПС, размер взносов и условия страхования не устанавливаются государством, а согласовываются между страховщиком и застрахованным лицом в рамках договора пенсионного страхования. С момента наступления пенсионного возраста или более позднего срока страховщик начинает осуществлять выплату пенсии с учетом полученной доходности.

Частота получения пенсий может быть разной, например, ежемесячной или ежегодной. Размер пенсии зависит от срока страхования, характеристик смертности и продолжительности жизни населения данного региона, а также от применяемой для расчетов процентной ставки [19, с. 72]. Застрахованное лицо может выбрать пожизненную пенсию либо пенсию на фиксированный срок. Пожизненный вариант позволяет получать дополнительную пенсию вместе с государственной. Клиент сам выбирает гарантированный период выплат, в пределах которого в случае его ухода из жизни дополнительная пенсия будет выплачиваться супругу(е) либо иному выгодоприобретателю; пенсия на фиксированный срок позволяет застрахованному лицу получать пенсионные выплаты, но только в течение выбранного клиентом срока [20, с. 59].

ДПС часто отождествляют с негосударственным пенсионным обеспечением, предоставляемым НПФ. Однако по своей природе они различаются. В сущности, ДПС – это долгосрочный накопительный полис страхования жизни. Полис пенсионного страхования в целом похож на добровольную пенсию, предоставляемую НПФ. Страховая компания, так же как и НПФ, инвестирует накопления в низкорисковые ценные активы, чтобы получить дополнительный доход, с которого впоследствии будет выплачиваться пенсия. Но у пенсионного полиса имеется существенное преимущество перед продуктами НПФ – страховая защита. Например, в нее входят выплаты, производимые страховой организацией в том случае, если страхователь не дожил до окончания накопительного периода, ему диагностировали критическое заболевание, или с ним произошел несчастный случай.

Ю. Н. Воробьев и Е. И. Воробьева в своем исследовании подчеркивают, что личное добровольное пенсионное страхование направленно на создание и накопление личных пенсионных прав для пожизненной ренты. Основная задача такого института пенсионного страхования – устранить те проблемы и недостатки, которые присущи ОПС [21, с. 48]. ДПС предоставляет пенсионерам возможность уменьшить разницу между фактическим и необходимым уровнем пенсионного обеспечения. Возможности государственного пенсионного страхования по поддержанию жизненного уровня пожилых слоев населения продолжают сокращаться. Соответственно, важность дополнительной пенсионной системы для будущих пенсионеров будет только возрастать. Программа ДПС может обеспечить гражданам дополнительную финансовую поддержку в старости, а совмещение добровольного и обязательного пенсионного страхования позволит гражданину получить куда более высокий уровень пенсионного обеспечения, чем каждая из систем в отдельности. Общее количество заключенных и действующих договоров ДПС за 2012–2021 гг. представлено на рисунке 3[5].

Общее количество заключенных договоров по ДПС планомерно уменьшалось с 2013 по 2017 г. Лишь с 2018 г. показатель снова начал расти,

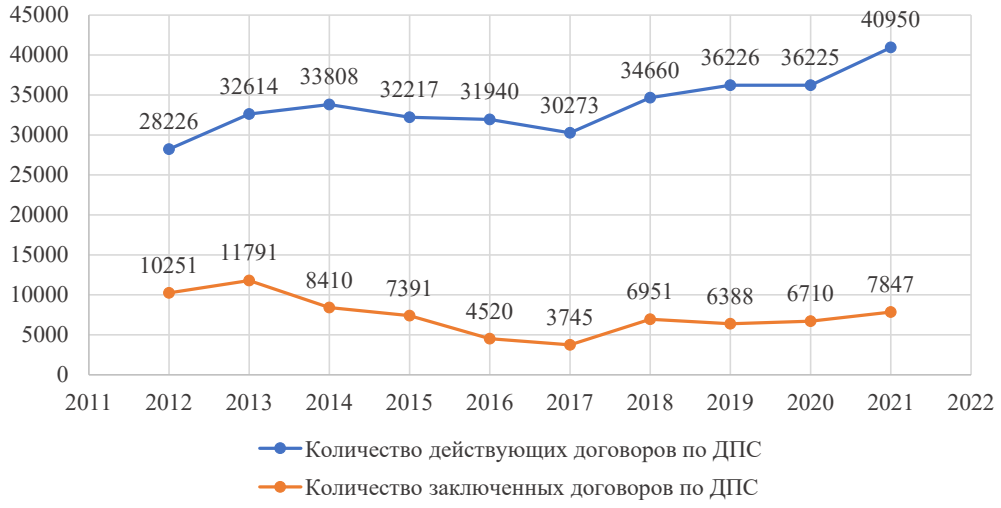

Рис. 3. Количество заключенных и действующих договоров добровольного пенсионного страхования, 2011–2022 гг.
Fig. 3. Number of concluded and running voluntary pension insurance contracts, 2011–2022

[5] Статистические показатели и информация об отдельных субъектах страхового дела. *Банк России*. URL: https://cbr.ru/insurance/reporting_stat/ (дата обращения: 02.03.2023).

составив порядка 66,5 % от показателя 2013 г. Общее количество действующих договоров по ДПС с 2013 г. возросло примерно на 45 % (40950 по итогам 2021 г.). Данные указывают, что на сегодняшний день только небольшая часть граждан России готова формировать пенсию в частном секторе.

Как отмечает в своей работе М. Е. Косова, отсутствие заинтересованности граждан в дополнительных финансовых вложениях связано с недоверием к действующим пенсионным институтам; низкой доходностью пенсионных накоплений; часто изменяющимися нормами права, регламентирующими обязательное и добровольное пенсионное страхование и т. д. [22, с. 278]. При этом Т. Г. Синявская и соавторы в своем исследовании делают вывод, что программы ДПС наиболее перспективны для граждан, рано начинающих свою трудовую деятельность [19, с. 78].

Возможности ДПС остаются нереализованными. Так, Т. Б. Хрунова отмечает, что наиболее перспективным направлением развития ДПС может стать формирование спроса со стороны работодателей на заключение договоров ДПС работников. Работодатели, выступая в качестве страхователя (плательщика страховых взносов), расширяют спектр социальных гарантий своих сотрудников и одновременно получают дополнительный инструмент стимулирования персонала организации. Таким образом, распространение корпоративного пенсионного обеспечения позволит динамике количества заключаемых страховых договоров приобрести устойчивый положительный характер, способствуя росту доли рынка ДПС, объема совокупной страховой премии и прибыльности ДПС у страховщиков жизни [23, с. 95].

Заключение

Функция системы пенсионного страхования в России заключается в компенсации утраченного заработка (дохода) в связи с наступлением старости. Компенсация осуществляется с помощью распределения финансовых резервов, сформированных в бюджете Социального фонда России, в пользу застрахованных лиц. Позволяя поддерживать финансовое положение пенсионеров на определенном уровне, ОПС во многом выступает гарантией минимальной социальной защищенности населения в старости. Однако под влиянием социально-демографических факторов система ОПС продолжает терять свою эффективность, что приводит к снижению уровня социальной защиты нетрудоспособных граждан.

Единственным способом поднять имеющуюся планку социальной защиты для будущего пенсионера является негосударственная пенсия, сформировать которую он может в системе добровольного пенсионного страхования (или обеспечения). ДПС основано на тех же принципах, что и накопительное страхование жизни. Условия предоставления пенсии зависят от конкретного договора, заключенного между гражданином и страховой организацией. Полис пенсионного страхования жизни позволяет гражданину увеличивать свою будущую пенсию, минуя государственные институты. Вместе с тем невысокий уровень популярности такого вида накопительного страхования у граждан не позволяет ему стать полноценным инструментом борьбы с негативными последствиями наступления старости.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии научных представлений о роли пенсионного страхования в системе социальной защиты населения России. В работе соотнесены обязательная и добровольная формы пенсионного страхования, определена их роль в защите населения от неблагоприятных последствий наступления социальных рисков. Детализирована правовая природа и сущность ОПС и ДПС. Результаты исследования могут быть использованы государственными органами при разработке проектов реформирования российской системы пенсионного страхования; страховыми организациями при совершенствовании программ ДПС; научными сотрудниками, исследующими вопросы пенсионного страхования и социальной защиты населения.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Филиппова А. В. Обязательное пенсионное страхование. *Вестник Национального Института Бизнеса*. 2020. № 40. С. 71–74. [Filippova A. V. Compulsory pension insurance. *Vestnik Natsionalnogo Instituta Biznesa*, 2020, (40): 71–74. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/tesyyi
2. Чибисов В. К. ПФР и ФСС на этапе развития. *Экономика и социум*. 2022. № 12-1. С. 1288–1295. [Chibisov V. K. PFR and FSS at the development stage. *Ekonomika i sotsium*, 2022, (12-1): 1288–1295. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/vxoigy

3. Сатири М. Г. Особенности правового статуса социального фонда России. *Фундаментальная и прикладная наука: актуальные вопросы теории и практики*: сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 15 марта 2023 г.) Пенза: Наука и Просвещение, 2023. С. 183–185. [Satiri M. G. Features of the legal status of the Social Fund of Russia. *Fundamental and applied science: topical issues of theory and practice*: Proc. II Intern. Sci.-Prac. Conf., Penza, 15 Mar 2023. Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2023, 183–185. (In Russ.)]
4. Османова М. М., Ибрагимова А. М. Страховые взносы и ЕНП согласно последним изменениям. *Вопросы устойчивого развития общества*. 2023. № 2. С. 17–21. [Osmanova M. M., Ibragimova A. M. Insurance premiums and EPP according to the latest changes. *Issues of sustainable development of society*, 2023, (2): 17–21. (In Russ.)] https://elibrary.ru/brxqpq
5. Никитин В. В. Страховые пенсии в соответствии с законодательством Российской Федерации. Проблемы реализации законодательства. *Закон и право*. 2021. № 5. С. 24–26. [Nikitin V. V. Insurance pensions according to legislation of Russian federation: implementation problems. *Zakon i pravo*, 2021, (5): 24–26. (In Russ.)] https://doi.org/10.24412/2073-3313-2021-5-24-26
6. Горлин Ю. М., Ляшок В. Ю. Рынок труда и система обязательного пенсионного страхования: современные тренды и долгосрочные риски. *Экономическое развитие России*. 2021. Т. 28. № 11. С. 76–80. [Gorlin Yu. M., Lyashok V. Yu. Labor market and mandatory pension insurance system: current trends and long-term risks. *Russian Economic Development*, 2021, 28(11): 76–80. (In Russ.)] https://elibrary.ru/bxawwk
7. Чамурлиева С. П. Институт накопительной пенсии в РФ. *Юридический факт*. 2020. № 86. С. 3–4. [Chamurlieva S. P. Institute of fundamental pension in the Russian Federation. *Iuridicheskii fakt*, 2020, (86): 3–4. (In Russ.)] https://elibrary.ru/gnfcmv
8. Маматказин И. Р. Сравнительный анализ правовой природы и сущности пенсий по обязательному пенсионному страхованию и негосударственному пенсионному обеспечению. *Ex Jure*. 2022. № 1. С. 116–130. [Mamatkazin I. R. Comparative analysis of the legal nature and essence of pensions for compulsory pension insurance and private pension provision. *Ex Jure*, 2022, (1): 116–130. (In Russ.)] https://doi.org/10.17072/2619-0648-2022-1-116-130
9. Осипов А. В. Страховой стаж как условие предоставления страховой пенсии по старости. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2021. № 5-4. С. 146–148. [Osipov A. V. Insurance experience as a condition for the provision of an old-age insurance pension. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2021, (5-4): 146–148. (In Russ.)] https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-5-4-146-148
10. Семенова Г. Н. Роль страховых взносов для пенсионной реформы в России. *Перспективы развития науки в современном мире*: сб. тр. по мат-лам XII Всерос. конкурса науч.-исслед. работ. В 2 ч. (Уфа, 20 февраля 2023 г.) Уфа: Вестник науки, 2023. Ч. 2. С. 183–193. [Semenova G. N. Role of insurance contributions for pension reform in Russia. *Prospects for the development of science in the modern world*: Proc. XII All-Russ. Competition of Sci.-Res. Works. In 2 pts. Ufa, 20 Feb 2023. Ufa: Vestnik nauki, 2023, pt. 2, 183–193. (In Russ.)] https://elibrary.ru/ryqxyq
11. Роик В. Д. Пенсионные системы в странах СНГ: итоги преобразований и пути совершенствования. *ЭКО*. 2019. № 3. С. 94–116. [Roik V. D. Pension reforms in Russia and post Soviet Union countries: 1991–2018 years. *EKO*, 2019, (3): 94–116. (In Russ.)] https://elibrary.ru/yzgibn
12. Soloviev A. K. Problems of application of the substitution coefficient as a criterion of efficiency of the pension system of Russia. *Problems of Forecasting*, 2022, (2): 80–93. (In Russ.)] https://doi.org/10.1134/S1075700722020125
13. Ахмедова Б. К., Романов В. А. Основные проблемы в системе пенсионного обеспечения Российской Федерации. *Вестник экспертного совета*. 2022. № 3. С. 22–26. [Akhmedova B. K., Romanov V. A. Main problems in the pension provision system of the Russian Federation. *Vestnik ekspertnogo soveta*, 2022, (3): 22–26. (In Russ.)] https://elibrary.ru/sfswlf
14. Ломакина А. А. Актуальные проблемы системы государственного страхования в России. *Молодой исследователь Дона*. 2022. № 3. С. 135–138. [Lomakina A. A. Current problems of the state insurance system in Russia. *Molodoi issledovatel Dona*, 2022, (3): 135–138. (In Russ.)] https://elibrary.ru/ftgojy
15. Филина М. А. Основные вызовы устойчивости системы обязательного пенсионного страхования в России. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2020. Т. 4. № 11. С. 20–23. [Filina M. A. Main challenges to the sustainability of the mandatory pension insurance system in Russia. *Economics and management: problems, solutions*, 2020, 4(11): 20–23. (In Russ.)] https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2020.11.04.004
16. Муравлева Т. В. Влияние демографической ситуации на систему государственного пенсионного страхования. *Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС*. 2022. Т. 13. № 2. С. 204–213. [Muravleva T. V. Impact of the demographic situation on the state pension insurance system. *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniia RANKHiGS*, 2022, 13(2): 204–213. (In Russ.)] https://elibrary.ru/noorhu

17. Торопова А. Е. Старение населения и растущее значение накопительных пенсий как источника финансирования будущих расходов пенсионеров. *E-Scio*. 2020. № 9. С. 95–105. [Toropova A. E. Population aging and the growing importance of funded pensions as a source of financing future expenses of pensioners. *E-Scio*, 2020, (9): 95–105. (In Russ.)] https://elibrary.ru/rekbra
18. Шунькевич А. П. Старение населения и значение накопительных пенсий как источника финансирования будущих расходов пенсионеров. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2022. № 8. С. 275–282. [Shunkevich A. P. Aging of the population and the importance of funded pensions as a source of financing future expenses of pensioners. *Economy and Business: Theory and Practice*, 2022, (8): 275–282. (In Russ.)] https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-8-275-282
19. Синявская Т. Г., Трегубова А. А., Музаев М. З. Актуарная оценка пенсионных прав в добровольном пенсионном страховании. *Развитие территорий*. 2022. № 3. С. 71–79. [Siniavskaia T. G., Tregubova A. A., Muzaev M. Z. Actuarial valuation of pension rights in voluntary pension insurance. *Territory Development*, 2022, (3): 71–79. (In Russ.)] https://doi.org/10.32324/2412-8945-2022-3-71-79
20. Савонин С. В., Костюк Л. В., Украинцева Т. В., Лукин В. С. Программы страхования жизни. Основные виды, плюсы и минусы. *Экономический вектор*. 2019. № 1. С. 52–64. [Savonin S. V., Kostyuk L. V., Ukraintseva T. V., Lukin V. S. The life insurance programs. Principal types, pros and cons. *Economic Vector*, 2019, (1): 52–64. (In Russ.)] https://elibrary.ru/tkjqet
21. Воробьев Ю. Н., Воробьева Е. И. Пенсионное страхование в России. *Научный вестник: финансы, банки, инвестиции*. 2018. № 3. С. 45–57. [Vorobyov Yu. N., Vorobyova E. I. Pension insurance in Russia. *Nauchnyi vestnik: finansy, banki, investitsii*, 2018, (3): 45–57. (In Russ.)] https://elibrary.ru/yltrfz
22. Косов М. Е. Развитие накопительных механизмов пенсионного страхования. *Вестник экономической безопасности*. 2022. № 1. С. 277–282. [Kosov M. E. Development of accumulative mechanisms of pension insurance. *Bulletin of economic security*, 2022, (1): 277–282. (In Russ.)] https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-277-282
23. Хрунова Т. Б. Современное состояние и перспективы развития добровольного пенсионного страхования в России. *На пути к гражданскому обществу*. 2022. № 4. С. 93–96. [Khrunova T. B. Current state and prospects of the voluntary pension insurance development in Russia. *Na puti k grazhdanskomu obshchestvu*, 2022, (4): 93–96. (In Russ.)] https://elibrary.ru/lveohf
24. Махдиева Ю. М. Современные тенденции и приоритеты развития страхования жизни. *Индустриальная экономика*. 2021. № 5-10. С. 988–993. [Makhdieva Yu. M. Modern trends and priorities in the development of life insurance. *Industrial economy*, 2021, (5-10): 988–993. (In Russ.)] https://doi.org/10.47576/2712-7559_2021_5_10_988
25. Смирнова У. С. Практика Банка России в сфере страхового надзора. *Уральский журнал правовых исследований*. 2020. № 6. С. 64–73. [Smirnova U. S. The Bank of Russia's practice in the field of insurance supervision. *Ural Journal of Legal Research*, 2020, (6): 64–73. (In Russ.)] https://doi.org/10.34076/2658-512X-2020-6-64-72

© 2023. Арзуманян М. С.

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Влияние бюджетной обеспеченности муниципальных районов на устойчивость развития АПК Кемеровской области – Кузбасса

Арзуманян Мисак Спартакович
Красноярский государственный аграрный университет, Россия, Красноярск
https://orcid.org/0000-0002-9752-7612
misak-arz@mail.ru

Поступила 30.03.2023. Принята после рецензирования 20.06.2023. Принята в печать 30.06.2023.

Аннотация: В статье обоснована и апробирована методика количественной оценки степени связи устойчивости (величин ее показателей, компонентов) развития агропромышленного комплекса от бюджетной обеспеченности муниципальных районов Кемеровской области – Кузбасса. Цель – определить уровень влияния показателей бюджета на устойчивость развития агропромышленного комплекса. Посредством математической логики показатели бюджета сопоставлены со значениями показателей 4 фундаментальных компонентов устойчивого развития агропромышленного комплекса муниципальных районов Кемеровской области – Кузбасса. Установлено, что показатели бюджета в сильной и функциональной степени влияют на численность сельского населения, служащих муниципалитетов и органов местного самоуправления. В умеренной и средней степени показатели бюджета коррелируют с показателями компонентов устойчивого развития: величиной инвестиций в основной капитал агропромышленного комплекса; денежным доходом на душу населения, занятого в сфере сельского хозяйства; числом лечебных учреждений; расходами на охрану окружающей среды. Показатели бюджета, в наибольшей степени определяющие значение компонент устойчивого развития агропромышленного комплекса, – *собственные доходы* и *образование*; остальные показатели оказывают влияние в умеренной степени. Разработанная методика предназначена для научных работников, чьи интересы связаны с решением задач регулирования социально-экономического развития на местном уровне и уровне субъекта Российской Федерации, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также органов муниципального уровня власти (местного самоуправления) для принятия управленческих решений. Результаты анализа послужат достоверной информацией для оценки уровня устойчивого развития агропромышленного комплекса муниципальных районов региона.

Ключевые слова: аграрная политика, агропромышленный комплекс, бюджет, корреляционный анализ, муниципальный район, устойчивое развитие, Кемеровская область – Кузбасс

Цитирование: Арзуманян М. С. Влияние бюджетной обеспеченности муниципальных районов на устойчивость развития АПК Кемеровской области – Кузбасса. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 3. С. 357–365. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-3-357-365

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

full article

Impact of Municipal Districts' Budgetary Provision on the Sustainability of the Agro-Industrial Complex Development in Kemerovo region – Kuzbass

Misak S. Arzumanyan
Krasnoyarsk State Agrarian University, Russia, Krasnoyarsk
https://orcid.org/0000-0002-9752-7612
misak-arz@mail.ru

Received 30 Mar 2023. Accepted after peer review 20 Jun 2023. Accepted for publication 30 Jun 2023.

Abstract: The article proposes and implements the quantitative assessment method for measuring the connection between sustainability of the agro-industrial complex development and the municipal districts' budgetary provision in the Kemerovo region – Kuzbass. The goal is to determine the level of budget indicators impact on the sustainability of the agro-industrial complex development. The budget indicators are mathematically compared with the indicators of 4 fundamental components of sustainable development of the agro-industrial complex. The method is intended for researchers solving the problems of regulating socio-economic development at the local level and at the level

of the Federation subject; for authorities of the Russian Federation subjects and municipal authorities for making managerial decisions. The results can serve as a foundation for assessing the level of the agro-industrial complex sustainable development in the municipal districts of the region.
Keywords: agrarian policy, agro-industrial complex, budget, correlation analysis, municipal district, sustainable development, Kemerovo region – Kuzbass

Citation: Arzumanyan M. S. Impact of Municipal Districts' Budgetary Provision on the Sustainability of the Agro-Industrial Complex Development in Kemerovo region – Kuzbass. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(3): 357–365. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-3-357-365

Введение

Исследования, посвященные устойчивому развитию территорий Российской Федерации, достаточно популярны. В сельской местности расположено большое число муниципальных образований (МО), в структуре которых преобладают сельские поселения. Важнейшим экономическим инструментом формирования, планирования и расходования ресурсов территории является ее бюджет. Следовательно, доходная часть бюджета имеет определенное влияние на уровень устойчивого развития территории и на отрасли экономики, в частности в сфере агропромышленного комплекса (АПК).

Международно принятое определение устойчивого развития и одновременно его основная задача – «удовлетворение жизненных нужд текущего поколения, не ставящее под угрозу аналогичные возможности для следующих поколений» [1, с. 415]. В основе этого подхода – акцент на демографические и социальные показатели, а также ресурсы, имеющие экономическую природу, например малое и среднее предпринимательство [2, с. 180].

Федеральный Закон № 131-ФЗ от 06 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»[1] в качестве средств регулирования местной экономики, рычагов воздействия на нее, определяет следующие инструменты: имущество, находящееся в муниципальной собственности, имущественные права МО, средства местных бюджетов.

Законодательно определенная роль органов местного самоуправления (ОМС) – обеспечение достижения запланированных социально значимых целей [3, с. 141] посредством воздействия на финансово-экономические процессы в сфере формирования, принятия и исполнения местного бюджета. Данная задача актуализируется и становится «проверкой на прочность» для компетентности местной власти, ее способности выполнять обязательства в условиях недостаточного финансирования [4, с. 421; 5, с. 3]. *Муниципальное управление* как административный компонент системы – муниципальной политики сельских территорий – регулирует деятельность ОМС по созданию системы обеспечения условий жизнедеятельности населения и решение иных вопросов в пределах полномочий муниципалитета [6, с. 29]. В обязанности ОМС входят: создание условий для устойчивого развития местного предпринимательства (малого бизнеса), обеспечение трудоспособного населения рабочими местами, а также увеличение поступлений доходов в местный бюджет для создания финансовой основы, которая необходима для реализации социальных программ [7, с. 161–162].

Расходы бюджета муниципальных образований имеют социальную направленность, ориентированы на решение социальных задач, поскольку перед муниципалитетами стоит задача удовлетворения социальных потребностей населения [8, с. 3]. Показателями состояния бюджета являются коэффициенты: соотношения сумм межбюджетных трансфертов и собственных доходов, автономности, самофинансирования, задолженности, результативности (эффективности), обеспеченности. Тип устойчивости бюджета в соответсвии с критериями определяется как абсолютно устойчивый, нормальный или неустойчивый [9, с. 18–20].

Оценка устойчивости бюджета, качество его исполнения, финансово-экономические показатели (индикаторы) представлены в трудах [10, с. 258; 11, с. 64–66]. Показателями для индикативной оценки финансово-экономического состояния муниципального района (МР) выступают:

- темпы экономического развития;
- уровень финансирования образования (дошкольного, общего и дополнительного);
- величина средств, выделяемых на развитие культуры, физической культуры и спорта;
- величина субсидий на жилищное строительство и обеспечение граждан жильем, развитие жилищно-коммунального хозяйства;

[1] Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ. ФЗ № 131-ФЗ от 06.10.2003. Ст. 49. *СПС Консультант-Плюс.*

- суммы, заложенные под организацию муниципального управления, их доля в бюджете;
- средства, запланированные на энергосбережение и повышение энергетической эффективности [12, с. 3706].

Устойчивость бюджета МР может определяться уровнем его бюджетной обеспеченности, методика определения которого представлена в исследованиях И. А. Вармунда [13, с. 34], В. Ю. Пеньковой [14, с. 172]. Здесь данный показатель зависит от налогового потенциала и бюджетных расходов МР. Оценка доходной и расходной частей бюджета отражает степень его самостоятельности (определяется долей безвозмездных поступлений в структуре) и сбалансированности (рациональные пропорции в распределении средств на экономику и отрасли социальной сферы) [15, с. 198]. Повышение финансовой самостоятельности МО возможно за счет эффективного местного самоуправления, увеличения эффекта масштаба от имеющихся у ОМС ресурсов [16, с. 132].

В ст. 5 Федерального Закона № 264 от 29 декабря 2006 г. «Государственная аграрная политика»[2] дается определение термину *устойчивое развитие сельских территорий*. Это стабильное социально-экономическое развитие, сопровождающееся наращиванием объемов производства сельскохозяйственной продукции, повышением эффективности сельского хозяйства, рациональным использованием земельных ресурсов, обеспечением занятости экономически активного сельского населения и повышением качества, уровня его жизни. Из определения становится ясно, что в основе термина *устойчивость* лежит социально-экономическая компонента. Несмотря на это, в исследовании [17, с. 90–91] представлена методика определения уровня *социально-экономической* устойчивости МО на основе расчета стандартизированного коэффициента с выделением пяти кластеров: высокий уровень, уровень выше среднего, средний уровень, низкий уровень и кризисный уровень.

В работе А. Шаренко [18, с. 240] представлена классификация факторов, влияющих на финансовую устойчивость организаций АПК. Выделены природно-климатические, экономические, политико-правовые, социально-культурные, организационно-управленческие, производственно-технологические, социально-кадровые (трудовые), экономико-финансовые группы факторов.

Предприятия АПК, стремясь повысить эффективность своей деятельности, вынуждены внедрять действенные в рыночных условиях инструменты управления, в случае успеха реализации которых создаются основы для расширенного и стабильного производства, что может характеризоваться как предпосылка перехода к *устойчивому развитию АПК* [19, с. 3]. Внедрение инноваций предприятиями АПК позволяет им укрепить и сохранить достигнутый уровень развития, повысить шансы на жизнеспособность в кризисных условиях в будущем [20, с. 174; 21, с. 5]. Развитие цифровых технологий дает возможность более эффективно управлять и осуществлять деятельность в сельском хозяйстве, несмотря на низкую востребованность данной отрасли у потенциальных владельцев капитала в прошлом [22, с. 58; 23, с. 311]. Инновации в сфере АПК подразумевают приток инвестиций, выступающих инструментом финансирования экономического роста. Формирование прибыли, наращивание ее объемов хозяйствующими субъектами АПК позволяет аккумулировать средства для дальнейших капиталовложений [24, с. 128]. Оценка ликвидности баланса предприятий АПК определяет степень покрытия ими своих обязательств, что характеризует и уровень устойчивости их деятельности и дальнейшие перспективы функционирования [25, с. 99].

ОМС, обладая необходимыми полномочиями и ресурсной базой, способны ускорить темпы устойчивого развития АПК МР. Это будет свидетельствовать о повышении уровня эффективности деятельности ОМС, поскольку в их компетенции находится обеспечение социально-экономического развития и повышение благосостояния общества [26, с. 247; 27, с. 137]. Развитие АПК МР позволит решить ряд социальных проблем, таких как безработица, бедность, смертность (либо ослабить их влияние на развитие экономики) [28, с. 68]. Исполнительная власть регионов ответственна за развитие территории [29, с. 195–195]. Как справедливо отмечается в труде М. М. Пастухова и И. Н. Иваненко, «высокая эффективность публичной власти – первопричина и предпосылка повышения уровня ее легитимности, а низкая – ее снижения и подрыва» [30, с. 334].

Методы и материалы

В исследовании показатели бюджета сопоставлены со значениями показателей фундаментальных компонентов устойчивого экономического, социального, экологического и институционального развития АПК 18-ти муниципальных районов Кемеровской области – Кузбасса. Рассмотрены показатели Беловского, Гурьевского, Ижморского, Кемеровского, Крапивинского, Ленинск-Кузнецкого, Мариинского, Новокузнецкого, Прокопьевского, Промышленновского, Таштагольского, Тисульского, Топкинского,

[2] О развитии сельского хозяйства. ФЗ № 264-ФЗ от 29.12.2006. Ст. 5. *СПС КонсультантПлюс*.

Тяжинского, Чебулинского, Юргинского, Яйского и Яшкинского районов за 2019–2020 гг. Комплексное влияние уровня бюджетной обеспеченности МО на его устойчивое развитие (функционирование АПК) определяется как степень влияния показателей бюджета на фундаментальные компоненты устойчивого развития АПК МР.

Показателями бюджета в доходной части выступают 2 показателя, в расходной части – 5 показателей. Из перечня статей бюджета отбираются показатели, наиболее актуальные для сопоставления с показателями устойчивого развития. Так, в доходной части выбраны показатели, обладающие наибольшими удельными весами в структуре. Это *собственные доходы*, отражающие степень самостоятельности местного бюджета и *безвозмездные поступления*, характеризующие уровень финансовой зависимости местного бюджета от иных источников, в т. ч. от вышестоящих бюджетов. При выборе показателей расходной части бюджета для анализа также учитывалась обоснованность их использования для сопоставления с аспектами устойчивого развития. Из более чем 10 статей расходной части бюджета выбраны наиболее приоритетные показатели, отражающие уровень развития и стабильности территории. Это *национальная экономика* (экономический компонент), *сельское хозяйство и рыболовство* (экономический компонент, имеющий прямое отношение к АПК), *социальная политика* (социальный компонент, ассоциирующийся с качеством жизни сельского населения), *образование* (социальный компонент), *жилищно-коммунальное хозяйство* (социальный компонент, определяющий уровень благоприятности условий жизни). К этому списку справедливо было бы добавить показатели *охрана окружающей среды* (экологический компонент) и *муниципальное управление* (институциональный компонент), но по рассматриваемым МР таких данных не имеется. Ввиду низкого приоритета (слабой увязки) остальных показателей расходной части бюджета с понятием *устойчивое развитие*, их использование при анализе было исключено. К таким показателям относятся *общегосударственные вопросы, обслуживание государственного и муниципального долга, национальная безопасность и правоохранительная деятельность, культура, кинематография*.

Компоненты и входящие в их состав показатели устойчивого развития АПК МР:

1. Экономический (*E*):
1.1. Величина валового муниципального продукта (ВМП) АПК (*P*), тыс. руб.
1.2. Величина инвестиций в основной капитал АПК (*K*), тыс. руб.
2. Социальный (*S*):
2.1. Численность сельского населения (*H*), тыс. человек.
2.2. Денежный доход на душу населения, занятого в сфере сельского хозяйства (*R*), руб. / мес.
2.3. Число лечебных учреждений (*C*), шт.
3. Экологический (*N*):
3.1. Расходы на охрану окружающей среды (*N*), тыс. руб.
4. Институциональный (*I*):
4.1. Численность муниципальных служащих и ОМС (*I*), шт.

Для анализа в качестве исходных статистических данных выступают абсолютные значения показателей[3].

Результаты

Представим алгоритм методики в математическом виде. На первом этапе анализа посредством расчета коэффициентов корреляции средствами Microsoft Excel определяется степень связи между значениями факторов и результативных переменных *P, K, H, R, C, N, I*. Модульные значения коэффициента корреляции (r_{ij}), где i – номер показателя-фактора ($i \in \{1,\ldots,7\}$), а j – номер результативной переменной ($j \in \{1,\ldots,7\}$), лежат в интервале [0; 1], что решает проблему несопоставимости единиц измерения факторов и результативных переменных. Полученные значения коэффициентов парной корреляции представлены в таблице 1.

Показатели бюджета в сильной и функциональной степени влияют на такие показатели компонентов устойчивого развития АПК, как *численность сельского населения, численность муниципальных служащих и ОМС*. В умеренной и средней степени коррелируют с показателями компонентов устойчивого развития АПК *величина инвестиций в основной капитал АПК*; *денежный доход на душу населения, занятого в сфере сельского хозяйства*; *число учреждений здравоохранения*; *расходы на сохранение окружающей среды*.

Интуитивно понятна взаимосвязь показателей бюджета с *численностью сельского населения*, поскольку уровень финансового обеспечения территории и запланированный ОМС объем вложений средств в инфраструктуру МР и на ее содержание тесно определяют демографические показатели, такие как рождаемость и смертность. Это отражается на величине среднегодовой численности населения МР, характеризуя степень освоенности территории.

[3] База данных показателей муниципальных образований Кемеровской области – Кузбасса. *Федеральная служба государственной статистики*. URL: https://gks.ru/dbscripts/munst/munst32/DBInet.cgi (дата обращения: 22.02.2023).

Учитывая, что рациональный штат местной власти должен быть соразмерен численности проживающего на территории населения, вполне обоснована и сильная связь между показателями бюджета и численностью муниципальных служащих и ОМС. По какой причине показатели бюджета не продемонстрировали высокой степени связи с остальными показателями компонентов устойчивого развития АПК, остается лишь догадываться. Следуя логике, должна прослеживаться высокая степень связи показателей:

- собственные доходы, безвозмездные поступления, национальная экономика, сельское хозяйство и рыболовство с ВМП АПК, инвестициями в основной капитал;
- социальная политика, образование, жилищно-коммунальное хозяйство с численностью сельского населения, денежным доходом на душу населения, занятого в сфере сельского хозяйства, числом лечебных учреждений.

На втором этапе анализа осуществляется трансформирование ранее определенных коэффициентов парной корреляции в преобразованные коэффициенты корреляции (r^*_{iz}) компонентов устойчивого развития АПК. Для коэффициентов *E*, *S*, *N*, *I* рассчитываются средние значения (по модулю) от r_{ij} соответствующих им показателей. Модульные значения r^*_{iz}, где *i* – номер показателя-фактора, а *z* – номер компонента устойчивого развития АПК ($z \in \{1,\ldots,4\}$), также лежат в интервале [0; 1] (табл. 2).

Табл. 1. Коэффициенты парной корреляции показателей бюджета и показателей компонентов устойчивого развития АПК муниципальных районов Кемеровской области – Кузбасса
Tab. 1. Coefficients of paired correlation between budget indicators and indicators of agro-industrial complex sustainable development in municipal districts of the Kemerovo region – Kuzbass

Показатели бюджета	Показатели компонентов устойчивого развития АПК						
	P	K	H	R	C	N	I
Доходная часть							
Собственные доходы	0,27	0,55	0,80	0,57	0,48	0,76	0,86
Безвозмездные поступления	–0,17	–0,21	0,75	0,38	0,09	0,19	0,71
Расходная часть							
Национальная экономика	0,00	0,33	0,58	0,30	0,13	0,61	0,81
Сельское хозяйство и рыболовство	0,41	0,88	0,13	0,13	0,48	0,61	0,21
Социальная политика	0,19	0,11	0,84	0,13	0,49	0,27	0,60
Образование	0,39	0,44	0,91	0,63	0,61	0,70	0,80
Жилищно-коммунальное хозяйство	0,08	0,37	0,58	0,59	0,20	0,61	0,72
Среднее значение	0,21	0,41	0,66	0,39	0,35	0,54	0,67

Табл. 2. Взаимосвязь бюджетной обеспеченности и уровня устойчивого развития АПК муниципальных районов Кемеровской области – Кузбасса
Tab. 2. Correlation between fiscal capacity and the agro-industrial complex sustainable development level in the Kemerovo region – Kuzbass municipal districts

Показатели бюджета	Компоненты устойчивого развития АПК				U
	E	S	N	I	
Доходная часть					
Собственные доходы	0,41	0,62	0,76	0,86	0,65
Безвозмездные поступления	0,19	0,41	0,19	0,71	0,36
Расходная часть					
Национальная экономика	0,17	0,34	0,61	0,81	0,46
Сельское хозяйство и рыболовство	0,64	0,25	0,61	0,21	0,41
Социальная политика	0,15	0,48	0,27	0,60	0,36
Образование	0,42	0,72	0,70	0,80	0,65
Жилищно-коммунальное хозяйство	0,22	0,46	0,61	0,72	0,49
Среднее значение	0,31	0,47	0,54	0,67	0,49

На третьем этапе анализа комплексное влияние показателей бюджета (U_i) / бюджетной обеспеченности ($\bar{U}$) на устойчивость развития АПК определяется по формуле средней геометрической от приращенных на единицу значений r^*_{iz} / r^*_z компонентов устойчивого развития АПК. Для преобразования полученных значений U в диапазон [0; 1], необходимо уменьшить на единицу величину средней геометрической:

$$U_i = \left(\sqrt[4]{\prod_{z=1}^{4} \left(r^*_{iz} + 1 \right)} \right) - 1 \qquad (1)$$

$$U_i = \left(\sqrt[4]{\prod_{z=1}^{4} \left(\overline{r^*_z} + 1 \right)} \right) - 1 \qquad (2)$$

При разбивке интервала [0; 1] на равные по длине подынтервалы по числу уровней влияния показателей бюджета на устойчивость развития АПК (низкий, умеренный, средний, высокий), образуются четыре квадранта (в переводе с лат. *quadrans* – четверть) уровней влияния: [0,00; 0,25], (0,25; 0,50], (0,50; 0,75], (0,75; 1,00].

Полученные значения уровней влияния показателей бюджета (бюджетной обеспеченности) на устойчивость развития АПК позволяют количественно определить степень взаимосвязи между факторами и результативными переменными – компонентами устойчивости развития АПК. В результате анализа по статистическим данным МР региона 7 актуальных показателей бюджета определяют уровень влияния U на показатели компонентов устойчивого развития АПК в интервале от низкого (<0,25) до высокого (>0,75). Величина $\bar{U}$ отражает совокупное (интегральное) влияние показателей бюджетной обеспеченности на устойчивость развития АПК МР региона.

Горизонтальный анализ свидетельствует об отсутствии высокого уровня системной взаимосвязи представленных показателей бюджетной обеспеченности и компонентов устойчивого развития АПК муниципальных районов Кемеровской области – Кузбасса. В целом наблюдается умеренно-средний уровень влияния. Показатели бюджета, в наибольшей степени определяющие значение компонент устойчивого развития АПК, – *собственные доходы* и *образование*. Остальные показатели оказывают влияние в умеренной степени.

Целью методики является количественная оценка степени связи устойчивости (величин ее показателей, компонентов) развития АПК от бюджетной обеспеченности муниципальных районов субъекта Российской Федерации (Кемеровской области – Кузбасса). Ввиду того, что результаты анализа зависят от используемых исходных данных, справедливо допустить некое сомнение в достоверности выявленных причинно-следственных связей и корреляций. При использовании другого набора данных (при применении алгоритма методики на материалах другого субъекта Российской Федерации), результаты анализа могут существенно отличаться. Выводы, обоснованные корреляционным анализом в одном случае, окажутся необоснованными в другом случае. Наличие сильной и функциональной связи между показателями бюджета может объясняться сложившимися (устоявшимися) пропорциями между статьями расходов при распределении средств бюджета на уровне региона и, как следствие, в муниципальном районе. Учитывая, что целью данной работы заявлено не *обоснование влияния*, а лишь *определение влияния*, автор считает исследование завершенным.

Заключение

Использование математических методов позволило создать методику количественной оценки степени связи показателей и компонентов устойчивости развития АПК от бюджетной обеспеченности (показателей доходной и расходной частей бюджета) муниципальных районов. Методика предназначена для практического использования применительно к статистическим данным муниципальных районов. Результаты можно использовать для интерпретации достигнутого уровня социально-экономического развития в муниципалитете / регионе, а также оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления и органов исполнительной власти регионов. В ходе проведенного анализа определено, что показатели бюджета:

1. В сильной и функциональной степени влияют на такие показатели компонентов устойчивого развития АПК, как:
   - численность сельского населения;
   - численность муниципальных служащих и ОМС.
2. В умеренной и средней степени с показателями компонентов устойчивого развития АПК коррелируют:
   - величина инвестиций в основной капитал АПК;
   - денежный доход на душу населения, занятого в сфере сельского хозяйства;
   - число учреждений здравоохранения;
   - расходы на охрану окружающей среды.
3. В целом проявляют умеренно-средний уровень влияния на устойчивость развития АПК.

Показатели бюджета, в наибольшей степени определяющие значение компонент устойчивого развития АПК, – *собственные доходы* и *образование*. Остальные показатели оказывают умеренное влияние.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Блиев И. А., Блиева М. В. Экономика России: от кризиса к устойчивому развитию. *Современные научные исследования и разработки*. 2017. № 7. С. 415–418. [Bliev I. A., Blieva M. V. The Russian economy: from crisis to sustainable development. *Sovremennye nauchnye issledovaniia i razrabotki*, 2017, (7): 415–418. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/zsjkur
2. Коваленко Е. Г., Мурашова Н. В. Оценка устойчивости социально-экономического развития сельских муниципальных районов Нижегородской области. *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2021. Т. 10. № 3. С. 178–182. [Kovalenko E. G., Murashova N. V. Sustainability assessment of socio-economic development of rural municipal areas of Nizhny Novgorod Region. *Azimut of Scientific Research: Economics and Administration*, 2021, 10(3): 178–182. (In Russ.)] https://doi.org/10.26140/anie-2021-1003-0041
3. Новоселова С. А., Попова Д. В. Оценка финансовой устойчивости предприятий АПК. *Актуальные вопросы учета и анализа в инновационной экономике*: Всерос. (Национ.) науч.-практ. конф. (Саратов, 11 декабря 2020 г.) Саратов: Центр социальных агроинноваций СГАУ. 2020. С. 139–141. [Novoselova S. A., Popova D. V. Assessment of financial stability of AIC enterprises. *Current issues of accounting and analysis in the innovative economy*: Proc. All-Russ. (Nation.) Sci.-Prac. Conf., Saratov, 11 Dec 2020. Saratov: Center for Social Agroinnovations of SSAU, 2020, 139–141. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/highsp
4. Багаева А. И., Оздоева З. Х. Бюджетирование как высокоэффективный инструмент сбалансированного формирования устойчивости муниципальных финансов. *Вестник Академии знаний*. 2020. № 37. С. 419–423. [Bagaeva A. I., Ozdoeva Z. H. Budgeting as a highly effective tool for balanced formation of municipal finance sustainability. *Bulletin of the Academy of Knowledge*, 2020, (37): 419–423. (In Russ.)] https://doi.org/10.24411/2304-6139-2020-10202
5. Кириллова С. С., Савенкова Е. Г., Новичкова В. В. Бюджетное планирование и прогнозирование как важнейшая стадия бюджетного процесса на муниципальном уровне. *Наука и Образование*. 2022. Т. 5. № 4. [Kirillova S. S., Savenkova E. G., Novichkova V. V. Budget planning and forecasting as the most important stage of the budget process at the municipal level. *Nauka i Obrazovanie*, 2022, 5(4). (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/jkmpyx
6. Панфилов Г. В. Направления муниципальной политики в сельском развитии. *Интерактивная наука*. 2020. № 3. С. 28–31. [Panfilov G. V. Directions of municipal policy in rural development. *Interactive science*, 2020, (3): 28–31. (In Russ.)] https://doi.org/10.21661/r-530455
7. Сюпова М. С. Угрозы и индикаторы муниципальной экономической безопасности. *Ученые заметки ТОГУ*. 2020. Т. 11. № 2. С. 160–165. [Syupova M. S. Threats and indicators of municipal economic security. *Scientists notes PNU*, 2020, 11(2): 160–165. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/isrovo
8. Новичкова В. В., Кириллова С. С. Бюджетные расходы муниципальных районов и пути их оптимизации. *Наука и Образование*. 2022. Т. 5. № 4. [Novichkova V. V., Kirillova S. S. Budget expenditures of municipal districts and ways to optimize them. *Nauka i Obrazovanie*, 2022, 5(4). (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/gcwazk
9. Кулагина О. В., Аверина О. В. Оценка бюджетной устойчивости муниципальных образований (на примере муниципального образования «Город Биробиджан» Еврейской автономной области). *Власть и управление на Востоке России*. 2020. № 1. С. 16–23. [Kulagina O. V., Averina O. V. Formation of the fiscal sustainability of municipalities (by the example of the municipality "Birobidzhan City" the Jewish Autonomous region). *Power and Administration in the East of Russia*, 2020, (1): 16–23. (In Russ.)] https://doi.org/10.22394/1818-4049-2020-90-1-16-23
10. Вылегжанина Е. В., Гребенникова В. А. Актуальные подходы к оценке финансовой устойчивости муниципальных бюджетов. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2020. № 5-2. С. 255–262. [Vylegzhanina E. V., Grebennikova V. A. Actual approaches to assessing the financial stability of municipal budgets. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 2020, (5-2): 255–262. (In Russ.)] https://doi.org/10.17513/vaael.1137
11. Плотников С. Н., Труханович Д. С. Основные показатели, применяемые для оценки устойчивости бюджета муниципального образования. *Контентус*. 2020. № 5. С. 63–70. [Plotnikov S. N., Trukhanovich D. S. Main indicators used to assess the sustainability of the municipal budget. *Kontentus*, 2020, (5): 63–70. (In Russ.)] https://doi.org/10.24411/2658-6932-2020-10044

12. Молотков Ю. И., Ильин Д. П. Стратегия программно-проектного целевого социально-экономического развития муниципального района. *Профессиональное образование в современном мире*. 2020. Т. 10. № 2. С. 3702–3717. [Molotkov Yu. I., Ilin D. P. Strategy of program-project targeted socio-economic development of the municipal district. *Professional education in the modern world*, 2020, 10(2): 3702–3717. (In Russ.)] https://doi.org/10.15372/PEMW20200208
13. Вармунд И. А., Пенькова В. Ю. Совершенствование методики определения уровня бюджетной обеспеченности муниципальных районов. *Наука молодых – будущее России*: 5 Междунар. науч. конф. перспективных разработок молодых ученых: в 4 т. (Курск, 10–11 декабря 2020 г.) Курск: ЮЗГУ, 2020. Т. 1. С. 33–36. [Varmund I. A., Penkova V. Iu. Improving the methodology for determining the budgetary provision level of municipal districts. *Young Scientists – Future of Russia*: Proc. 5th Intern. Sci. Conf. of Young Scientists' Promising Developments: in 4 Vols., Kursk, 10–11 Dec 2020. Kursk: SWSU, 2020, vol. 1, 33–36. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/aoaisg
14. Пенькова В. Ю. Определение уровня бюджетной обеспеченности муниципальных районов, проблемы и пути совершенствования. *Наука молодых – будущее России*: 5 Междунар. науч. конф. перспективных разработок молодых ученых: в 4 т. (Курск, 10–11 декабря 2020 г.) Курск: ЮЗГУ, 2020. Т. 1. С. 171–174. [Pen′kova V. Iu. Determining the level of municipal districts' budgetary provision, problems and ways of improvement. *Young Scientists – Future of Russia*: Proc. 5th Intern. Sci. Conf. of Young Scientists' Promising Developments: in 4 Vols., Kursk, 10–11 Dec 2020. Kursk: SWSU, 2020, vol. 1, 171–174. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/qqiojl
15. Трысячный В. И. Устойчивое развитие территориального АПК в контексте обеспечения продовольственной безопасности. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2022. № 2. С. 197–199. [Trysyachny V. I. Sustainable development of the AIC in the context of food security. *Journal of Economy and Business*, 2022, (2): 197–199. (In Russ.)] https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-284-197-199
16. Холодова К. С., Сыроижко В. В. Возможности повышения уровня бюджетной обеспеченности муниципальных образований. *Тенденции развития науки и образования*. 2021. № 70-3. С. 131–134. [Kholodova K. S., Syroizhko V. V. Opportunities to increase the budgetary provision level of municipalities. *Tendentsii razvitiia nauki i obrazovaniia*, 2021, (70-3): 131–134. (In Russ.)] https://doi.org/10.18411/lj-02-2021-107
17. Яковенко Н. В., Тен Р. В., Комов И. В., Диденко О. В. Устойчивость социально-экономического развития муниципальных образований Воронежской области. *Юг России: экология, развитие*. 2021. Т. 16. № 1. С. 87–97. [Yakovenko N. V., Ten R. V., Yakovenko N. V., Didenko O. V. Sustainability of social and economic development of municipalities in the Voronezh Region, Russia. *South of Russia: ecology, development*, 2021, 16(1): 87–97. (In Russ.)] https://doi.org/10.18470/1992-1098-2021-1-87-97
18. Шаренко А., Клюкин А. Классификация факторов, влияющих на финансовую устойчивость организаций АПК. *Повышение эффективности крупнотоварного производства и предпринимательства в новых условиях хозяйствования*: XIV Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 14–15 октября 2021 г.) Мн.: Институт системных исследований в АПК Национальной академии наук Беларуси, 2022. С. 239–242. [Sharenko A., Klyukin A. Classification of factors affecting the financial stability of agricultural organizations. *Improving the efficiency of large-scale production and entrepreneurship in new economic conditions*: Proc. XIV Intern. Sci.-Prac. Conf., Minsk, 14–15 Oct 2021. The Institute of System Research in Agro-Industrial Complex of NAS of Belarus, 2022, 239–242. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/jqkfos
19. Кошелева Е. Г., Габилин И. Г. Инновационные бизнес-модели как фактор устойчивого развития агропромышленного комплекса региона. *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. 2021. № 4. [Kosheleva E. G., Gabilin I. G. Innovative business models as a factor of sustainable development of the agro-industrial complex of the region. *Regional economy and management: electronic scientific journal*, 2021, (4). (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/vpmgtr
20. Нухов Н. И., Курбанова У. А. Высокотехнологичные инновации в сельском хозяйстве. *Синергия Наук*. 2021. № 58. С. 173–177. [Nukhov N. I., Kurbanova U. A. High-tech innovations in agriculture. *Sinergiia Nauk*, 2021, (58): 173–177. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/tquuqg
21. Ахмадеев А. М. Важность инноваций для развития российского сельского хозяйства. *Экономика и управление: научно-практический журнал*. 2022. № 4. С. 4–9. [Akhmadeev A. M. The importance of innovations for the development of Russian agriculture. *Economics and Management: Research and Practice Journal*, 2022, (4): 4–9. (In Russ.)] https://doi.org/10.34773/EU.2022.4.1
22. Ивойлова И. В. Инновации в сельском хозяйстве: цифровизация. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2022. № 2. С. 58–62. [Ivoilova I. V. Innovations in agriculture: digitalization. *Journal of Economy and Business*, 2022, (2): 58–62. (In Russ.)] https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-284-58-62

23. Иванова Д. Е., Сибилева А. А. Цифровизация как основной вектор инновационного развития АПК. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2022. № 4. С. 309–313. [Ivanova D. E., Sibileva A. A. Digitalization as the main vector of innovative development of the agro-industrial complex. *State and Municipal Management. Scholar Notes*, 2022, (4): 309–313. (In Russ.)] https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-4-309-313
24. Маслова В. Инвестиционное развитие АПК России: проблемы и перспективы. *Повышение эффективности крупнотоварного производства и предпринимательства в новых условиях хозяйствования:* XIV Междунар. науч.-практ. конф. (Мн., 14–15 октября 2021 г.) Минск: Институт системных исследований в АПК Национальной академии наук Беларуси, 2022. С. 128–131. [Maslova V. Investment development of the Russian agro-industrial complex: problems and prospects. *Improving the efficiency of large-scale production and entrepreneurship in new economic conditions*: Proc. XIV Intern. Sci.-Prac. Conf., Minsk, 14–15 Oct 2021. The Institute of System Research in Agro-Industrial Complex of NAS of Belarus, 2022, 128–131. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/ytmhst
25. Осипова А. И. Анализ ликвидности баланса и финансовой устойчивости предприятия АПК. *Вестник Донского государственного аграрного университета*. 2020. № 4-2. С. 98–103. [Osipova A. I. Analysis of the balance sheet liquidity and financial stability of the agribusiness enterprise. *Bulletin of Don State Agrarian University*, 2020, (4-2): 98–103. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/gdduce
26. Палагина О. А. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления. *Ученые заметки ТОГУ*. 2020. Т. 11. № 2. С. 246–251. [Palagina O. A. Assessment of efficiency of activities of local self-government bodies. *Scientists notes PNU*, 2020, 11(2): 246–251. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/bpayos
27. Китиева М. И., Орцханова М. А., Полонкоева Ф. Я. Повышение эффективности управления устойчивым развитием региона – приоритетная задача региональных органов управления. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2020. № 2-1. С. 137–139. [Kitieva M. I., Ortskhanova M. A., Polonkoeva F. Ya. Improving the effectiveness of sustainable development management in the region is a priority for regional governments. *Journal of Economy and Business*, 2020, (2-1): 137–139. (In Russ.)] https://doi.org/10.24411/2411-0450-2020-10104
28. Степанов А. А., Савина М. В., Потехина Е. В. Ключевые показатели эффективности и их использование в управлении реализацией муниципальной инновационной политики (вопросы теории). *Экономические системы*. 2021. Т. 14. № 1. С. 67–75. [Stepanov A. A., Savina M. V., Potekhina E. V. Key performance indicators and their use in managing the implementation of municipal innovation policy (theoretical questions). *Economic Systems*, 2021, 14(1): 67–75. (In Russ.)] https://doi.org/10.29030/2309-2076-2021-14-1-67-75
29. Пасмурцева Н. Н. Нормативно-правовое регулирование и методики расчета показателей для мониторинга и оценки эффективности деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в России. *Финансовые и правовые аспекты социально ориентированного инвестирования*: V Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 18 ноября 2021 г.) Екатеринбург: УрГЭУ, 2022. С. 195–199. [Pasmurtseva N. N. Regulatory and legal regulation and methods of calculating indicators for monitoring and evaluating the effectiveness of public authorities and local self-government in Russia. *Financial and legal aspects of socially oriented investment*: Proc. V All-Russ. Sci.-Prac. Conf., Ekaterinburg, 18 Nov 2021. Ekaterinburg: USUE, 2022, 195–199. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/fdzfdm
30. Пастухов М. М., Иваненко И. Н. Проблема теоретического выделения критериев и показателей эффективности деятельности органов местного самоуправления. *Актуальные направления научных исследований: перспективы развития*: III Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 8 октября 2017 г.) Чебоксары: Интерактив плюс, 2017. С. 334–337. [Pastukhov M. M., Ivanenko I. N. The problem of theoretical definition of local self-government bodies' criteria and performance indicators. *Current directions of scientific research: prospects for development*: Proc. III Intern. Sci.-Prac. Conf., Cheboksary, 8 Oct 2017. Cheboksary: Interaktiv plius, 2017, 334–337. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/zpiyah

© 2023. Belekhova G. V.

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
POLITOLOGY, SOCIOLOGY AND ECONOMICS

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Потребительские практики и настроения населения в условиях нестабильности 2020–2022 гг. (региональный аспект)

Белехова Галина Вадимовна
Вологодский научный центр Российской академии наук, Россия, Вологда
https://orcid.org/0000-0002-6373-9043
belek-galina@yandex.ru

Поступила 17.04.2023. Принята после рецензирования 30.06.2023. Принята в печать 30.06.2023.

Аннотация: Кризисы различной природы являются неотъемлемой частью общественного развития. На уровне отдельных домохозяйств и населения кризисы в первую очередь проявляются в изменении доходов и потребления, что актуализирует необходимость изучения потребительского поведения и настроений населения в нестабильных социально-экономических условиях. Цель исследования – проанализировать тенденции потребительских практик и настроений жителей Вологодской области в период изменений социально-экономической ситуации 2020–2022 гг., обусловленных действием внешних объективных факторов. Исследование основывается на данных мониторинга общественного мнения, проводимого Вологодским научным центром РАН. Определено, что потребительские практики населения региона практически не изменяются в количественном и качественном плане, потребительские настроения также стабильны. Сохраняется нейтральная оценка благоприятности и своевременности крупных покупок, приобретения автомобиля, жилья, формирования сбережений. Однако стабильно умеренный уровень потребительских практик и настроений указывает на то, что жители региона не ожидают положительных изменений в экономической жизни своей семьи и страны в ближайшем будущем.

Ключевые слова: потребление, продовольственные товары, непродовольственные товары, мониторинг, трансформация, потребительские настроения, потребительские практики, доход

Цитирование: Белехова Г. В. Потребительские практики и настроения населения в условиях нестабильности 2020–2022 гг. (региональный аспект). *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 3. С. 366–377. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-3-366-377

full article

Consumer Practice and Population Sentiment in Conditions of 2020–2022 Instability (regional aspect)

Galina V. Belekhova
Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Russia, Vologda
https://orcid.org/0000-0002-6373-9043
belek-galina@yandex.ru

Received 17 Apr 2023. Accepted after peer review 30 Jun 2023. Accepted for publication 30 Jun 2023.

Abstract: Various crises are integral for social development. Primarily crises manifest themselves in income and consumption changes, which makes consumer behavior and population sentiment studies necessary in unstable socio-economic conditions. The purpose of the study is to analyze consumer practice and population sentiment trends in the Vologda Oblast during the socio-economic changes of 2020–2022. The author determines that consumer practices of the region's population hardly change in quantitative and qualitative terms, consumer sentiments also appear stable. Population's assessment of capability for large purchases, car and housing purchases, savings remains neutral. However, the persistency of neutral consumer practices and sentiments levels suggests that the residents of the region do not expect positive changes in the economic life of their family and the country in the near future.

Keywords: consumption, food products, non-food products, monitoring, transformation, consumer sentiment, consumer practices, income

Citation: Belekhova G. V. Consumer Practice and Population Sentiment in Conditions of 2020–2022 Instability (regional aspect). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(3): 366–377. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-3-366-377

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

Введение

Внутренний потребительский спрос выступает одним из традиционных факторов, стимулирующих экономический рост в России [1, с. 333–334]. «В частности, восстановление экономики России в 2000-х – начале 2010-х гг. в своей основе имело постоянный рост внутреннего спроса. Кроме того, потребительское поведение населения является маркером адаптации граждан к трансформирующимся условиям социально-экономической жизни» [2, с. 41] и разного рода кризисным процессам в экономической и политической жизни государства.

Каждое общество, каждое государство в своем развитии неизбежно проходит через кризисы, которые имеют различную природу. Некоторые обусловлены политическими причинами (военные локальные и межгосударственные конфликты, этнические противостояния и т. п.), другие исходят из системы экономических отношений (финансовая рецессия, санкции и т. д.), истоки третьих лежат в социальной плоскости (культурно-идеологические сдвиги, социальная дифференциация и пр.) [3, с. 23]. Последствия кризисов не всегда однозначны и предсказуемы: одни радикально изменяют социум и трансформируют институциональную и социально-экономическую систему, другие лишь временно влияют на поведенческие стратегии населения и управленческие решения, не оказывая кардинального влияния на устоявшийся социальный порядок [4, с. 739].

На уровне населения и отдельных домохозяйств кризисы в первую очередь проявляются в изменении доходов и потребления, т. е. изменяются частота покупок, потребительская корзина, размер единовременных трат, критерии выбора производителя или продавца и пр. [5]. Зарубежные исследователи отмечают, что во время пандемии COVID-19 потребление домохозяйств осталось на прежнем уровне, но изменились приоритеты и предпочтения в отношении приобретаемых ими продуктов [6]. В частности, потребители стали покупать больше полезных для здоровья продуктов, предметов первой необходимости и медицинских товаров [7]. В России «резкое падение продаж в условиях жестких карантинных мер сменилось по мере их ослабления постепенным восстановлением», при этом «структура потребления населения в период наиболее жестких карантинных ограничений в определенной степени архаизировалась и свелась к удовлетворению жизненно важных запросов (питание и гигиена)» [8, с. 159]. В то же время рациональные стратегии поведения в кризисные периоды всегда перемежаются с девиантными потребительскими практиками: спешной закупкой продовольственных товаров длительного хранения; скупкой гречи, имбиря и туалетной бумаги в начале пандемии коронавируса; приобретением третьего телевизора во время нестабильности 2014–2015 гг. и др.

Соответственно, научный интерес представляют отслеживание и объяснение тенденций потребительских практик и настроений населения в нестабильных и кризисных социально-экономических условиях. То, каким образом население распоряжается своими деньгами, как распределяет их между потреблением и накоплением, как изменяется ассортимент, объем и качество приобретаемых товаров во многом определяет содержание и продолжительность кризисных процессов в экономике, а также характеризует адаптивность населения к новой реальности.

Потребительские настроения и практики населения широко изучаются отечественными и зарубежными специалистами, поскольку, с одной стороны, платежеспособный спрос выступает важным фактором планирования деятельности предприятий, принятия решений о наращивании мощностей, реализации инвестиционных проектов, экономической безопасности территории [9–11], с другой стороны, динамика потребительских расходов домашних хозяйств является индикатором реакции населения на сложившуюся социально-культурную и финансово-экономическую ситуацию [12].

Исследование особенностей потребительского поведения обычно опирается на статистические данные и включает анализ динамики полученных доходов, структуры и объема расходов, розничного товарооборота и т. п. В работах [13; 14] выполнен анализ динамики доходов и потребительских расходов в разрезе макрорегионов России, что позволило установить смещение вектора потребления населения в 2018–2021 гг. в сторону приобретения продуктов питания и оплаты обязательных платежей и взносов, а также изучить особенности потребления по социально-доходным группам. Исследование И. А. Лакман и др. с использованием данных кросс-секционных наблюдений за 2010–2019 гг. позволило показать, что доходы населения и оборот розничной торговли пространственно зависимы, а также выявить факторы позитивного (уровень доходов) и негативного (масштабы неравенства) влияния на объемы потребления [15]. Существенные выводы получены Н. В. Зубаревич и С. Г. Сафроновым по результатам динамического и эконометрического анализа макроэкономических показателей, характеризующих доходы, потребление и финансы населения за период 2000–2017 гг. [16].

По причине того, что официальные статистические данные не позволяют оперативно оценить изменения потребительского поведения, при изучении потребительских практик населения часто используется

субъективистский подход, значение которого особенно возрастает в условиях динамичных изменений внешней среды. В частности, в работах [10; 17] отражено применение традиционного подхода к оценке потребительского поведения (в т. ч. в период кризиса 2014–2015 гг.), который строится на анализе динамики индекса потребительских настроений и показателей оценки обеспеченности основными товарами, материальных возможностей покупки продуктов питания и непродовольственных товаров, количества и качества приобретаемых товаров.

Следует понимать, что объективные факторы потребительских решений (уровень доходов, цены на потребительском рынке, текущие и планируемые потребности) «в современной экономике неизбежно опосредуются настроениями и субъективными воззрениями населения, т. е. оценками и ожиданиями относительно своего материального положения, занятости, динамики цен, общеэкономических перспектив развития страны в целом» [10, с. 154]. Кроме того, продолжительное снижение уровня жизни населения и, соответственно, ограничения в потреблении могут оказывать негативное влияние на отношение граждан к событиям социальной реальности, социальное самочувствие, степень поддержки действий органов власти и готовность к активным действиям [18–20]. Поэтому исследования потребительских практик и настроений населения важны не только на макроуровне, но и на уровне регионов. Такие исследования с большей репрезентативностью позволят получить достоверное описание текущей ситуации и, возможно, выявить уникальные особенности конкретной территории, что важно при планировании программ и проектов в рамках экономической и социальной политики. В соответствии с этим, в данной работе проводится анализ потребительских практик и настроений населения Вологодской области для понимания характера адаптации населения к кризисным процессам 2020–2022 гг.

Методы и материалы

Для изучения потребительских практик и настроений населения используется инструментарий мониторинговых исследований общественного мнения, осуществляемых Вологодским научным центром Российской академии наук на территории Вологодской области[1]. Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения проводится 6 раз в год в крупных городах, таких как Вологда и Череповец, и в 8 районах области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности (в каждую волну) – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная, ошибка выборки не превышает 3 %. Для целей исследования выбраны февральские волны исследования, поскольку они содержат необходимые вопросы о динамике потребительских настроений и практик населения.

Традиционно для анализа потребительских настроений населения применяется покомпонентный и индексный метод. На основе данных социологических опросов по отдельным индикаторам рассчитываются индексы оценки количества и качества приобретаемых товаров и услуг, своевременности крупных покупок, перспектив материального положения, интегрированный индекс потребительских настроений населения. Изменения рассчитываемых индексов связаны с изменением поведения массового потребителя, что делает их независимыми обобщенными макроэкономическими показателями, рассчитанными на основе микроэкономической по своей сути информации [21].

В рамках данного исследования мы остановимся на покомпонентной оценке, т. е. рассмотрим динамику отдельных индикаторов потребительских практик и настроений. Используются следующие показатели:

- самооценка материального положения и покупательной способности (формулировка вопроса «какая из приведенных ниже оценок наиболее точно характеризует Ваши денежные доходы?»);
- оценка потребления продовольственных / непродовольственных товаров по количеству (формулировка вопроса «как изменилось количество (объем) приобретаемых Вами продовольственных / непродовольственных товаров в 2022 г. по сравнению с 2021 г.?»[2]);
- оценка потребления продовольственных / непродовольственных товаров по ассортименту (формулировка вопроса «была ли у Вас материальная возможность в 2022 г. покупать продукты питания / непродовольственные товары в необходимом количестве?»);
- оценка потребления продовольственных / непродовольственных товаров по качеству (формулировка вопроса «изменилось ли качество приобретаемых Вами продуктов питания / непродовольственных товаров в 2022 г. по сравнению с 2021 г.?»).

[1] Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения. *Проблемы развития территории*. 2018–2022 гг. URL: http://pdt.vscc.ac.ru/ (дата обращения: 12.02.2023).

[2] Здесь и далее – формулировка вопроса в анкете 2023 г. (февраль). В анкете 2022 г. (февраль) формулировка вопроса «как изменилось количество (объем) приобретаемых Вами продовольственных товаров в 2021 г. по сравнению с 2020 г.?» и т. д.

Дополнительно использовались вопросы, оценивающие социальное настроение населения, что позволило изучить влияние изменений в потреблении на социальное самочувствие населения региона. В качестве временных границ для исследования выбран период 2018–2022 гг. Выбор обусловлен не только доступностью необходимых данных, но и наличием контрольной точки, т. е. 2018 г., который можно охарактеризовать как относительно стабильный с точки зрения процессов в обществе и экономике по сравнению с 2020–2022 гг., сопровождавшимися существенными трансформациями социально-экономической жизни.

Результаты

Основная часть жителей Вологодской области позиционирует себя как *малообеспеченные* (49 % в 2018 г., 50 % в 2022 г.), т. е. им хватает денег для покупки продовольственных товаров и необходимой одежды, но есть трудности с приобретением дорогостоящих товаров (табл. 1). Значительна доля населения, находящегося в уязвимом положении – порядка 40 % опрошенных идентифицируют себя как *бедные* и *нищие*. Заметно ниже удельный вес населения, считающего себя *обеспеченным*, способного приобрести большинство дорогостоящих товаров (10 % в 2018 г., 9 % в 2022 г.). В период 2018–2022 гг. отмечаются слабые колебания (в пределах ошибки выборки), состоящие в несущественных изменениях удельного веса групп бедного и малообеспеченного населения. В это же время жители области стали чаще указывать, что сталкивались с такими проблемами, как отсутствие средств на платное лечение (20 % в 2018 г., 30 % в 2022 г.), невозможность улучшить жилищные условия из-за высокой стоимости жилья (25 и 28 % соответственно), невозможность приобрести туристическую путевку по причине дороговизны (9 % и 17 % соответственно). Другими словами, в последние годы на фоне неизменных самооценок материального положения население региона все чаще испытывает затруднения в оплате жизненно важных расходов.

В отношении *приобретения продуктов питания* в 2018–2022 гг. не наблюдается значимых изменений по объему (табл. 2). В основном население Вологодской области приобретало продовольственные товары в том же количестве, что и в предыдущем году, причем в 2022 г. охват данной потребительской практики немного вырос. Менее трети жителей региона покупали меньше, чем прежде, почти каждый десятый житель смог купить больше, чем прежде, остальные 10–13 % затруднились ответить. Население области в основном приобретало самые необходимые продукты питания либо все, кроме самых дорогостоящих, хотя доля данной группы в 2022 г. несколько сократилась. По-прежнему немногие могли позволить себе покупку любых продуктов питания.

Табл. 1. Самооценка финансового положения населения Вологодской области, % от числа опрошенных
Tab. 1. Self-assessment of financial status by the Vologda Oblast population, % of respondents

Характеристика	2018	2020	2022	Изменение, 2022 г. к 2018 г., п. п.
Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать (высокообеспеченные)	3,7	2,2	2,2	–1,5
Покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает трудностей, однако покупка автомашины сейчас недоступна (среднеобеспеченные)	9,7	10,8	9,2	–0,5
Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом (малообеспеченные)	48,6	43,8	50,1	1,5
Денег хватает только на приобретение продуктов питания (бедные)	30,9	36,9	32,8	1,9
Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, приходится влезать в долги (нищие)	7,0	6,4	5,7	–1,3
Справочно: реальные располагаемые денежные доходы, в % к предыдущему году[3]	99,3	99,8	95,9	–

[3] Основные показатели, характеризующие уровень жизни населения Вологодской области. *Вологдастат*. URL: https://vologdastat.gks.ru/uroven-zhizni (дата обращения: 19.03.2023).

Табл. 2. Характеристики потребления продовольственных товаров, % от опрошенных
Tab. 2. Food products consumption patterns, % of respondents

Вариант ответа	2018	2020	2022	Изменение, 2022 г. к 2018 г., п. п.
В количественном плане приобретали продовольственных товаров…				
Больше, чем прежде	10,1	7,7	7,8	–2,3
В том же объеме, что и прежде	52,1	52,1	57,4	5,3
Меньше, чем прежде	24,5	30,6	24,4	–0,1
Затрудняюсь ответить	13,3	9,5	10,4	–2,9
По ассортименту приобретали…				
Любые продукты питания	8,0	4,0	3,8	–4,2
Большинство продуктов питания, кроме самых дорогостоящих	28,5	24,4	22,9	–5,6
Только самые необходимые продукты питания	52,0	54,7	54,3	2,3
Испытывали трудности даже при покупке самых необходимых продуктов питания	5,9	10,7	9,1	3,2
Затрудняюсь ответить	5,5	6,3	9,9	4,4

Что касается качества продовольственных товаров, то почти в два раза сократилась доля населения, указывающая на их улучшение – с 25 % в 2018 г. до 14 % в 2022 г. При этом у большей части опрошенных качество приобретаемых продуктов питания не изменилось (табл. 3).

Практики *покупки непродовольственных товаров* во многом похожи (табл. 4): в основном жители Вологодской области приобретали их в том же количестве, что и в предыдущем году (50 % в 2018 г., 48 % – в 2022 г.), причем это были либо самые необходимые непродовольственные товары (54 % в 2018 г., 58 % – в 2022 г.) либо все, кроме дорогостоящих (23 % – в 2018 г., 21 % – в 2022 г.); качество товаров оставалось прежним (56–60 % в 2018–2022 гг.). Укрепились нейтральные оценки *только самые необходимые товары / качество не изменилось*.

Так, несмотря на трудности в экономической деятельности многих предприятий (из-за стагнации, особенностей сбыта энергоресурсов, последствий введения ограничений в период пандемии и пр.), а также низкие темпы роста доходов населения региона и умеренные самооценки материальных возможностей, потребительские практики населения Вологодской области в 2020–2022 гг. не претерпели существенных изменений. Можно предположить, что люди находят резервы и возможности для адаптации и трансформируют свое потребительское поведение исходя из доступных им денежных средств. Например, снижения потребления продуктов питания в 2020 г. удалось избежать благодаря структурной адаптации других расходов (сокращение или откладывание расходов на крупные приобретения, сужение потребления услуг и т. п.). Однако, важно отметить, что на протяжении длительного периода времени не наблюдается улучшений качества и ассортимента приобретаемых населением региона продовольственных и непродовольственных товаров.

Табл. 3. Характеристика качества приобретаемых продовольственных товаров, % от опрошенных
Tab. 3. Quality of purchased food products, % of respondents

Вариант ответа	2018	2020	2022	Изменение, 2022 г. к 2018 г., п. п.
Стало значительно лучше	3,1	1,9	2,0	–1,1
Немного улучшилось	21,9	14,2	11,7	–10,2
Не изменилось	48,4	52,2	54,9	6,5
Немного ухудшилось	10,8	16,1	13,2	2,4
Стало значительно хуже	5,9	5,9	5,3	–0,6
Затрудняюсь ответить	9,9	9,7	12,3	2,4

Табл. 4. Характеристики потребления непродовольственных товаров, % от опрошенных
Tab. 4. Non-food products consumption patterns, % of respondents

Вариант ответа	2018	2020	2022	Изменение, 2022 г. к 2018 г., п. п.
В количественном плане приобретали непродовольственных товаров…				
Больше, чем прежде	8,1	4,3	5,8	–2,3
В том же объеме, что и прежде	49,7	46,4	47,5	–2,2
Меньше, чем прежде	28,2	34,5	32,5	4,3
Затрудняюсь ответить	13,9	14,8	14,3	0,4
По ассортименту приобретали…				
Любые товары	4,3	2,9	2,3	–2,0
Большинство товаров, кроме самых дорогостоящих	22,5	20,3	21,0	–1,5
Только самые необходимые товары	53,7	55,5	58,5	4,8
Испытывали трудности даже при покупке самых необходимых товаров	12,7	15,3	12,7	–
Затрудняюсь ответить	6,7	6,0	5,5	–1,2
Качество приобретаемых непродовольственных товаров…				
Стало значительно лучше	3,6	0,9	2,3	–1,3
Немного улучшилось	13,0	11,9	9,6	–3,4
Не изменилось	56,4	57,7	59,7	3,3
Немного ухудшилось	11,9	14,8	11,7	–0,2
Стало значительно хуже	3,9	4,3	3,9	–
Затрудняюсь ответить	11,2	10,5	12,8	1,6

В данном контексте примечательно, что и потребительские настроения жителей региона стабильны (табл. 5). В рассматриваемом периоде весьма сдержанное мнение высказывается относительно благоприятности и своевременности крупных покупок для дома, приобретения автомобиля, жилья, а также формирования сбережений. Кроме того, данные на февраль 2023 г. также не фиксируют критического ухудшения оценок за последний год. Можно предположить, что население, неоднократно сталкивающееся с шоковыми потрясениями (кризисы 90-х и 2008–2009 гг., неопределенность 2014–2015 гг., стагнация 2017–2018 гг.), с каждым разом более сдержанно реагирует на изменения, не принимает резких или критических решений (не исключая случаи массового ажиотажа, панического потребления, изъятия вкладов и др.), допускает плавное сжатие своего потребления с учетом цен на потребительских рынках и пересмотра планируемых расходов.

События февраля 2022 г. естественным образом сказались на краткосрочных оценках – в отличие от 2018 г. жители Вологодской области чаще указывали на отсутствие уверенности в завтрашнем дне (21 % в 2018 г., 54 % в 2022 г.). В то же время среднегодовые оценки показателей социального самочувствия[4] свидетельствуют о выравнивании психоэмоционального состояния населения региона. Так, социальное настроение населения Вологодской области оставалось достаточно благоприятным: в 2020–2022 гг. доля жителей, испытывающих преимущественно положительные эмоции (прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние) держалась на уровне 70 %[5], тогда как оценки негативного спектра (испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску) охватывали лишь четверть населения (рис. 1).

Запас терпения населения Вологодской области отражен на рисунке 2. Жители Вологодской области преимущественно оценивали свое положение

[4] Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения проводится 6 раз в год. Вопрос о социальном настроении и запасе терпения задается 6 раз в год. Вопрос о проблемах, с которыми столкнулось население (одним из вариантов которого является *отсутствие уверенности в завтрашнем дне*), задается только в февральскую волну мониторинга.

[5] За исключением 2020 г., когда фиксировалось снижение до 61 %.

Табл. 5. Оценка благоприятности и своевременности покупок и сбережений, % от числа опрошенных
Tab. 5. Evaluation of the favorableness and timeliness of purchases and savings, % of respondents

Вариант ответа	2018	2020	2022	2023	Изменение, п. п.	
					2022 г. к 2018 г.	2023 г. к 2022 г.
Сейчас хорошее или плохое время для того, чтобы совершать крупные покупки для дома (мебель, холодильник, бытовая электроника, телевизор)?						
Хорошее	15,8	20,1	21,4	16,1	5,6	–5,3
Не плохое, но и не хорошее	40,5	46,5	45,4	47,6	4,9	2,2
Плохое	23,5	15,9	20,1	23,4	–3,3	3,3
Затрудняюсь ответить	20,2	17,4	13,1	12,9	–7,1	–0,2
Сейчас в целом хорошее или плохое время для того, чтобы покупать автомобиль?						
Хорошее	17,2	21,7	19,7	16,3	2,5	–3,4
Не плохое, но и не хорошее	31,6	40,0	35,9	38,6	4,3	2,7
Плохое	28,4	21,1	27,4	31,0	–1,0	3,6
Затрудняюсь ответить	22,8	17,3	16,9	14,1	–5,9	–2,8
Сейчас в целом хорошее или плохое время для того, чтобы покупать жилье?						
Хорошее	18,9	23,9	19,3	16,8	0,4	–2,5
Не плохое, но и не хорошее	32,5	38,1	34,7	36,1	2,3	1,4
Плохое	27,1	21,4	29,5	32,5	2,3	3,0
Затрудняюсь ответить	21,5	16,6	16,5	14,7	–5,0	–1,8
Сейчас хорошее время для крупных покупок в кредит, долг или в нынешних условиях лучше не брать кредит, долг?						
Хорошее	12,5	14,0	11,7	8,8	–0,8	–2,9
Не плохое, но и не хорошее	22,0	31,2	26,0	27,6	4,0	1,6
Плохое	48,7	39,7	47,3	48,3	–1,4	1,0
Затрудняюсь ответить	16,8	15,1	15,0	15,3	–1,8	0,3
Сейчас в целом хорошее или плохое время для того, чтобы делать сбережения?						
Хорошее	19,1	21,8	21,1	18,7	2,0	–2,4
Не плохое, но и не хорошее	28,2	31,9	33,3	37,1	5,1	3,8
Плохое	27,5	25,1	27,7	28,9	0,2	1,2
Затрудняюсь ответить	25,2	21,2	17,9	15,2	–7,3	–2,7

Рис. 1. Социальное настроение населения Вологодской области, % от числа опрошенных
Fig. 1. Social sentiment of the Vologda Oblast population, % of respondents

как *все не так плохо и можно жить* или *жить трудно, но можно терпеть* (77 % в 2018 г., 72 % в 2020 г., 76 % в 2022 г.). Обыкновенно психоэмоциональное состояние сильнее подвергается влиянию кризиса у более обеспеченных людей с высшим образованием, проживающих в крупных городах. В целом наблюдаемое в 2020–2022 гг. распределение оценок выше значений начала 2000-х гг. и соответствует уровню середины 2010-х гг.

В то же время наблюдаемая фиксация потребительских практик и настроений не формирует у жителей региона положительного восприятия будущего. В частности, по данным мониторинга население Вологодской области не ожидает каких-либо заметных позитивных или негативных перемен в экономической жизни как своей семьи (предстоящий год будет таким же – 40 % в 2018 г., 42 % в 2022 г.), так и страны в целом (предстоящий год не будет хорошим, но и не будет плохим – 30 % в 2018 г., 34 % в 2022 г.).

Результаты прошлых исследований Вологодской области показали, что «чем выше уровень доходов и стабильнее объемы потребления, тем позитивнее оценки экономической и политической обстановки, выше поддержка органов государственного управления, благоприятнее социальное настроение. При этом отношение к социальной реальности более чувствительно к изменению объемов потребления, чем к уровню доходов» [22, с. 121]. Эти закономерности были характерны для кризиса 2014–2015 гг. В период 2020–2022 гг. они отчасти сохранились. Наибольшая доля людей с позитивным социальным настроением, высоким запасом терпения и ощущением уверенности в завтрашнем дне наблюдается среди населения, сохранившего прошлогодние объемы потребления продовольственных и непродовольственных товаров (табл. 6, 7, 8). И, наоборот, среди населения, сократившего объемы потребления обеих товарных групп, отмечается более высокий уровень социального напряжения и более низкий запас терпения.

Рис. 2. Запас терпения населения Вологодской области, % от числа опрошенных
Fig. 2. Patience stock of the Vologda Oblast population, % of respondents

Табл. 6. Социальное настроение и запас терпения в разрезе групп населения по изменению объемов потребления продовольственных товаров, % от числа опрошенных
Tab. 6. Social sentiment and patience stock in the context of population groups by changes in the food products consumption volume

Характеристика	Больше, чем прежде			В том же объеме, что и прежде			Меньше, чем прежде		
	2018	2020	2022	2018	2020	2022	2018	2020	2022
Социальное настроение									
Прекрасное, нормальное состояние	75,9	74,7	47,8	79,1	73,6	72,0	60,8	50,9	60,3
Испытываю напряжение, страх, тоску	24,1	25,3	52,2	20,9	26,4	28,0	39,2	49,1	39,7
Запас терпения									
Все не так плохо и можно жить	35,0	39,0	28,6	33,6	37,6	35,5	16,4	20,8	24,7
Жить трудно, но можно терпеть	45,4	45,0	42,0	53,2	46,6	53,6	49,2	42,3	49,8
Оба варианта (высокий запас терпения)	80,4	84,0	70,6	86,8	84,2	89,1	65,6	63,1	74,5
Терпеть уже невозможно (низкий запас терпения)	19,6	16,0	29,4	13,2	15,8	10,9	34,4	36,9	25,5

Табл. 7. Социальное настроение и запас терпения в разрезе групп населения по изменению объемов потребления непродовольственных товаров, % от числа опрошенных
Tab. 7. Social sentiment and stock of patience in the context of population groups by changes in the non-food products consumption, volume % of respondents

Характеристика	Больше, чем прежде			В том же объеме, что и прежде			Меньше, чем прежде		
	2018	2020	2022	2018	2020	2022	2018	2020	2022
Социальное настроение									
Прекрасное, нормальное состояние	69,0	68,4	52,9	81,9	76,0	74,9	58,4	52,2	59,3
Испытываю напряжение, страх, тоску	31,0	31,6	47,1	18,1	24,0	25,1	41,6	47,8	40,7
Запас терпения									
Все не так плохо и можно жить	33,0	29,6	31,3	36,7	41,9	37,1	14,5	21	21,1
Жить трудно, но можно терпеть	45,8	51,9	48,2	50,7	43,8	53,3	53,7	45,7	51,5
Оба варианта (высокий запас терпения)	78,8	81,5	79,5	87,4	85,7	90,4	68,2	66,7	72,6
Терпеть уже невозможно (низкий запас терпения)	21,2	18,5	20,5	12,6	14,3	9,6	31,8	33,3	27,4

Табл. 8. Ощущение отсутствия уверенности в завтрашнем дне в разрезе групп населения по изменению объемов потребления товаров, % от числа опрошенных
Tab. 8. Lack of confidence about the future in the context of population groups by changes in the products consumption volume, % of respondents

Характеристика	Больше, чем прежде			В том же объеме, что и прежде			Меньше, чем прежде		
	2018	2020	2022	2018	2020	2022	2018	2020	2022
Продовольственные товары									
Есть отсутствие уверенности	68,4	–	69,2	43,4	–	53,4	54,8	–	58,7
Нет отсутствия уверенности	31,6	–	30,8	56,6	–	46,6	45,2	–	41,3
Непродовольственные товары									
Есть отсутствие уверенности	65,6	–	64,4	42,2	–	52,4	58,6	–	63,2
Нет отсутствия уверенности	34,4	–	35,6	57,8	–	47,6	41,4	–	36,8

Отметим, что в группе населения, увеличившего объемы потребления продовольственных и непродовольственных товаров, в 2022 г. фиксируется резкое ухудшение социального настроения и некоторое снижение запаса терпения. Возможно, в предыдущие кризисные периоды представители данной группы находили альтернативные способы удовлетворения своих потребительских запросов, но ситуация 2022 г. повлияла на представленность товаропроизводителей, ассортимент и качество продуктов, что ограничило возможности по адаптации потребительских практик. Однако, они более уверены в будущем (вероятно, благодаря сформированному «запасу прочности»), чем группы граждан, сохранивших и сокративших объемы потребления, которые в 2022 г. стали говорить об отсутствии уверенности в завтрашнем дне (табл. 8). Естественно, приведенное объяснение не следует рассматривать как исчерпывающее, поскольку изменение социального самочувствия населения опосредованно многими другими ненаблюдаемыми факторами (социально-политическими, экономическими, идеологическими и пр.).

В 2020–2022 гг. Россия столкнулась с уникальными по своим качественным и количественным характеристикам потрясениями – стагнация экономического развития, задержки реализации национальных проектов, пандемия COVID-19, усиление санкционного давления и др. С окончанием одного потрясения, появлялось следующее, формируя *кризисную спираль*.

Однако, как показывают исследования некоторых отечественных ученых[6], несмотря на множество трудностей, эти потрясения оцениваются россиянами не как губительные или представляющие катастрофическую опасность, но имеющие ощутимые последствия в плане материального благополучия и потребительских возможностей [4, с. 742].

В некоторых исследованиях отмечалось, что в системе ценностей россиян доминирует материальная составляющая, а рост удовлетворенности жизнью и возможностями потребления скрадывает негативные перемены в экономике и политике страны [18]. Поэтому несколько парадоксальными на фоне потрясений последних лет кажутся выявленная стагнация материальных возможностей населения в сочетании с устойчивостью потребительских практик, отсутствием тревоги и надеждой на отсутствие ухудшений в будущем. При этом схожие тенденции фиксируются и в других исследованиях [4]. Отчасти такие закономерности объясняются воздействием глобализационных процессов, активным проникновением цифровых технологий в экономическую деятельность и повседневную жизнь, изменением социокультурных норм и появлением новых потребительских привычек [23]. В частности, потребление изменяется под воздействием использования цифровых технологий в покупках; осознанного отношения к здоровью и заботы об экологии; предпочтения локальных продуктов, услуг и производителей; более внимательного отношения к ценам приобретаемых товаров [24, с. 29]. Несмотря на это, полученные результаты могут рассматриваться как показатель неопределенности, противоречивости социального самочувствия населения региона и наличия скрытых негативных процессов в плане притязаний и запросов к общественному устройству, которые имеют разную степень проявления в зависимости от материального положения населения[7].

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить особенности потребительских практик и настроений населения Вологодской области в период нестабильности 2020–2022 гг., которые оказались во многом сопоставимыми с результатами смежных исследований, выполненных на данных других регионов и страны в целом. Были выделены следующие особенности потребительских практик и настроений населения:

- основная часть населения области позиционирует себя как малообеспеченные и бедные, при этом на фоне неизменных самооценок материального положения население все чаще испытывает затруднения в оплате жизненно важных расходов;
- потребительские практики жителей области не претерпели существенных изменений: в основном они приобретали продовольственные и непродовольственные товары в том же количестве, что и в предыдущем году, причем это были либо самые необходимые товары, либо все, кроме дорогостоящих, качество товаров осталось прежним;
- потребительские настроения населения региона в целом остались стабильны, обвального ухудшения не наблюдается. Преобладает нейтральная оценка благоприятности и своевременности крупных покупок для дома, приобретения автомобиля, жилья, формирования сбережений;
- способность приобретать товары, сохранившаяся в том же объеме, что и прежде, соотносится с позитивным социальным настроением и высоким запасом терпения;
- фиксация потребительских практик и настроений на умеренном уровне не формирует у жителей региона ожиданий положительных изменений в экономической жизни своей семьи и страны в ближайшем будущем.

Исследование позволило сформировать представление о потребительских практиках и настроениях населения конкретного региона в условиях кризисных процессов и неопределенности последних лет. Однако в обозримом будущем санкционное давление и геополитическая ситуация могут сформировать очередной виток проблем, в т. ч. в сферах розничной торговли и предоставления услуг. Следовательно, важно продолжать мониторинговые исследования потребительского поведения населения. Необходимо углублять их в плане оценки товарного ассортимента и перечня приобретаемых услуг, а также расширять, включая, прежде всего, уязвимые социально-демографические группы.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

[6] Имеются в ввиду исследования, охватывающие период 2017–2021 гг.

[7] Например, согласно результатам исследований в Вологодской области по таким критериям, как уровень одобрения деятельности органов власти, запас терпения, потенциал протеста, степень уверенности в будущем, «люди, по самооценке доходов относящиеся к категории 20 % наименее обеспеченных жителей области, чаще всего высказывают негативные суждения по сравнению с представителями прочих социально-демографических категорий населения» [20, с. 26].

Финансирование: Работа выполнена в рамках государственного задания ФГБУН ВолНЦ РАН № FMGZ-2022-0008 «Институты воспроизводства человеческого капитала современной России».

Funding: The research was a part of state task of The Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences FMGZ-2022-0008 "Institutions for the human capital reproduction in modern Russia".

Литература / References

1. Мау В. А. Кризисы и уроки. Экономика России в эпоху турбулентности. М.: Институт Гайдара, 2016. 488 с. [Mau V. A. *Russia's economy in an epoch of turbulence crises and lessons*. Moscow: Institut Gaidara, 2016, 488. (In Russ.)]
2. Белехова Г. В. Потребление vs сбережения: выбор россиян в условиях экономической нестабильности 2015–2017 гг. *ЭКО*. 2020. № 6. С. 26–47. [Belekhova G. V. Consumption vs. savings: the choice of Russians in the conditions of economic instability 2015–2017. *ECO*, 2020, (6): 26–47. (In Russ.)] https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-6-26-47
3. Сидоров А. А. Общественный запрос в периоды социальной турбулентности (по материалам социологического исследования в г. Томск). *Социодинамика*. 2021. № 11. С. 22–42. [Sidorov A. A. Public inquiry in the periods of social turbulence (based on the materials of sociological research in Tomsk). *Sociodynamics*, 2021, (11): 22–42. (In Russ.)] https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.11.36950
4. Горшков М. К., Тюрина И. О. Состояние и динамика массового сознания и поведенческих практик россиян в условиях пандемии COVID-19. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2021. Т. 21. № 4. С. 739–754. [Gorshkov M. K., Tyurina I. O. The state and dynamics of the Russian mass consciousness and behavioral practices under the COVID-19 pandemic. *RUDN Journal of Sociology*, 2021, 21(4): 739–754. (In Russ.)] https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-4-739-754
5. Svajdova L. Consumer behaviour during pandemic of COVID-19. *Journal of International Business Research and Marketing*, 2021, 6(3): 34–37. https://doi.org/10.18775/jibrm.1849-8558.2015.63.3005
6. Masood A. COVID-19 impact on consumer behaviour, demand and consumption. *International Journal for Innovative Research in Multidisciplinary Field*, 2021, 7(1): 63–67. http://dx.doi.org/10.2015/IJIRMF.2455.0620/202101012
7. Hesham F., Riadh H., Sihem N. K. What have we learned about the effects of the COVID-19 pandemic on consumer behavior? *Sustainability*, 2021, 13(8). https://doi.org/10.3390/su13084304
8. Смирнов С. Н. Влияние пандемии COVID-19 на потребительский рынок России: статистический анализ. *Социальные новации и социальные науки*. 2020. № 2. С. 149–159. [Smirnov S. N. The impact of the COVID-19 pandemic on the Russian consumer market: statistical analysis. *Social novelties and Social sciences*, 2020, (2): 149–159. (In Russ.)] https://doi.org/10.31249/snsn/2020.02.09
9. Леонидова Е. Г. Анализ динамики и структуры конечного потребления в регионе. *Социальное пространство*. 2020. Т. 6. № 3. [Leonidova E. G. Analysis of the dynamics and structure of final consumption in the region. *Social area*, 2020, 6(3). (In Russ.)] https://doi.org/10.15838/sa.2020.3.25.4
10. Dementieva I. N., Shakleina M. V. Applying the index method in the research on consumer sentiment. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, 12(1): 153–173. https://doi.org/10.15838/esc.2019.1.61.9
11. Ускова Т. В., Селименков Р. Ю., Анищенко А. Н., Чекавинский А. Н. Продовольственная безопасность региона. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. 102 с. [Uskova T. V., Selimenkov R. Iu., Anishchenko A. N., Chekavinskii A. N. *Food security of the region*. Vologda: ISEDT RAS, 2014, 102. (In Russ.)]
12. Аликперова Н. В. Поведение потребителей: современные реалии и глобальные тренды. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019. Т. 9. № 4. С. 46–51. [Alikperova N. V. Consumer behavior: current realities and global trends. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2019, 9(4): 46–51. (In Russ.)] https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-4-46-51
13. Макар С. В., Ярашева А. В. Потребительское поведение россиян: возможности и приоритеты. *Народонаселение*. 2022. Т. 25. № 4. С. 68–78. [Makar S. V., Yarasheva A. V. Consumer behavior of Russians: opportunities and priorities. *Narodonaselenie*, 2022, 25(4): 68–78. (In Russ.)] https://doi.org/10.19181/population.2022.25.4.6
14. Ярашева А. В., Бурдастова Ю. В., Дохолян А. С. Особенности потребительского поведения россиян в разрезе макрорегионов и социально-доходных групп. *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2014. № 7. С. 27–34. [Yarasheva A. V., Burdastova Yu. V., Dokholyan A. S. Peculiarities of consumer behaviour of Russians in the sections of macroregions and socially wealthy groups. *Regionalnye problemy preobrazovaniia ekonomiki*, 2014, (7): 27–34. (In Russ.)] https://elibrary.ru/swmflv

15. Лакман И. А., Тимирьянова В. М., Попов Д. В. Пространственный анализ взаимосвязи доходов и потребления населения на основе панельных данных. *Вопросы статистики*. 2021. Т. 28. № 2. С. 128–139. [Lakman I. A., Timiryanova V. M., Popov D. V. Spatial analysis of the relationship between income and consumption of the population based on panel data. *Voprosy statistiki*, 2021, 28(2): 128–139. (In Russ.)] https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-2-128-139
16. Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. Люди и деньги: доходы, потребление и финансовое поведение населения российских регионов. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2019. № 5. С. 3–17. [Zubarevich N. V., Safronov S. G. People and money: incomes, consumption and financial behavior of the population of the Russian regions in 2000–2017. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 2019, (5): 3–17. (In Russ.)] https://doi.org/10.31857/S2587-5566201953-17
17. Дементьева И. Н. Потребительское поведение населения региона и особенности его адаптации к экономическим условиям кризиса 2014–2015 гг. *Вопросы территориального развития*. 2018. № 3. [Dementieva I. N. Consumer behavior of region's population and the features of their adaptation to the economic crisis conditions in 2014–2015. *Territorial development issues*, 2018, (3). (In Russ.)] https://doi.org/10.15838/tdi.2018.3.43.3
18. Балацкий Е. В., Екимова Н. А. Экономические детерминанты психологического состояния общества. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2008. № 2. С. 18–25. [Balatsky E. V., Ekimova N. A. Economic determinants of the psychological state of society. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, 2008, (2): 18–25. (In Russ.)] https://elibrary.ru/nrbhoh
19. Горшков М. К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения. *Социологические исследования*. 2012. № 12. С. 3–11. [Gorshkov M. K. "Russian Dream": the experience of sociological measurement. *Sociological Studies*, 2012, (12): 3–11. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/phczpz
20. Ilyin V. A., Morev M. V. Nationwide poverty – "a threat to steady development and our demographic future". *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2022, 15(1): 9–33. https://doi.org/10.15838/esc.2022.1.79.1
21. Дементьева И. Н. Потребительские настроения как индикатор социально-экономических перемен. *Современная социокультурная среда города и региона*: мат-лы Междунар. российско-армянской конф. (Череповец, 16 ноября 2017 г.) Череповец: ЧГУ, 2018. С. 55–66. [Dementieva I. N. Consumer sentiment as an indicator of socio-economic changes. *Modern socio-cultural environment of the city and region*: Proc. Intern. Russian-Armenian Conf., Cherepovets, 16 Nov 2017. Cherepovets: ChSU, 2018, 55–66. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/xyphwh
22. Белехова Г. В., Морев М. В. Влияние уровня жизни на отношение к социальной реальности в региональном сообществе. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2016. № 2. С. 120–137. [Belekhova G. V., Morev M. V. Impact of living standards on attitude to social reality in regional society. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2016, (2): 120–137. (In Russ.)] https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.2.0
23. Балясова А. А. К вопросу о трансформации потребительского поведения в условиях перехода к цифровой экономике. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2019. Т. 16. № 3. С. 14–18. [Balyasova A. A. To the question of the transformation of consumer conduct in the conditions of transition to the digital economy. *Economics and management: problems, solutions*, 2019, 16(3): 14–18. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/zzjmmx
24. Дементьева И. Н. Потребление жителями региона товаров и услуг: долгосрочные тренды и новые практики. *Журнал экономических исследований*. 2022. Т. 8. № 3. С. 28–40. [Dementieva I. N. Consumption of goods and services by residents of the region: long-term trends and new practices. *Journal of Economic Studies*, 2022, 8(3): 28–40. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/kfxepa

© 2023. Galieva G. F., Gribok N. N., Ioda Yu. V., Ponomarev S. V.

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Развитие регионов России в условиях неопределенности внешней среды

Галиева Гульназ Физратовна
Уфимский государственный нефтяной технический университет, Россия, Уфа
http://orcid.org/0000-0002-0199-7784
galievagfr@mail.ru

Иода Юлия Владимировна
Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия, Липецк
http://orcid.org/0000-0002-7320-0666

Грибок Наталья Николаевна
Краснодарский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия, Краснодар
http://orcid.org/0000-0003-2189-7489

Пономарев Сергей Валерьевич
Калужский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия, Калуга
http://orcid.org/0000-0001-6216-1190

Поступила 12.04.2023. Принята после рецензирования 22.06.2023. Принята в печать 30.06.2023.

Аннотация: Развитие России подвергается воздействию неблагоприятных внешних обстоятельств. Цель исследования – раскрыть особенности проявления неопределенности внешней среды на современном этапе социально-экономического развития, оценить их влияние на хозяйственные системы российских регионов, а также предложить механизм адаптации и преодоления будущих рецессионных явлений. Задачи исследования: выявить особенности проявления неопределенности внешней среды на современном этапе; проанализировать влияние факторов неопределенности на хозяйственные системы регионов России; разработать эффективный механизм адаптации хозяйственных систем регионов. Использованы методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, сравнения, приемы экономического анализа, системный подход. Раскрыто авторское представление о влиянии социально-экономической неопределенности на развитие региональных хозяйственных систем. Проведен сравнительный анализ ключевых показателей развития российских регионов в период 2019–2021 гг. и 2022 г. Выделены точки напряжения регионального развития из-за нарастания социально-экономической неопределенности. Предложен механизм адаптации региональных хозяйственных систем к изменяющимся условиям среды. Обоснованы ключевые направления мер государственной политики для поддержания устойчивости хозяйственных систем регионов.

Ключевые слова: неопределенность, факторы неопределенности, регион, региональная хозяйственная система, развитие, пандемия, спад, рецессия, цифровизация

Цитирование: Галиева Г. Ф., Грибок Н. Н., Иода Ю. В., Пономарев С. В. Развитие регионов России в условиях неопределенности внешней среды. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 3. С. 378–390. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-3-378-390

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

full article

Development of the Russian Regions under Environmental Uncertainty

Gulnaz F. Galieva
Ufa State Petroleum Technological University, Russia, Ufa
http://orcid.org/0000-0002-0199-7784
galievagfr@mail.ru

Yulia V. Ioda
Lipetsk Branch of Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, Lipetsk
http://orcid.org/0000-0002-7320-0666

Natalia N. Gribok
Krasnodar Branch of Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, Krasnodar
http://orcid.org/0000-0003-2189-7489

Sergey V. Ponomarev
Kaluga Branch of Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, Kaluga
http://orcid.org/0000-0001-6216-1190

Received 12 Apr 2023. Accepted after peer review 22 Jun 2023. Accepted for publication 30 Jun 2023.

Abstract: The economic, technological, social, and political development of Russia is affected by unfavorable external circumstances. The purpose of the article is to reveal the features of the external environment uncertainty, assess its impact on the economic systems of the Russian regions, and to propose a mechanism of adaptation

to future recessionary phenomena. The article uses methods of analysis and synthesis, induction and deduction, comparison, economic analysis; a systematic approach. The authors present the results of comparative analysis of Russian regions' development indicators in 2019–2021 and 2022. It is determined that the speed and effectiveness of overcoming uncertainty factors depends on the adaptive abilities of Russian regions and the speed of decision-making. The key directions of state policy measures to maintain the stability of the economic systems of the regions are substantiated.
Keywords: uncertainty, uncertainty factors, region, regional economic system, development, pandemic, decline, recession, digitalization

Citation: Galieva G. F., Gribok N. N., Ioda Yu. V., Ponomarev S. V. Development of the Russian Regions under Environmental Uncertainty. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(3): 378–390. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-3-378-390

Введение

На современном этапе развития Россия подвергается воздействию неблагоприятных внешних обстоятельств в экономическом, технологическом, социальном и политическом плане[1]. Начавшаяся в 2020 г. пандемия COVID-19, продолжавшаяся вплоть до 2022 г., негативно сказалась на экономике и социальной сфере, а также привела к глобальной рецессии с неопределенными во времени горизонтами [1]. Все страны мира столкнулись с проблемами спада производства, нарушения логистических цепочек, роста безработицы и снижения уровня благосостояния населения, роста неуверенности в завтрашнем дне и снижения доверия к правительству [2].

Россия не стала исключением. Недопроизводство ВВП в стране в 2020 г. составило 2,7 % в годовом выражении. В 2021 г. негативный тренд изменил траекторию своего развития, и ВВП вырос на 4,6 %[2]. Однако в территориальном разрезе влияние пандемии является весьма дифференцированным. Для некоторых наиболее адаптивных регионов страны пандемия стала временем опережающего развития и интенсивной цифровизации [3]. Для других регионов пандемия стала очередным вызовом, замедлившим темпы развития.

На сегодняшний день пандемия не отступила в полной мере, но способствовала формированию у населения нового потребительского поведения, соответствующих бизнес-моделей и принципов ведения производственной деятельности, которые по-прежнему определяются воздействием факторов неопределенности. В частности, в 2022 г. устойчивое развитие региональных хозяйственных систем оказалось под угрозой в связи с обострением военно-политической обстановки из-за конфликта на Украине. Влияние этих событий также не остается однонаправленным и распространяется на экономическую, технологическую и социальную стороны жизнедеятельности общества. Преодоление возникающих из-за неопределенности среды проблем становится возможным благодаря исследованиям и регулярному мониторингу регионов страны, а также соответствующим превентивным и реактивным мерам со стороны государства.

Теоретико-методологический базис исследования сформирован работами, посвященными изучению различных аспектов влияния факторов неопределенности на развитие экономических систем таких авторов, как М. Е. Коновалова и др. [4], Д. Ю. Фраймович и др. [5], В. А. Осипов и др. [6], Л. В. Шманева и С. В. Шманев [7], П. Шарма и др. [8]. В трудах представлена оценка влияния пандемии на экономическую безопасность территорий, благосостояние населения, формирование и распределение доходов, характер потребления, управление социально-экономическими процессами.

Обострение военно-политических конфликтов и введение экономических санкций как инструмента реагирования освещены в работах А. А. Козловой и др. [9], В. М. Заернюка и др. [10], А. С. Суяркова и др. [11], Ю. Б. Винслава [12], М. Дж. Вестон [13]. Начиная с 2014 г. эта проблема становится актуальной для российской экономики, поэтому отечественные ученые предлагают различные меры для поддержания сбалансированного развития экономики и социальной сферы в условиях санкций.

Цель исследования – раскрыть особенности проявления неопределенности внешней среды на современном этапе социально-экономического развития, оценить ее влияние на состояние хозяйственных систем российских регионов, а также предложить

[1] Россия и мир: 2022. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз, рук. проекта: А. А. Дынкин, В. Г. Барановский. М.: ИМЭМО РАН, 2021. 130 с.

[2] О текущей ситуации в российской экономике. 1 июня 2022 г. *Министерство экономического развития РФ*. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/7d5070f1a58a5b2eeab6464865f0ad4e/20220601.pdf (дата обращения: 04.03.2023).

механизм адаптации и преодоления будущих рецессионных явлений. Задачи исследования: выявить особенности проявления неопределенности внешней среды на современном этапе социально-экономического развития государства и общества; проанализировать влияние факторов неопределенности на хозяйственные системы российских регионов; обосновать эффективный механизм адаптации хозяйственных систем регионов к изменяющимся условиям внешней среды.

Для разработки теоретико-методологических основ исследования, формирования фактологической и статистической базы исследования авторы применили метод анализа открытых источников информации. Информационная база исследования представлена официальными материалами Федеральной службы государственной статистики, а также аналитическими отчетами Министерства экономического развития Российской Федерации и Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук.

Обработка и интерпретация статистической информации о состоянии регионов РФ осуществлялась с помощью методов анализа и синтеза. Для исследования показателей социально-экономического развития регионов России в динамике использовался метод экономического анализа. Условия неопределенности были изучены в разрезе федеральных округов России с применением метода сравнительного анализа для периода 2019–2021 гг. Отдельные предварительные выводы о состоянии региональных хозяйственных систем в 2022 г. сделаны на основе прогнозов Федеральной службы государственной статистики и экспертных оценок, представленных в открытых источниках. Для подготовки авторских рекомендаций и обоснования направлений адаптации хозяйственных систем регионов к условиям неопределенности были применены методы индукции и дедукции, а также системный подход.

Результаты

В настоящее время мировая экономика находятся на том этапе эволюции, когда практически невозможно предугадать траекторию ее дальнейшего развития. Термин *неопределенность* применительно к развитию хозяйственных систем наиболее четко описывает сложившуюся ситуацию, указывая на неполноту или неточность информации об условиях хозяйственной деятельности [14]. Отсутствие или неполнота информации проявляются в невозможности прогнозирования динамики развития хозяйственной системы, что приводит к непросчитываемой многовариантности результатов реализуемых мер [15].

Опираясь на данное понимание неопределенности, выделим особенности ее проявления на современном этапе социально-экономического развития и исследуем ее влияние на региональные хозяйственные системы. 2020 г. продемонстрировал высокую степень зависимости благополучия общества и экономик от эпидемиологической обстановки. Распространение инфекции COVID-19 привело к сильной зависимости отдельных экономик от цепочек добавленной стоимости, росту значения сферы услуг, высокой степени неопределенности при реализации государственной политики, направленной на снижение заболеваемости [16].

Свою лепту в разбалансирование региональных хозяйственных систем, безусловно, внесли превентивные и реактивные меры, внедренные на всех уровнях управления: закрытие трансграничного перемещения, локдауны и ограничения на работу предприятий, самоизоляция [17; 18]. На уровне регионов пандемия 2020 г. привела к замедлению экономик, во многих случаях – к сокращению валового регионального продукта (ВРП) и индекса физического объема ВРП и валовой добавленной стоимости (ВДС). Динамика ВРП и индекса физического объема ВРП и ВДС за 2019–2021 гг. отражена в таблице 1[3].

В целом по России годовое сокращение ВВП (в текущих ценах) составило 1,32 % относительно 2019 г. Сильнее всего ВРП сократился в Уральском федеральном округе. В остальных регионах объем ВРП в 2020 г. увеличился. Отрицательная динамика более объективного показателя *индекс физического объема ВРП и ВДС* в 2020 г. по сравнению с 2019 г. во всех регионах свидетельствует о рецессионных проявлениях в экономике из-за введения ограничительных мер, направленных на борьбу с коронавирусной инфекцией, а также падением мирового спроса на энергоресурсы.

Разнонаправленная динамика ВРП определяется отраслевой специализацией регионов. В частности, наиболее выраженные изменения ВРП произошли в тех регионах, где превалируют отрасли, ориентированные на обслуживание населения (гостиницы и рестораны, предприятия транспорта, учреждения культуры и спорта и т. д.) [19]. Также снижение индекса физического объема добавленной

[3] Сост. по: ВРП с 1998 г. Валовой региональный продукт по субъектам РФ в 2016–2021 гг. *Федеральная служба государственной статистики*. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VRP_s_1998.xlsx; ВРП ОКВЭД 2 (с 2016 г.). Индексы физического объема валового регионального продукта и валовой добавленной стоимости по отраслям экономики 2017–2020 гг. *Федеральная служба государственной статистики*. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VRP_OKVED2.xlsx (дата обращения: 07.03.2023).

Табл. 1. Показатели, отражающие динамику ВРП регионов России в 2019–2021 гг.
Tab. 1. Russian regions' indicators of gross regional product dynamics, 2019–2021

Регион	ВРП в 2019 г., в текущих ценах, млн руб.	ВРП в 2020 г., в текущих ценах, млн руб.	ВРП 2020 / 2019	ВРП в 2021 г., в текущих ценах, млн руб.	ВРП 2021 / 2020	Индексы физического объема ВРП и ВДС, 2019 г., в постоянных ценах, % к предыдущему году	Индексы физического объема ВРП и ВДС, 2020 г., в постоянных ценах, % к предыдущему году	Индексы физического объема ВРП и ВДС, 2021 г., в постоянных ценах, % к предыдущему году
ЦФО	33139758,10	33636785,50	+1,50	41685336,70	+23,90	101,80	99,20	109,40
СЗФО	10577620,10	10644005,40	+0,62	16611895,30	+56,10	101,70	98,00	112,50
ЮФО	6611731,60	6709653,90	+1,48	7952016,70	+20,30	101,20	98,50	104,50
СКФО	2294816,60	2404328,20	+4,77	2695611,30	+12,10	101,70	99,80	104,90
ПФО	14103743,80	13669381,00	–3,10	16878414,50	+23,50	102,00	97,00	103,40
УФО	13272019,30	11674931,20	–12,00	16698970,10	+43,00	100,70	95,20	106,40
СФО	9090340,50	9026904,30	–0,70	11287167,90	+25,00	101,20	96,60	103,40
ДФО	5970632,30	6044295,00	+1,23	7373575,00	+22,00	103,00	98,10	106,50

Прим.: ЦФО – Центральный федеральный округ; СЗФО – Северо-Западный федеральный округ; ЮФО – Южный федеральный округ; СКФО – Северо-Кавказский федеральный округ; ПФО – Приволжский федеральный округ; УФО – Уральский федеральный округ; СФО – Сибирский федеральный округ; ДФО – Дальневосточный федеральный округ.

стоимости произошло в регионах, где сложилась неблагоприятная конъюнктура экспорта и снизились цены на энергоресурсы [18]. Вместе с тем из-за роста спроса на финансовые услуги произошло увеличение добавленной стоимости в сфере финансов и страхования (+8,7 % в годовом измерении). В 2020 г. увеличились тарифы на коммунальные услуги, что вызвало рост индексов-дефляторов добавленной стоимости предприятий сферы энерго-, водо- и электроснабжения, водоотведения, утилизации отходов (+5,6 %). В сфере здравоохранения, образования и государственного управления произошел рост средней заработной платы на одного работника и соответствующее увеличение индекса-дефлятора добавленной стоимости[4].

В 2021 г. величина ВВП в целом по России увеличилась, задав позитивный тренд, символизирующий оживление деловой активности и подъем экономики. Так, величина добавленной стоимости в текущих ценах в целом по стране достигла значения 130795,3 млрд руб. Регион, в котором произошел максимальный рост показателя – Северо-Западный федеральный округ (+56,1 % относительно 2020 г.).

Несмотря на позитивную динамику, этап постковидного восстановления и соответствующего подъема экономической активности 2022 г. пришелся на период нового всплеска неопределенности и хаоса, связанного с проведением спецоперации на Украине, когда горизонты прогнозирования вновь стали весьма размытыми [7]. Развитие военно-политического конфликта сопровождалось социально-экономическими изменениями, адаптацией хозяйственной системы страны к прекращению большинства международных взаимодействий, выстраиванию новых связей и производственных цепочек в ответ на санкции Европейского союза и США, изменением бизнес-моделей и форматов управления на всех уровнях. Затяжной военно-политический конфликт оказывает

[4] Бойко А. Росстат пересмотрел итоги пандемийного 2020 г. *Ведомости*. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/12/30/903433-rosstat-peresmotrel-itogi (дата обращения: 16.02.2023).

негативное влияние на развитие экономики, повышает уровень общественного напряжения и сокращает горизонты планирования будущего.

Среди общих трендов развития экономики России в 2022 г. можно выделить сокращение индекса физического объема ВВП относительно 2021 г. (в 2022 г. индекс физического объема ВВП России составил 97,9 %)[5], а также рост индекса-дефлятора ВВП (+15,8 %). Тренды обусловлены ростом мировых цен на энергоресурсы, увеличением цен на жилую недвижимость на вторичном рынке, ростом индекса-дефлятора ВДС оптовой и розничной торговли, увеличением цен на строительные материалы, ростом средней заработной платы на одного работника, а также изменением тарифов на грузовые и пассажирские перевозки[6].

Согласно прогнозу социально-экономического развития России на 2023–2025 гг., в 2022 г. ВРП должен вырасти в 19 регионах страны[7]. Ожидается, что положительную динамику продемонстрируют регионы Дальневосточного и Сибирского федеральных округов за счет ориентации на азиатские рынки, не ограниченные санкциями, а также реализации крупных проектов по освоению новых месторождений. Также рост прогнозируется в регионах Северо-Кавказского федерального округа благодаря позитивной динамике промышленного производства и увеличению туристического потока[8]. В 63 регионах страны ожидается сжатие экономики в связи с уходом западных производств; мобилизацией мужского населения; сокращением ВРП в регионах с высокой долей добычи нефти и газа в экономике, ориентированных на европейские рынки[9].

Более развернутое представление о влиянии неопределенности на региональные хозяйственные системы может быть получено с помощью анализа ключевых показателей социально-экономического развития регионов России в период 2019–2021 гг., представленных в таблице 2[10], а также анализа открытых источников информации и экспертных прогнозов развития регионов России в 2022 г.

В 2020 г. из-за санитарных мер, направленных на сдерживание распространения коронавирусной инфекции, во всех регионах страны (за исключением Северо-Кавказского федерального округа) произошло сокращение промышленного производства. Однако уже к 2021 г. индекс промышленного производства показывал позитивную динамику роста. Максимальный рост отмечен в Центральном федеральном округе. Такая динамика свидетельствует об оживлении экономической активности в российской экономике. Социально-экономическая неопределенность 2022 г. оказала негативное влияние на начавшееся восстановление промышленного производства после пандемии. Так, по итогам 2022 г. индекс промышленного производства в России составил 99,4 % по сравнению с 2021 г.[11] Эксперты отмечают положительную динамику показателя в 41 регионе страны, сокращение показателя – в 43 субъектах РФ[12].

Сфера сельского хозяйства отреагировала на неопределенность, вызванную пандемией коронавируса, с запозданием. Все регионы страны, за исключением Уральского федерального округа, в 2020 г. продемонстрировали рост производства продукции сельского хозяйства. В 2021 г., напротив, объем производства сельхозпроизводителей сократился практически во всех регионах России. Исключением стал Северо-Кавказский федеральный округ. Спад произошел при одновременном росте цен и положительном тренде увеличения ВВП[13]. Данная тенденция объясняется низкой урожайностью всех сельскохозяйственных культур в 2021 г.:

[5] О производстве и использовании валового внутреннего продукта (ВВП) в 2022 г. *Федеральная служба государственной статистики*. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/22_20-02-2023.html (дата обращения: 09.03.2023).

[6] Там же.

[7] Прогноз социально-экономического развития РФ на 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг. *СПС Гарант.*

[8] Виноградова Е. Рост экономики покажет каждый пятый регион России. *РБК*. URL: https://www.rbc.ru/economics/30/09/2022/63358c9a9a79477ed520a2bc; Росстат осуществил вторую оценку ВВП за 2022 г., актуализировал оценки ВВП за 1–3 кв. 2022 г. и выполнил первую оценку ВВП за 4 кв. 2022 г. *Федеральная служба государственной статистики*. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Kommentar_VVP_2022.docx (дата обращения: 16.03.2023).

[9] Рост экономики покажет…

[10] Сост. по: Социально-экономическое положение Центрального федерального округа в 2021 г. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2022. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/cent_fo_21.pdf; Социально-экономическое положение России – 2020. *Федеральная служба государственной статистики*. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_01/Main.htm; Информация для мониторинга социально-экономического положения субъектов РФ. Январь-декабрь 2021 г. *Федеральная служба государственной статистики*. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/info-stat-12-2021.rar; Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в целом по экономике Российской Федерации в 1991–2023 гг. *Федеральная служба государственной статистики.* URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab1-zpl_06-2023.xlsx.xlsx (дата обращения: 11.03.2023).

[11] О промышленном производстве в 2022 г. *Федеральная служба государственной статистики*. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/11_01-02-2023.html (дата обращения: 16.03.2023).

[12] Обзор: в 2022 г. промпроизводство снизилось в половине регионов. *РИА Рейтинг.* URL: https://riarating.ru/regions/20230210/630236319.html (дата обращения: 11.03.2023).

[13] Социально-экономическое положение Центрального…

урожайность зерновых культур снизилась на 15 %, картофеля – на 12,7 %; овощей – на 3,5 %. Еще одним фактором формирования этой тенденции стал сдержанный темп развития животноводческого комплекса. Производство скота и птицы на убой снизилось на 0,6 %, производство яиц – на 0,7 %. В 2022 г. производство продукции сельского хозяйства в целом по России выросло на 10,2 %[14]. Для преодоления негативных последствий социально-экономической неопределенности и поддержания стабильной динамики сектора в будущем требуется решение инфраструктурных проблем регионов, развитие их экспортного потенциала, оптимизация логистических цепочек.

Неопределенность 2020 г. оказала сильнейшее влияние на сферу розничной торговли. Максимальное сокращение оборота розничной торговли произошло в Северо-Кавказском федеральном округе (–5,3 % относительно 2019 г.), минимальное – в Северо-Западном федеральном округе (–0,5 %).

Табл. 2. Показатели социально-экономического развития регионов России, 2019–2021 гг.
Tab. 2. Russian regions' socio-economic development indicators, 2019–2021

Период \ Регион	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Индекс промышленного производства								
2020 / 2019	109,0	97,4	98,8	105,4	97,9	98,7	95,9	96,0
2021 / 2020	122,8	104,6	104,4	106,1	106,9	106,8	102,9	102,8
Индекс производства продукции сельского хозяйства								
2020 / 2019	114,4	106,2	109,8	104,1	115,3	98,8	113,8	112,2
2021 / 2020	95,6	99,5	107,3	112,6	89,0	93,1	107,7	107,6
Оборот розничной торговли								
2020 / 2019	96,8	99,5	95,6	94,7	95,2	95,6	95,7	96,6
2021 / 2020	109,1	109,9	110,7	106,3	105,4	104,3	105,4	104,5
Объем платных услуг населению								
2020 / 2019	81,4	85,1	93,0	87,9	86,6	84,9	89,3	82,8
2021 / 2020	126,4	116,4	117,6	116,6	111,1	116,0	110,3	106,8
Индекс потребительских цен								
2020 / 2019	104,7	104,8	105,2	106,1	105,3	104,2	104,7	105,0
2021 / 2020	109,6	109,4	109,9	111,4	110,2	107,9	110,4	108,2
Уровень занятости								
2020 / 2019	94,5	97,9	99,6	94,8	98,2	98,1	97,3	99,8
2021 / 2020	100,8	101,9	101,6	104,6	101,9	101,7	102,1	100,7
Среднемесячная номинальная начисленная зарплата								
2020 / 2019	107,5	105,6	106,3	109,1	106,9	106,9	107,1	106,9
2021 / 2020	112,6	111,1	111,0	107,0	111,2	109,5	110,5	109,9
Реальные доходы населения								
2020 / 2019	98,6	100,2	99,2	97,2	97,2	97,2	98,9	98,7
2021 / 2020	105,2	105,6	105,4	101,3	101,5	101,5	102,1	102,1
Смертность населения								
2020 / 2019	120,6	118,8	118,2	123,7	124,4	121,5	118,9	115,4
2021 / 2020	115,9	116,7	118,6	107,9	113,0	112,7	114,2	112,1

[14] Производство продукции сельского хозяйства России в 2022 г. выросло на 10,2 %. *ТАСС*. URL: https://tass.ru/ekonomika/16940095 (дата обращения: 16.03.2023).

В 2021 г. по мере снятия режимов самоизоляции сектор розничной торговли вновь стал испытывать оживление, и показатели объема розничной торговли выросли во всех регионах России. Максимальный прирост показателя произошел в Южном и Центральном федеральных округах.

2022 г. принес очередные вызовы для сектора розничной торговли. Санкционные ограничения; уход европейских ритейлеров с российского рынка; рост социальной напряженности, сказавшийся на потребительском поведении россиян, привели к сокращению оборота розничной торговли по стране на 6,7 % относительно 2021 г.[15] Заметим, что в 2022 г. доля онлайн-продаж в общем обороте розничной торговли этих организаций выросла на 0,9 % и составила 9,2 %[16].

В период пандемии 2020 г. катастрофически сократился объем платных услуг населению. Самое сильное снижение показателя зафиксировано в Центральном федеральном округе: –18,6 % в сравнении с предыдущим годом [20]. Однако отмена локдаунов и возвращение к нормальному образу жизни вызвали рост данного сектора экономики во всех регионах страны. Максимальный прирост показателя в 2021 г. достигнут в Центральном федеральном округе (+126,4 % в сравнении с 2020 г.), минимальный – в Сибирском федеральном округе (+110,3 %). В 2022 г. оборот платных услуг населению в целом по России вырос на 3,2 % относительно аналогичного периода прошлого года и составил 12627,5 млрд руб.[17], показывая устойчивость к политической турбулентности.

Традиционно кризисные явления в экономике сопровождаются ростом инфляции. Однако в период пандемии 2020 г. правительствами стран и органами региональной власти были предприняты беспрецедентные меры по поддержанию ценовой стабильности[18]. После завершения периода реализации стабилизирующих мер в 2021 г. экономику стран и регионов достигла инфляционная волна как следствие разрывов в цепочках поставок и утраты ранее отлаженных экономических связей. В результате во многих странах и регионах мира инфляция побила все предшествующие рекордные значения. В регионах России также произошел инфляционный скачок. Максимальный прирост индекса потребительских цен в 2021 г. относительно 2020 г. произошел в Сибирском и Северо-Кавказском федеральном округе, наибольшую устойчивость к инфляционным проявлениям продемонстрировал Уральский федеральный округ. Рост военно-политической напряженности в 2022 г. сказался на стабильности цен в России, вызвав их очередной скачок. По итогам года индекс потребительских цен достиг значения 111,9 %. Это превышает показатель 2021 г. на 3,55 п. п. прежде всего за счет индексации тарифов на коммунальные услуги[19].

Санитарные ограничения 2020 г. вызвали всплеск уровня безработицы и снижение занятости [21]. Только за период самых продолжительных простоев из-за локдаунов в апреле-июне 2020 г. уровень безработицы увеличился до 6,0 % (для сравнения в 2019 г. – 4,6 %)[20]. В большей мере данная проблема актуализировалась в секторе малого и среднего бизнеса. Несмотря на меры поддержки, оказанные органами государственной власти федерального и регионального уровней, полностью нивелировать последствия локдауна для данного сегмента предпринимательской деятельности не удалось [22]. В 2020 г. показатели занятости населения снизились во всех регионах России. В 2021 г. сектор начал восстанавливаться и занятость начала расти. Максимальный рост зарегистрирован в Северо-Кавказском федеральном округе, минимальный – в Дальневосточном федеральном округе. В 2022 г. численность безработных в России снизилась на 13,8 % относительно 2021 г., уровень безработицы составил 3,7 %[21]. Отмечается рост уровня безработицы в 13 регионах страны, наибольший – в Республике Алтай и Ленинградской области. Снижение уровня безработицы

[15] Краткосрочные экономические показатели РФ. *Федеральная служба государственной статистики*. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50802 (дата обращения: 11.03.2023).

[16] Оборот розничной торговли в России в 2022 г. снизился на 6,7 %. *ТАСС*. URL: https://tass.ru/ekonomika/16998825 (дата обращения: 02.03.2023).

[17] Объем платных услуг населению по Российской Федерации, годы. *Федеральная служба государственной статистики*. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Plat_Usl.xlsx.xlsx (дата обращения: 02.03.2023).

[18] Мониторинг уровня инфляции в государствах – членах ЕАЭС по итогам 2020 г. *Евразийская экономическая комиссия*. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/f5d/Monitoring-inflyatsii_-2020-god.pdf; Деготькова И. В. ЦБ назвали оптимальный способ борьбы с инфляцией. *РБК*. URL: https://www.rbc.ru/economics/09/12/2021/61b1fef49a79474872fd3950 (дата обращения: 11.03.2023).

[19] Индекс потребительских цен. 2022 г. *Федеральная служба государственной статистики*. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b22_01/IssWWW.exe/Stg/d12/pril/zen-in.doc (дата обращения: 16.03.2023).

[20] Безработица в России выросла до максимума за восемь лет. *РБК*. URL: https://www.rbc.ru/economics/19/06/2020/5eecd9db9a7947e77b3bc058 (дата обращения: 16.02.2023).

[21] Уровень зарегистрированной безработицы. 2022 г. *Федеральная служба государственной статистики*. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b22_01/IssWWW.exe/Stg/d12/pril/trud2.doc (дата обращения: 16.03.2023).

произошло в 68 регионах страны, однако при этом средняя продолжительность безработицы выросла с 4,3 до 4,6 месяца. Причинами снижения безработицы эксперты видят не стабилизацию социально-экономической ситуации в стране, а демографическую яму 1990-х, резкое увеличение показателей смертности в связи с распространением коронавирусной инфекции, мобилизацию населения и увеличение численности лиц на контрактной службе из-за обострения политической обстановки, релокацию высококвалифицированных специалистов в зарубежные страны и сокращение миграционного прироста[22].

Показателями, характеризующими уровень благосостояния населения, являются *величина среднемесячной номинальной начисленной заработной платы* и *величина реальных денежных доходов населения* [23]. Динамика показателя среднемесячной начисленной заработной платы в 2020 г. отличалась позитивной динамикой во всех регионах страны, за исключением Северо-Кавказского федерального округа. В целом по итогам 2020 г. она выросла на 7,3 % (по отношению к аналогичному периоду 2019 г.)[23]. Динамика заработной платы должна зависеть от экономического роста и производительности труда, в противном случае возникает инфляция и снижается ее реальное содержание. Поэтому темпы роста среднемесячной начисленной заработной платы следует корректировать с учетом инфляции. По итогам 2020 г. темп роста составил около 2,5 % в годовом выражении. 2021 г. благотворно повлиял на динамику показателя, задав позитивный тренд роста во всех регионах, за исключением Северо-Кавказского федерального округа. Отклонение от общероссийской динамики объясняется преобладанием в структуре экономики региона сфер продаж, административной деятельности, логистики и сельского хозяйства, которые не характеризуются высокой динамикой роста оплаты труда. Сферы информационных технологий и недвижимости, которые являются лидерами по росту заработной платы в 2021 г., в данном регионе представлены слабо[24]. По итогам 2020 г. реальные денежные доходы населения сократились на 3,5 % в целом по России. Максимальное сжатие произошло в Северо-Кавказском, Приволжском и Уральском федеральных округах. В Северо-Западном федеральном округе наблюдался рост показателя на 0,2 % в сравнении с 2019 г. Величина среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в 2022 г. увеличилась на 14,1 % относительно 2021 г., при этом реальные располагаемые доходы населения в 2022 г. сократились на 1 %. Таким образом, из-за санкционных ограничений как следствия роста военно-политической напряженности и социально-экономической неопределенности динамика реальных располагаемых доходов стала отрицательной[25].

В пандемийном 2020 г. показатели смертности населения выросли во всех регионах страны. Максимальный рост наблюдался в Приволжском федеральном округе (+24,4 % относительно предыдущего года). Несмотря на продолжающееся распространение коронавирусной инфекции, динамика показателя в 2021 г. во всех федеральных округах стала приобретать затухающий характер. Исключением является Южный федеральный округ, где наблюдался небольшой рост показателя. Отметим, что региональная статистика включает показатели смертности населения от коронавирусной инфекции. Однако статистика летальных исходов не учитывает смертность, прямо или косвенно связанную с последствиями перенесенного заболевания. 2022 г. продолжил позитивную динамику сокращения смертности – значение показателя сократилось на 22,1 % по сравнению с аналогичным периодом 2021 г.[26]

Следует также обратить внимание на показатели развития регионов, определяющие их способность к воспроизводству. Одним из таких показателей является объем инвестиций в основной капитал. В первой половине 2020 г. произошло сокращение показателя на 4 % в половине субъектов федерации. Однако реализация антикризисных мер позволила поддержать объем инвестирования на уровне, близком к допандемическому[27].

[22] Виноградова Е. Тревожные симптомы растущей занятости. *РБК*. URL: https://www.rbc.ru/newspaper/2023/03/03/6400712f9a79474d18f79446 (дата обращения: 11.03.2023).

[23] Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций в целом по экономике РФ в 1991–2023 гг. *Федеральная служба государственной статистики*. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab1-zpl_05-2023.xlsx (дата обращения: 09.03.2023).

[24] СКФО оказался единственным в России округом, где в 2021 году сократились зарплаты. *Ставропольский репортер*. URL: https://www.stav-reporter.ru/novosti/skfo-okazalsya-edinstvennyim-okrugom-v-rossii-gde-v-2021-godu-sokratilis-zarplatyi (дата обращения: 18.03.2023).

[25] Один минус в сумме. Росстат сообщил о падении реальных доходов россиян в 2022 г. *РБК*. URL: https://www.rbc.ru/newspaper/2023/02/09/63e3aab79a7947b6ad7f53b9 (дата обращения: 18.03.2023).

[26] Росстат представляет данные о естественном движении населения в декабре 2022 г. *Федеральная служба государственной статистики*. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/197667 (дата обращения: 09.03.2023).

[27] Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов RAEX за 2020 г. *RAEX*. URL: https://raex-rr.com/pro/regions/investment_appeal/investment_potential_of_regions/2020/analytics/regions2020/ (дата обращения: 18.03.2023).

2021 г. по-разному отразился на динамике инвестирования в основной капитал. В Центральном, Приволжском, Сибирском, Дальневосточном регионах произошел незначительный прирост показателя, в то время как в остальных регионах произошло его снижение. Например, в Сибирском федеральном округе в 2021 г. были запущены новые инвестиционные проекты, которые привели к улучшению инвестиционного климата в ряде территорий округа (Кемеровская область – Кузбасс, Республика Хакасия, Красноярский край, Иркутская область). Однако в некоторых регионах Сибирского федерального округа, например в Республике Тува, Томской области и Республике Алтай, инвестиции сократились. Это связано со слабой заинтересованностью инвесторов в этих территориях[28]. Позитивно можно оценить рост объема инвестиций в основной капитал по итогам 2022 г. – показатель вырос на 4,6 % относительно 2021 г.[29]. При этом региональная динамика оказалась дифференцированной: только в 49 субъектах федерации наблюдалось оживление инвестиционной активности, в остальных субъектах динамика была отрицательной. Максимальный рост объема инвестиций в 2022 г. характерен для Республики Алтай (81,4 % вложений в реальном выражении), наибольшее сокращение – в Астраханской области (снижение на 34,6 % относительно 2021 г.)[30].

Отдельного внимания заслуживают показатели технико-технологического развития регионов страны в период неопределенности, поскольку данный аспект деятельности регионов стратегически важен для перспективного развития. Пандемия 2020 г. не оказала существенного влияния на общероссийские показатели развития данной сферы; негативная динамика проявилась в отдельных регионах. В частности, в 2020 г. снизилось значение показателя *затраты на инновационную деятельность организаций* в Северо-Западном федеральном округе (95,5 % относительно 2019 г.)[31]. Динамика доли продукции высокотехнологичных отраслей в ВРП во всех регионах страны в период активной фазы пандемии осталась позитивной. Внутренние затраты на исследования и разработки в 2020 г. по сравнению с 2019 г. сократились лишь в 2 федеральных округах – Северо-Западном и Приволжском (94,3 % и 97,1 % соответственно)[32]. Динамика затрат на инновационную деятельность организаций в 2021 г. в регионах России оказалась разнородной: в 5 регионах страны они увеличились (причем в Северо-Кавказском и Уральском федеральных округах стремительно), в остальных регионах наблюдалось сокращение (с максимальными отклонениями в Южном и Сибирском федеральных округах).

В 2021 г. расходы регионов на информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), связанные прежде всего с реализацией федерального проекта «Цифровая образовательная среда» и развитием цифровых сервисов для образовательных учреждений, снизились на 8,9 % по сравнению с 2020 г. и составили 205,1 млрд руб.[33] В некоторых регионах в 2021 г. были реализованы цифровые проекты, направленные на преодоление негативных последствий пандемии и предотвращение новых вспышек инфекционных заболеваний. В частности, в Московском регионе были профинансированы проекты, связанные с развитием цифровой платформы здравоохранения, совершенствованием технологий электронного мониторинга местоположения пациентов с подтвержденным диагнозом COVID-19, созданием инфраструктуры предоставления QR-кодов. В период усиления военно-политической напряженности в 2022 г. регионы России приняли решение об увеличении затрат на ИКТ и цифровизацию различных сфер деятельности (в т. ч. на создание единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения, развитие цифровой образовательной среды, организацию защищенного межведомственного электронного взаимодействия и т. д.). Так, по предварительной оценке, ИКТ-расходы регионов России в 2022 г. вырастут на 18,7 % и достигнут общего объема в 243,4 млрд руб.[34]

Выявленные тренды развития регионов России в период неопределенности позволяют обосновать направления адаптации хозяйственных систем

[28] Белова Л. Мало не покажется. Какие проекты принесли максимальный объем инвестиций в основной капитал СФО в 2021-м. *Коммерсантъ*. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5140753 (дата обращения: 12.03.2023).

[29] Деготькова И. Как изменилась инвестиционная активность в регионах России за год санкций. *РБК*. URL: https://www.rbc.ru/economics/16/03/2023/6410482c9a79477af92e9486 (дата обращения: 14.03.2023).

[30] Там же.

[31] Затраты на инновационную деятельность организаций (с 2010 г.). *Федеральная служба государственной статистики*. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Innov-5.xls (дата обращения: 12.02.2023).

[32] Внутренние затраты на научные исследования и разработки (по РФ; по субъектам РФ; по видам экономической деятельности; по приоритетным направлениям; по социально-экономическим целям) (с 2000 г.). *Федеральная служба государственной статистики.* URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Nauka_5.xlsx (дата обращения: 12.03.2023).

[33] Российские регионы запланировали существенный рост ИКТ-расходов в 2022 г. *CNews*. URL: https://www.cnews.ru/articles/2022-03-09_ikt-rashody_regionov_v_2022_godu_vyrastut (дата обращения: 16.03.2023).

[34] Там же.

регионов к изменяющимся условиям внешней среды для системы регионального управления. В рамках выделенных направлений следует уточнить институты и инструменты адаптации хозяйственных систем регионов к условиям неопределенности:

1. Повышение инвестиционной и инновационной активности возможно за счет вовлечения ведущих предприятий регионов в государственные и региональные программы стимулирования капитальных затрат организаций на информационное, компьютерное и телекоммуникационное оборудование. Региональные гранты могут стать действенным инструментом мотивации к реализации стратегий цифровой трансформации региональных предприятий. Опыт Китая в период пандемии доказал эффективность налоговых, финансово-кредитных и административных мер по стимулированию инвестиционной и инновационной активности предприятия[35]. На уровне российских регионов могут быть реализованы такие меры, как пересмотр налоговых ставок по региональным налогам на определенный период времени для ведущих предприятий региона и отсрочка по уплате налогов; субсидирование затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы для предприятий малого и среднего бизнеса; субсидии социального страхования; субсидирование обучения и переобучения сотрудников; снижение ставок по кредитам для предприятий, участвующих в реализации региональных инициатив. Реализуемые федеральные инициативы могут дополняться региональными программами, предусматривающими перенос или перераспределение налоговых убытков, связанных с пандемией, понесенных высокотехнологичными предприятиями в длительном периоде (например, в течение 10 лет), а также частичную компенсацию затрат на исследования или получение налоговых вычетов предприятиями, осуществляющими разработки в области профилактики и контроля вирусных заболеваний. Государство может предоставить дополнительное финансирование банкам для стимулирования кредитования малых и средних предприятий.

2. Расширение цифровой инфраструктуры и обеспечение цифровой безопасности включает реализацию мер по увеличению пропускной способности сети Интернет и расширению широкополосного доступа к сети для домохозяйств и организаций, а также поддержание бесперебойной работы Интернета во всех регионах страны, включая удаленные территории. Реализация мер, направленных на выравнивание возможностей доступа к сети Интернет городского и сельского населения будет способствовать использованию потенциала цифровых технологий для организации процессов получения образования, приобретения товаров и услуг через онлайн-сервисы, активному вовлечению населения в процессы онлайн-трудоустройства. Однако это требует повышения цифровой грамотности населения, что может быть предусмотрено в рамках реализуемых региональных программ. В частности, возможна организация 2-уровневой системы повышения цифровой грамотности населения: введение в школьную программу дисциплины по организации деятельности в сети Интернет, прежде всего для обучающихся сельских школ; создание на базе высших учебных заведений центров повышения квалификации и переподготовки кадров информационно-коммуникационной направленности. В связи с почти 2-кратным ростом киберинцидентов в отношении физических лиц, государственных учреждений и промышленных предприятий в период пандемии [24], государственные инициативы должны предусматривать обеспечение информационной безопасности всех пользователей сети Интернет и цифровых услуг, в т. ч. за счет институционального регулирования операций в интернет-пространстве.

3. Стимулирование новых форм образовательной и научно-технологической активности населения может способствовать укреплению научно-образовательного потенциала региона и повысить его устойчивость в период неопределенности. В первую очередь это касается стимулирования инновационной творческой активности молодежи, а также коммерциализации их бизнес-идей. Для этого могут быть реализованы такие меры, как развитие региональной сети бизнес-инкубаторов на базе вузов и ведущих предприятий региона; создание региональных грантов для поддержки молодежных стартапов; организация региональных конкурсов бизнес-идей; организация национальных и международных бизнес-стажировок для молодежи; компенсация расходов на профильное обучение и переобучение лиц, реализующих значимые для региона бизнес-проекты.

4. Модернизация региональных систем здравоохранения предусматривает реализацию превентивных санитарных мер против вирусных инфекций. Важную роль в этом могут сыграть цифровые технологии. Например, показателен опыт Южной Кореи, Сингапура и других стран, где цифровые технологии были интегрированы в координируемые правительством процессы сдерживания и смягчения последствий, в т. ч. в системы эпидемического надзора, тестирования, отслеживания контактов,

[35] China economic quarterly. Q3 2020. *PWC*. URL: https://www.pwccn.com/en/research-and-insights/china-economic-quarterly-q3-2020.pdf (accessed: 16 Mar 2023).

организации строгого карантина[36]. Для получения данных в реальном времени и составления графиков передвижения людей используются записи с камер безопасности, данные глобальной системы позиционирования транспортных средств, технологии распознавания лиц, записи транзакций банковских карт и мобильных телефонов. Кроме того, сфера здравоохранения развивается в направлении повышения персонализации услуг. Поэтому модернизация методов оказания медицинской помощи должна быть ориентирована на потребителя и побуждать медицинские учреждения находить новые способы организации процессов и процедур в соответствии с потребностями пациента. Однако в России, где принятие простых решений требует большого количества времени из-за необходимости преодоления регуляторных барьеров, успешное внедрение цифровых технологий требует совершенствования институциональных основ.

Заключение

Представлено авторское понимание социально-экономической неопределенности сквозь призму пандемии, обострения военно-политического конфликта, их влияния на экономику. Авторы провели комплексный сравнительный анализ ключевых показателей социально-экономического развития российских регионов в период нарастания социально-экономической неопределенности 2019–2021 гг., а также сделали предварительные заключение об их динамике по итогам 2022 г. Выделены точки напряжения регионального развития. Сделан вывод о существовании различий в реакциях экономических систем регионов на вызовы неопределенности в зависимости от адаптационных способностей регионов и своевременности принимаемых решений. Предложены направления адаптации региональных хозяйственных систем к условиям социально-экономической неопределенности, а также выделены ключевые инструменты государственной региональной политики для поддержания их устойчивости.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Г. Ф. Галиева – формулировка методики исследования, постановка целей и задач, выбор методов исследования. Н. Н. Грибок – формирование статистической базы исследования, описание статистических данных. Ю. В. Иода – осуществление экономического анализа, создание визуальных материалов. С. В. Пономарев – разработка рекомендаций, описание результатов и выводов.
Contribution: G. F. Galieva defined the research methodology, set goals and objectives, and selected the research methods. N. N. Gribok collected and described the statistical data. Yu. V. Ioda performed economic analysis, created visual presentation of the material. S. V. Ponomarev developed the recommendations, described the results and conclusions.

Литература / References

1. Ведев А. Л., Дробышевский С. М., Кнобель А. Ю., Соколов И. А., Трунин П. В. Сценарии развития экономической ситуации в России в 2020–2021 гг. и вызовы экономической политики. *Экономическое развитие России*. 2020. Т. 27. № 5. С. 4–23. [Vedev A. L., Drobyshevsky S. M., Knobel A. Yu., Sokolov I. A., Trunin P. V. Scenarios of the development of the economic situation in Russia in 2020–2021 and challenges of economic policy. *Russian Economic Development*, 2020, 27(5): 4–23 (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/yxijct
2. Песоцкий А. А. Экономический шок: определение, укрупненные подходы к классификации. *Kant*. 2021. № 2. С. 85–90. [Pesotskiy A. A. Economic shock: definition, consolidated approaches to classification. *Kant*, 2021, (2): 85–90. (In Russ.)] https://doi.org/10.24923/2222-243X.2021-39.16
3. Moskovtceva L. V., Pilipchuk N. V., Khashir B. O., Popova Yu. N., Aksenova Z. A. Development of digital regional ecosystems: Russian specifics and risk leveling. *AgroTech. AI, Big Data, IoT*, eds. Popkova E. G., Sozinova A. A. Singapore: Springer Singapore, 2022, 79–88. https://doi.org/10.1007/978-981-19-3555-8_8
4. Коновалова М. Е., Усанов А. Ю., Труфанова С. А., Родин А. Ю. Структурный анализ причин и последствий глобальных кризисов (на примере стран G7). *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2022. Т. 12. № 4. С. 10–24. [Konovalova M. E., Usanov A. Yu., Trufanova S. A., Rodin A. Yu. Structural analysis of the causes and consequences of global crises (using the example of G7 countries). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, 2022, 12(4): 10–24. (In Russ.)] https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-4-10-24

[36] Цифровая медицина во время пандемии COVID-19. *EverCare*. URL: https://evercare.ru/news/cifrovaya-medicina-vo-vremya-pandemii-covid-19 (дата обращения: 18.02.2023).

5. Fraymovich D. Y., Konovalova M. E., Roshchektaeva U. Yu., Karpunina E. K., Avagyan G. L. Designing mechanisms for ensuring the economic security of regions: countering the challenges of instability. *Towards an Increased Security: Green Innovations, Intellectual Property Protection and Information Security*: Proc. Institute of Scientific Communications Conf., Vladimir, 17–19 Apr 2019. Switzerland: Springer, 2022, 569–581. https://doi.org/10.1007/978-3-030-93155-1_63
6. Осипов В. А., Красова Е. В., Вичковский Н. А. Современные подходы к стратегическому управлению на предприятии в условиях неопределенности. *Лидерство и менеджмент*. 2022. Т. 9. № 4. С. 1015–1032. [Osipov V. A., Krasova E. V., Vichkovskii N. A. Current approaches to strategic management in a company amidst uncertainty. *Liderstvo i menedzhment*, 2022, 9(4): 1015–1032 (In Russ.)] https://doi.org/10.18334/lim.9.4.116639
7. Шманева Л. В., Шманев С. В. Роль хаоса и неопределенности в теории управления социально-экономическими процессами. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2021. Т. 11. № 6. С. 51–64. [Shmaneva L. V., Shmanev S. V. Role of chaos and uncertainty of theories of management of social and economic processes. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, 2021, 11(6): 51–64. (In Russ.)] https://doi.org/10.21869/2223-1552-2021-11-6-51-64
8. Sharma P., Leung T. Y., Kingshott R. P. J., Davcik N. S., Cardinali S. Managing uncertainty during a global pandemic: an international business perspective. *Journal of Business Research*, 2020, 116: 188–192. https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.05.026
9. Козлова А. А., Омилянчук А. А., Боркова Е. А. Инновационное предпринимательство в России в период санкций. *Креативная экономика*. 2022. Т. 16. № 6. С. 2135–2146. [Kozlova A. A., Omilianchuk A. A., Borkova E. A. Innovative entrepreneurship in Russia amidst sanctions. *Kreativnaia ekonomika*, 2022, 16(6): 2135–2146. (In Russ.)] https://doi.org/10.18334/ce.16.6.114861
10. Заернюк В. М., Черникова Л. И., Голина С. И. К вопросу оценки уязвимости стран, к которым применялись ранее и действуют санкции в настоящее время. *Экономика и предпринимательство*. 2016. № 1-2. С. 465–470. [Zayernyuk V. M., Chernikova L. I., Golina S. I. On assessment of the vulnerability of countries to which the earlier sanctions and act now. *Journal of Economy and entrepreneurship*, 2016, (1-2): 465–470. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/vpbwvj
11. Суярков А. С., Озеров С. Л., Генкин Е. В. Актуальность антикризисных управленческих решений при управлении предприятиями в период пандемии. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2021. Т. 2. № 6. С. 110–117. [Suiarkov A. S., Ozerov S. L., Genkin E. V. Relevance of anti-crisis management decisions in the management of enterprises during the pandemic period. *Economics and management: problems, solutions*, 2021, 2(6): 110–117. (In Russ.)] https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2021.06.02.017
12. Винслав Ю. Б. Мобилизационная экономика как технология государственного управления в условиях тотальных санкций. *Российский экономический журнал*. 2022. № 4. С. 4–29. [Vinslav Yu. B. Mobilization economy as a technology of public administration in the conditions of total sanctions. *Russian Economic Journal*, 2022, (4): 4–29. (In Russ.)] https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-4-4-29
13. Weston M. J. Strategic planning in an age of uncertainty: creating clarity in uncertain times. *Nurse Leader*, 2020, 18(1): 54–58. https://doi.org/10.1016/j.mnl.2019.11.009
14. Лобанов А. А. Энциклопедия финансового риск-менеджмента. М.: Альпина Паблишер, 2007. 878 с. [Lobanov A. A. *Encyclopedia of financial risk management*. Moscow: Alpina Pablisher, 2007, 878. (In Russ.)]
15. Демина Е. С. Многообразие понятия «неопределенность» в экономике. *Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития*. 2013. № 8. С. 117–122. [Demina E. S. Diversity of the "uncertainty" concept in economics. *Economics and management in the XXI century: development trends*, 2013, (8): 117–122. (In Russ.)] https://elibrary.ru/rkzlal
16. Karpunina E. K., Butova L. M., Sobolevskaya T. G., Badokina E. A., Pliusnina O. V. The impact of the COVID-19 pandemic on the development of Russian national economy sectors: analysis of dynamics and search for stabilization measures. *Innovation management and information technology impact on global economy in the era of pandemic*: Proc. 37th Intern. Business Information Management Association Conf., Cordoba, 30–31 May 2021. Granada: IBIMA, 2021, 1213–1226. https://elibrary.ru/fcwahg
17. Kukina E. E., Fomenko N. M., Alekhina O. F., Smirnova E. V., Pecherskaya O. A. Long-term effects of COVID-19: how the pandemic highlighted the global digital divide. *Big data in the govtech system*, eds. Ostrovskaya V. N., Bogoviz A. V. Cham: Springer, 2022, 110: 137–148. https://doi.org/10.1007/978-3-031-04903-3_17

18. Грицан Е. Д. Перспективы развития мирового энергетического рынка в условиях нестабильности. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2022. № 11. С. 98–107. [Gritsan E. D. Prospects for global energy market in volatile environment. *Russian Foreign Economic Journal*, 2022, (11): 98–107. (In Russ.)] https://doi.org/10.24412/2072-8042-2022-11-98-107
19. Kapustina N. V., Tishchenko E. S., Ruzhanskaya N. V., Astakhin A. S., Trufanova S. A. Comparative analysis of the economic security of the regions and the methodology of its implementation. *Environmental footprints and eco-design of products and processes*, 2022, 243–254. https://doi.org/10.1007/978-981-19-1125-5_28
20. Карпунина Е. К., Моисеев С. С., Карпунин К. Д. Трансформация рынка труда в период пандемии: новые риски экономической безопасности. *Друкеровский вестник*. 2022. № 1. С. 156–165. [Karpunina E. K., Moiseev S. S., Karpunin K. D. Transformation of the labor market during the pandemic: new economic security risks. *Drukerovskij vestnik*, 2022, (1): 156–165. (In Russ.)] https://doi.org/10.17213/2312-6469-2022-1-156-165
21. Strelnikova T. D., Klimentova E. A., Piven I. G., Starodubtceva A. S., Ivinskaya I. V. The impact of the COVID-19 recession on the Russian labor market. *Digital technologies and institutions for sustainable development*, eds. Bogoviz A. V., Popkova E. G. Cham: Springer, 2022, 3–9. https://doi.org/10.1007/978-3-031-04289-8_1
22. Калинин А. Р., Абалакин А. А., Миргород Е. Е., Бейлина А. Ф. Трансформация региональных рынков труда в период пандемического кризиса. *Вестник Самарского государственного экономического университета*. 2022. № 6. С. 46–58. [Kalinin A. R., Abalakin A. A., Mirgorod E. E., Beilina A. F. Transformation of regional labor markets during the pandemic crisis. *Vestnik of Samara State University of Economics*, 2022, (6): 46–58. (In Russ.)] https://doi.org/10.46554/1993-0453-2022-6-212-46-58
23. Kuzmenko N. I., Lapushinskaya G. K., Lisova E. V., Tleptserukov M. A., Karpunina E. K. Russian regions: assessment of factors of growth in the living standard and well-being of the population. *Geo-economy of the future: sustainable agriculture and alternative energy*, eds. Popkova E. G., Sergi B. S. Cham: Springer, 2022, 619–639. https://doi.org/10.1007/978-3-030-92303-7_66
24. Mejokh Z., Korolyuk E., Sozaeva D., Pilipchuk N., Karpunina E. Economic security of Russian regions: risk factors and consequences of the COVID-19 pandemic. *Sustainable economic development and advancing education excellence in the era of global pandemic*: Proc. 36th Intern. Business Information Management Association Conf., Granada, 4–5 Nov 2020. Granada: IBIMA, 2020, 8197–8205.

© 2023. Самофатова К. А.

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

оригинальная статья

Оценка социальной эффективности системы долговременного ухода за инвалидами и гражданами пожилого возраста в Ставропольском крае

Самофатова Ксения Алексеевна
Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Россия, Владимир
https://orcid.org/0000-0002-3900-6616
kandikaeva@mail.ru

Поступила 28.04.2023. Принята после рецензирования 21.06.2023. Принята в печать 30.06.2023.

Аннотация: Реализация системы долговременного ухода за инвалидами и людьми старшего поколения предполагает не только привлечение инвестиций на разных уровнях функционирования, но и получение социального эффекта. В связи с этим цель исследования – провести оценку социальной эффективности системы долговременного ухода за инвалидами и гражданами пожилого возраста в Ставропольском крае на основе авторского подхода. Методы: описание и анализ научной литературы; аналитические и статистические методы обработки данных; опосредованный анонимный опрос. Вычисления проводились при помощи программного пакета анализа Microsoft Excel. Проведен теоретический анализ научной литературы для формирования понятийно-категориального аппарата. Использована многоступенчатая типологическая выборка. В опосредованном опросе приняло участие 500 респондентов, в экспертном опросе – 20 экспертов в области социального обслуживания населения и долговременного ухода. Реализация системы долговременного ухода за инвалидами и людьми старшего поколения является приоритетным социально значимым направлением на федеральном и региональном уровнях и обладает высоким уровнем социальной эффективности. Практическая значимость исследования заключается в разработке и апробировании авторской методики оценки социальной эффективности системы долговременного ухода за инвалидами и гражданами пожилого возраста.

Ключевые слова: оценка, социальная эффективность, система, долговременный уход, граждане пожилого возраста, инвалиды

Цитирование: Самофатова К. А. Оценка социальной эффективности системы долговременного ухода за инвалидами и гражданами пожилого возраста в Ставропольском крае. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2023. Т. 8. № 3. С. 391–400. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-3-391-400

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

full article

System of Long-Term Care for the Disabled and Elderly Citizens in the Stavropol Krai: Assessment of the Social Performance

Kseniia A. Samofatova
Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Russia, Vladimir
https://orcid.org/0000-0002-3900-6616
kandikaeva@mail.ru

Received 28 Apr 2023. Accepted after peer review 21 Jun 2023. Accepted for publication 30 Jun 2023.

Abstract: The system of long-term care for the disabled and elderly people has to attract investments and produce a social effect. The purpose of the study is to assess the social performance of the of long-term care system for the disabled and elderly citizens in the Stavropol Krai on the basis of the original author's approach. Methods: description and literature analysis, analytical and statistical methods of data processing, indirect anonymous survey. The author analyzes the scientific literature to form the conceptual and categorical apparatus. The survey uses multistage typological sampling. The indirect survey involved 500 respondents; the expert survey – 20 experts in the field of social services and long-term care. The research shows that the system of long-term care for the disabled and elderly people is a priority at the federal and regional levels and has a high social performance. The practical significance of this study lies in the development and implementation of the original methodology for assessing the social performance of the long-term care system.

Keywords: assessment, social performance, system, long-term care, elderly citizens, disabled

Citation: Samofatova K. A. System of Long-Term Care for the Disabled and Elderly Citizens in the Stavropol Krai: Assessment of the Social Performance. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(3): 391–400. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-3-391-400

Введение

В зарубежной и отечественной практике процессы принятия управленческих решений по вопросам финансирования социально значимых и социально полезных общественных проектов являются предметом активного обсуждения среди органов государственного власти и управления, частных партнеров, представителей социально ориентированных некоммерческих организаций и социума в целом. Выстраивание процессов, которые позволяют оценить степень влияния, результативность и эффективность социально значимых и общественных проектов, нацеленных на улучшение качества жизни инвалидов и граждан старшего поколения, представляется возможным.

Внедрение системы долговременного ухода призвано, во-первых, повысить качество жизнедеятельности, сохранить привычную атмосферу и уровень самостоятельности получателей социальных услуг по уходу. Во-вторых, система должна способствовать поддержанию физического и психического здоровья, изменению социального статуса, а также восстановлению навыков самообслуживания инвалидов и граждан старшего поколения. Важной целью реализации пилотного проекта по внедрению системы долговременного ухода является обеспечение социальных услуг по уходу, благодаря которым изменяется физическое и психическое состояние инвалидов и людей пожилого возраста, а также увеличивается ценность и значимость человеческого капитала уязвимых категорий населения.

Цель исследования заключается в разработке авторского подхода к оценке социальной эффективности системы долговременного ухода и апробировании методики на системе долговременного ухода Ставропольского края. Для достижения цели автором были поставлены следующие задачи:

- провести структурно-декомпозиционный анализ существующих институциональных понятий *эффективность, социальная эффективность, социальный эффект*;
- систематизировать ключевые критерии и показатели, использующиеся для определения социальной эффективности системы долговременного ухода на территории Ставропольского края;
- оценить значимость (весомость) критериев для определения социальной эффективности системы долговременного ухода за инвалидами и гражданами пожилого возраста в Ставропольском крае.

Для точной оценки социальной эффективности системы долговременного ухода за инвалидами и людьми пожилого поколения необходимо, чтобы все участники системы долговременного ухода использовали единый понятийно-категориальный аппарат [1]. В систему долговременного ухода входят Социальный фонд России; государственные органы власти и управления территориальных субъектов; подведомственные организации отрасли социального обслуживания и здравоохранения; федеральные учреждения медико-социальной экспертизы; страховые эксперты; работники, задействованные в обеспечении социальных услуг по уходу; граждане, осуществляющие уход и нуждающиеся в уходе.

В зарубежной и отечественной экономической теории существуют различные подходы авторов к трактованию таких понятий как *эффективность, социальная эффективность, социальный эффект*. Так, эффективность является универсальным и междисциплинарным термином, т. к. используется во многих отраслях деятельности человека. В экономической теории Д. Рикардо считается одним из первых, кто начал использовать данное понятие, подразумевая под ним отношение результата к определенному виду затрат [2]. П. Хейн определял эффективность как соотношение между целями и средствами[1]. Другие авторы рассматривают эффективность как способ достижения целей и задач [3–6]. Сложность заключается в том, что у каждого проекта свои цели, и не все поставленные цели могут быть должным образом оценены. Другие исследователи дополняют данный подход, учитывая ресурсную составляющую при реализации социально значимого и общественного проекта [7–11].

Автор исследования разграничивает понятия *социальная эффективность* и *социальный эффект*. Анализ научной литературы показал широкое применение термина социальная эффективность среди

[1] Heyne P. Efficiency. The concise encyclopedia of economics. *The Library of Economics and Liberty*. URL: http://www.econlib.org/library/enc/Efficiency.html (accessed 25 Mar 2023).

ученых-экономистов и социологов. Одни исследователи сопоставляют социальную эффективность с целями и результатами проектов [12–14], другие – с затратами и ресурсами[2] [15; 16]. Ряд авторов акцентируют свое внимание на степени удовлетворенности потребностей конечных потребителей [17–19]. Н. П. Паздникова под эффективностью в узком смысле подразумевает «степень удовлетворенности населения программными услугами» [20, с. 222].

Н. В. Рождественская и др. рассматривают социальный эффект как определенные действия, которые могут выражаться качественно либо количественно [14, с. 26]. Е. И. Андреева и др. под социальным эффектом понимают «изменения в жизни отдельных групп населения, общества в целом, которые являются следствием изменения состояния / статуса благополучателей – участников программы» [17, с. 46]. И. К. Беляевский определяет социальный эффект как оценку культурного и материального уровня жизни общества, удовлетворение потребностей в услугах и товарах, улучшение физического здоровья и условий жизнедеятельности [21].

Анализ существующих определений научной литературы позволил выделить наиболее существенные характеристики, используемые авторами и исследователями при идентификации понятий *эффективность, социальная эффективность, социальный эффект*.

Учитывая рассмотренные подходы, социальная эффективность будет оцениваться автором при помощи таких критериев, как *социальные эффекты*, соотносимые с затратами или ресурсами в рамках системы долговременного ухода, а также *демографические факторы* (численность нуждающихся граждан, качество их жизни).

Социальный эффект обуславливает влияние системы долговременного ухода на изменение уровня жизни получателей социальных услуг и отражение его на качестве жизни непосредственно вовлеченных участников и остальных членов социума (изменение величины средней заработной платы, развитие социальной инфраструктуры, повышение доступности и качества предоставляемых услуг и т. п.).

Методы и материалы

Информационная база исследования включает совокупность аналитической и статистической информации в области долговременного ухода, размещенной в открытом доступе на сайте министерства труда и социальной защиты населения Ставропольского края (минсоцзащиты СК)[3] и Федеральной службы государственной статистики[4], а также результаты опроса 520 респондентов и научные работы отечественных теоретиков и практиков по предмету исследования. Обработка, вычисления и графическое представление статистических данных выполнено при помощи программы Microsoft Excel.

В ходе исследования использованы методы:

- описание и анализ научной литературы по проблеме исследования для структурно-декомпозиционного анализа существующих институциональных понятий *эффективность, социальная эффективность, социальный эффект*;
- опосредованный, анонимный опрос через сервис Google Формы для систематизации ключевых критериев и показателей, использующихся для оценки социальной эффективности системы долговременного ухода за инвалидами и гражданами пожилого возраста в Ставропольском крае;
- аналитические и статистические методы обработки данных с использованием Google Таблиц для оценки значимости (весомости) критериев, используемых при определении социальной эффективности системы долговременного ухода за инвалидами и гражданами пожилого возраста в Ставропольском крае.

Результаты

Демографические изменения во всем мире могут удвоить расходы на долговременный уход из-за трудоемкости сектора здравоохранения и социального обслуживания, а также ограниченных возможностей повышения производительности работников, предоставляющих социальные услуги в системе долговременного ухода[5]. В странах Организации экономического сотрудничества и развития спрос на услуги в рамках долговременного ухода ежегодно растет. Причина, прежде всего, в увеличении продолжительности жизни и в отдельном проживании граждан пожилого возраста от других членов своей семьи [22].

На территории РФ организация системы долговременного ухода за инвалидами и гражданами пожилого возраста реализуется на основе межведомственного взаимодействия между учреждениями различных организационно-правовых форм,

[2] Румянцева Е. Е. Новая экономическая энциклопедия. 4-е изд. М.: ИНФРА-М, 2016. С. 692.

[3] Министерство труда и социальной защиты населения Ставропольского края. URL: https://minsoc26.ru/social/ (дата обращения: 10.03.2023).

[4] Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 10.03.2023).

[5] Allen K., Bednárik R., Campbell L., Dieterich A., Durrett E. H., Emilsson T., Glasby J., Gobet P., Kagialaris G., Klavus J., Kümpers S., Leichsenring K., Ljunggren G., Mastroyiannaki T., Meriläinen S., Naiditch M., Nies H., Repetti M., Repkova K., Rodrigues R., Stiehr K., Van der Veen R., Wagner L., Weigl B. Governance and finance of long-term care across Europe. Birmingham; Vienna, 2011, 91. URL: https://interlinks.euro.centre.org/sites/default/files/1%20WP6_GOV_FIN_final.pdf (accessed 13 Mar 2023).

предоставляющими социальные услуги по уходу на дому, в стационаре и полустационаре. Также в инфраструктуру системы долговременного ухода за людьми старшего поколения включаются учреждения медицинского профиля для оказания паллиативной помощи нуждающимся гражданам. В систему входят учреждения амбулаторной, стационарной, гериатрической и реабилитационной направленности [23–25]. Реализация национального проекта «Старшее поколение» направлена на решение социально значимых проблем и удовлетворение потребностей, которые возникают у инвалидов и пожилых людей.

В Ставропольском крае система долговременного ухода реализуется с 2019 г. в 36 пилотных учреждениях сферы социальной защиты населения, расположенных в 25 городских и муниципальных районных округах. За период 2019–2023 гг. на территории Ставропольского края разработана нормативная законодательная база, регулирующая деятельность системы долговременного ухода за инвалидами и гражданами пожилого возраста; обновлено материально-техническое оснащение организаций, задействованных в системе; внедрены новые социальные инновационные сервисы и технологии; установлены замещающие стационары в труднодоступных и отдаленных от краевых административных центров территориях. Продолжается профессиональная подготовка и организация дополнительного профессионального обучения кадров (включая вновь принятых работников), которые задействованы в оказании социальных услуг по уходу за немобильными или маломобильными получателями помощи с ограниченной жизнедеятельностью.

С целью оценки социальной эффективности системы долговременного ухода за инвалидами и гражданами пожилого возраста в Ставропольском крае был проведен опрос. Разработан авторский подход, в рамках которого систематизированы ключевые критерии и показатели, которые используются для оценки социальной эффективности (рис.).

Объем выборки социологического опроса составил 520 респондентов. В состав выборки вошли представители министерства труда и социальной защиты населения Ставропольского края; эксперты в области долговременного ухода; административно-управленческий персонал пилотных учреждений; работники, осуществляющие уход и оказание социальных услуг; законные представители / родственники людей старшего поколения; немобильные и маломобильные граждане. Такой состав выборки позволил получить комплексную многомерную оценку социальной эффективности системы долговременного ухода за инвалидами и гражданами пожилого возраста в Ставропольском крае со стороны всех ее ключевых участников.

Рис. Авторский подход к оценке социальной эффективности системы долговременного ухода за инвалидами и гражданами пожилого возраста в Ставропольском крае
Fig. Original approach to assessing the social performance of long-term care system in the Stavropol Krai

Результаты опосредованного опроса позволяют сделать следующие выводы:

• 87 % респондентов оценили изменение качества жизни людей старшего поколения в результате получения социальных услуг по уходу на 5 баллов, 13 % – на 4 балла. Такие оценки не являются следствием низкого уровня качества обслуживания до внедрения пилотного проекта, а отражают результат сравнения качества прежней жизни и жизни после внедрения системы долговременного ухода;

• 58 % подтвердили изменение самочувствия в результате деятельности системы долговременного ухода. 10 % респондентов оценили изменение самочувствия на 3 балла. Это связано с возрастными изменениями, снижением самостоятельности и мобильности, анатомо-физиологическими особенностями уязвимых категорий населения;

• 84 % отметили, что помощь в быту, соблюдение гигиены, медицинская и реабилитационная помощь улучшила качество жизни получателей услуг;

• 77 % оценили на 5 баллов изменение повседневной занятости, 63 % – профессиональной. Изменения занятости включают трудоустройство граждан старшего поколения в стационарных организациях, где они проживают, а также возможности досуга. Гражданам доступны: вышивание, вязание, рисование, судоку, выращивание комнатных растений, театр, пение, кроссворды и т. д.;

• 51 % респондентов отметили изменение физической и психологической нагрузки в рамках системы долговременного ухода на 5 баллов, 45 % – на 4 балла, 5 % – на 3. Высокие оценки связаны с использованием технических средств реабилитации и вспомогательных средств ухода (доски для перемещения, пояса, скользящие простыни и т. д.) в процессе предоставления социальных услуг по уходу. Низкие оценки связаны с тем, что система также обслуживает граждан старшего поколения со 2-м и 3-м уровнями нуждаемости в уходе;

• 82 % оценили процесс выявления граждан, нуждающихся в долговременном уходе, на 5 баллов: до 2019 г. применялся заявительный принцип (личная инициатива), после 2019 г. применяется проактивный подход (выявление осуществляется с помощью Координационного центра);

• 83 % респондентов оценили определение индивидуальной потребности граждан, нуждающихся в социальном обслуживании, на 5 баллов; 84 % – предоставление социальных услуг по уходу;

• 86 % оценили социальный эффект от оптимизации трудозатрат в системе долговременного ухода посредством применения перекрестного, параллельного обслуживания и использования технических средств реабилитации;

• 79 % отметили социальный эффект от осуществления контроля качества предоставления социальных услуг по уходу (внутренний, государственный, общественный контроль);

• 87 % респондентов оценили социальный эффект от удовлетворенности качеством социальных услуг по уходу на 5 баллов, 13 % – на 4 балла;

• 78 % указывают на присутствие социального эффекта от организации содействия гражданам, осуществляющим уход, и от информационной поддержки системы долговременного ухода;

• эффективность системы долговременного ухода напрямую зависит от доступности инфраструктуры социального обслуживания для людей старшего поколения: 75 % оценивают социальный эффект от созданной инфраструктуры системы долговременного ухода на 5 баллов. Критерий включает в себя реконструкцию объектов социального и медицинского обслуживания, создание школ ухода, пунктов проката технических средств реабилитации, центров дневного пребывания и т. д.;

• 92 % оценивают социальный эффект от подготовки (переподготовки) кадров и соответствие их квалификации для системы долговременного ухода на 5 баллов. Во время обучения работники пилотных учреждений получают новые знания и осваивают практические навыки ухода;

• 61 % респондентов оценили социальный эффект от согласованности деятельности всех участников системы и организации межведомственного взаимодействия на 4 балла, 31 % – на 3 балла, 7 % – на 5. Низкие оценки связаны с полным отсутствием действующих механизмов межведомственного взаимодействия, которые предполагают обмен информационными данными между участниками системы долговременного ухода;

• 59 % оценивают социальный эффект от обеспечения поддержки добровольческих (волонтерских) организаций и добровольцев (волонтеров) на 4 балла, 32 % – на 3 балла, 9 % – на 5.

Обобщенная оценка респондентами критериев социальной эффективности системы долговременного ухода за инвалидами и гражданами пожилого возраста расчитывается по формуле:

$$\text{Критерий оценки} = \frac{\sum_{1}^{500} x_j}{n},$$

где x_j – значение баллов по каждому критерию оценки, $j = 1 \div 500$; n – количество анкет.

Результаты расчета представлены в таблице 1.

Экспертным методом был определен удельный вес каждого из критериев, доля которых умножается на значение социального эффекта оцениваемого критерия.

Табл. 1. Обобщенная оценка респондентами критериев социальной эффективности системы долговременного ухода за инвалидами и гражданами пожилого возраста
Tab. 1. Respondents' generalized assessment of the long-term care system social performance criteria

Критерии оценки	Результат
Изменение качества жизни получателей социальных услуг в результате получения услуг в системе долговременного ухода (КЖ)	4,9
Изменение самочувствия в результате получения социальных услуг по уходу (СЧ)	4,5
Влияние уровня социального обслуживания на качество жизни (помощь в быту, соблюдение гигиены, реабилитация, медицинская помощь) (УСО)	4,8
Изменение профессиональной занятости после получения социальных услуг по уходу (ИПЗ)	4,6
Изменение повседневной занятости и активности после получения социальных услуг по уходу (ИПЗА)	4,8
Изменение физической и психологической нагрузки в системе долговременного ухода (ФПН)	4,5
Выявление граждан, нуждающихся в долговременном уходе (ВГ)	4,8
Определение индивидуальной потребности граждан, нуждающихся в социальном обслуживании, долговременном уходе (ОИП)	4,8
Предоставление социальных услуг по уходу (ПСУ)	4,8
Оптимизация трудозатрат после внедрения системы долговременного ухода (перекрестное, параллельное обслуживание, использование ТСР) (ОТ)	4,9
Осуществление контроля качества предоставления социальных услуг по уходу (ОКК)	4,8
Изменение уровня удовлетворенности качеством социальных услуг по уходу (УУК)	4,9
Организация содействия гражданам, осуществляющим уход (ОСГ)	4,8
Созданная инфраструктура системы долговременного ухода (СИНФ)	4,8
Подготовка (переподготовка) кадров и соответствие их квалификации для системы долговременного ухода (ППК)	4,9
Межведомственное взаимодействие и согласованность деятельности участников системы долговременного ухода (МВ)	3,8
Информационная поддержка системы долговременного ухода (ИНФП)	4,8
Поддержка добровольческих (волонтерских) организаций и добровольцев (волонтеров) (ОПДО)	3,8

Экспертный метод предполагает опрос группы экспертов в области долговременного ухода. Результаты экспертного опроса являются базой для выявления и оценки значимости (весомости) критериев для определения социальной эффективности.

Результаты оценки социальной эффективности (СЭФ) системы долговременного ухода за инвалидами и гражданами пожилого возраста в Ставропольском крае представлены в таблице 2.

На основании анализа и обработки полученной информации были определены критерии, которые лучше всего характеризуют эффективность системы долговременного ухода. Максимальную оценку получили такие критерии, как *социальный эффект от предоставления социальных услуг по уходу* (0,11), *социальный эффект от созданной инфраструктуры системы долговременного ухода* (0,12), *социальный эффект от подготовки (переподготовки) кадров и соответствие их квалификации для системы долговременного ухода* (0,26).

Расчет итоговой оценки социальной эффективности системы долговременного ухода за инвалидами и гражданами пожилого возраста в Ставропольском крае производился на основе общей суммы произведения балльной оценки (x_j) и удельного веса значимости оцениваемого критерия (СЭФ$_j$) по следующей формуле:

$$\text{СЭФ} = (x_j * \text{СЭФ}_j) + (x_{j+1} * \text{СЭФ}_{j+1}) + \dots + (x_{11} * \text{СЭФ}_{11}) = \sum_{j=1}^{11} x_j * \text{СЭФ}_j,$$

где x_j – значение баллов по каждому критерию оценки, $j = 1 \div 11$; СЭФ$_j$ – удельный вес значимости оцениваемого критерия.

Табл. 2. Результаты оценки социальной эффективности системы долговременного ухода за инвалидами и гражданами пожилого возраста в Ставропольском крае
Tab. 2. Assessment of the long-term care system social performance in the Stavropol Krai

Критерии экспертной оценки	Формула расчета	Среднее значение	Удельный вес	Расчет СЭФ
Качество жизни получателей социальных услуг в системе долговременного ухода ($СЭФ_1$)	$СЭФ_1 = \frac{(КЖ + СЧ + УСО + ИПЗ + ИПЗА + ФПН)}{6}$	4,70	0,09	0,42
Социальный эффект от выявления граждан, нуждающихся в долговременном уходе ($СЭФ_2$)	$СЭФ_2 = ВГ$	4,80	0,07	0,34
Социальный эффект от определения индивидуальной потребности граждан, нуждающихся в социальном обслуживании, долговременном уходе ($СЭФ_3$)	$СЭФ_3 = ОИП$	4,80	0,09	0,43
Социальный эффект от предоставления социальных услуг по уходу ($СЭФ_4$)	$СЭФ_4 = \frac{(ПСУ+ОТ)}{2}$	4,90	0,11	0,54
Социальный эффект от осуществления контроля качества предоставления социальных услуг по уходу ($СЭФ_5$)	$СЭФ_5 = \frac{(ОКК+УУК)}{2}$	4,80	0,06	0,29
Социальный эффект от организации содействия гражданам, осуществляющим уход ($СЭФ_6$)	$СЭФ_6 = ОСГ$	4,80	0,05	0,24
Социальный эффект от созданной инфраструктуры системы долговременного ухода ($СЭФ_7$)	$СЭФ_7 = СИНФ$	4,80	0,12	0,58
Социальный эффект от подготовки (переподготовки) кадров и соответствия их квалификации для системы долговременного ухода ($СЭФ_8$)	$СЭФ_8 = ППК$	4,90	0,26	1,27
Социальный эффект от межведомственного взаимодействия и согласованности деятельности участников системы долговременного ухода ($СЭФ_9$)	$СЭФ_9 = МВ$	3,80	0,07	0,27
Социальный эффект от информационной поддержки системы долговременного ухода ($СЭФ_{10}$)	$СЭФ_{10} = ИНФП$	4,80	0,05	0,24
Социальный эффект от обеспечения поддержки добровольческих (волонтерских) организаций и добровольцев (волонтеров) ($СЭФ_{11}$)	$СЭФ_{11} = ОПДО$	3,80	0,05	0,19

Табл. 3. Критерии итоговой оценки социальной эффективности системы долговременного ухода за инвалидами и гражданами пожилого возраста в Ставропольском крае
Tab. 3. Criteria for the final assessment of the long-term care system social performance in the Stavropol Krai

Уровень эффективности	Процентная оценка	Балльная оценка
Низкий уровень	0–30 %	0–1,50
Средний уровень	31–79 %	1,51–3,95
Высокий уровень	80–100 %	3,96–5,00

Оценка итогового значения социальной эффективности проводится в баллах (табл. 3). Чем выше итоговый балл, тем выше уровень эффективности.

Согласно полученным расчетам итоговое значение социальной эффективности системы долговременного ухода в Ставропольском крае равно 4,80, что подтверждает высокий уровень ее социальной эффективности.

Заключение

Реализация социально-значимого пилотного проекта по внедрению системы долговременного ухода направлено на получение социальных эффектов. Оценка социальной эффективности в рамках исследования необходима для четкого понимания целесообразности и важности внедрения системы долговременного ухода. Исследование подтвердило, что качество реализации системы долговременного ухода на территории Ставропольского края является высоким с 2019 г. Социальная эффективность системы долговременного ухода оценивается при помощи идентификации социальных эффектов, которые генерируются разными элементами системы долговременного ухода. Общая совокупность социальных эффектов системы долговременного ухода отражается на качестве жизни уязвимых категорий населения, что является первостепенной задачей реализации пилотного проекта в регионах РФ.

Социальная эффективность системы долговременного ухода измеряется наличием позитивных изменений не только у немобильных и маломобильных людей старшего поколения, но и в жизнедеятельности социума в целом (семейного окружения, законных представителей, персонала). В рамках исследования для оценки и измерения социальной эффективности системы долговременного ухода были использованы качественные показатели и социальные результаты, такие как улучшение качества жизни, самочувствия, психического и физического здоровья, снижение трудозатрат, улучшение материально-технического обеспечения, повышение профессиональной подготовки кадров, повседневной занятости и активности, изменение качества предоставляемых социальных услуг по уходу.

В рамках исследования оценка социальной эффективности была проведена по авторской методике путем выделения отдельного относительного показателя. Методика включала в себя опосредованный опрос респондентов и экспертный опрос, составление таблиц распределения ответов с использованием Google Таблиц, расчет окончательного коэффициента социальной эффективности системы долговременного ухода за инвалидами и гражданами пожилого возраста в Ставропольском крае.

На основе полученных данных и итоговых расчетов, можно заключить, что реализация системы долговременного ухода в Ставропольском крае имеет высокий уровень эффективности и большую практическую реализацию, социальную направленность при тиражировании пилотного проекта. Результаты исследования демонстрируют высокий уровень положительного влияния системы долговременного ухода на жизнедеятельность людей старшего поколения с ограничениями мобильности. Представленный метод оценки способствует решению социально значимых и проблем общества.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Дерен И. И., Самофатова К. А. Понятийно-категориальный аппарат и классификация социальных услуг по уходу в системе долговременного ухода за гражданами пожилого возраста. *Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Экономические науки.* 2022. № 3. С. 20–25. [Deren I. I., Samofatova K. A. Conceptual and categorical apparatus and classification of social care services in the system of long-term care for elderly citizens. *Bulletin of the Vladimir State University named after Alexander G. and Nicholas G. Stoletovs. Series: Economics*, 2022, (3): 20–25. (In Russ.)] https://elibrary.ru/lwshbm
2. Ricardo D. *On the principles of political economy and taxation*. 3rd ed. Kitchener: Batoche Books, 2001, 333.
3. Купрейшвили Е. Т., Соловьёв Б. А., Тимофеев А. И. Экономическая категория «эффективность» в современной науке. *Вестник Евразийской науки.* 2021. Т. 23. № 2. [Kupreyshvili E. T., Solovyov B. A., Timofeev A. I. Economic category "efficiency" in modern science. *The Eurasian Scientific Journal*, 2021, 23(2). (In Russ.)] https://elibrary.ru/mihaeo
4. Price J. L. The study of organizational effectiveness. *The Sociological Quarterly*, 1972, 13(1): 3–15. https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.1972.tb02100.x

5. Медведев В. Ю., Гаспарян Э. Г., Панкова А. Р. Эффективность и результативность: соотношение понятий и методы их оценки. *Молодой ученый*. 2021. № 11. С. 64–65. [Medvedev V. Yu., Gasparyan E. G., Pankova A. R. Efficiency and effectiveness: correlation of concepts and their evaluation methods. *Molodoi uchenyi*, 2021, (11): 64–65. (In Russ.)] https://elibrary.ru/lqnacg
6. Хижа О. Н. Эволюция подходов к трактовке понятия «эффективность» в экономической науке. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2018. № 7. С. 21–27. [Khizha O. N. The evolution of approaches to the interpretation of the concept "efficiency" in economic science. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2018, (7): 21–27. (In Russ.)] https://doi.org/10.24411/1994-2796-2018-10703
7. Yuchtman E., Seashore S. E. A system resource approach to organizational effectiveness. *American Sociological Review*, 1967, 6(32): 891–903. https://doi.org/10.2307/2092843
8. Макконнелл К. Р., Брю С. Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика. М.: ИНФРА-М, 2003, 972 с. [McConnell C. R., Brue S. L. *Economics: principles, problems and policies*. M.: INFRA-M, 2003, 972. (In Russ.)]
9. Оборина О. Е. Экономическая эффективность: понятие и сущность. *Молодой ученый*. 2020. № 23. С. 427–429. [Oborina O. E. Economic efficiency: concept and essence. *Molodoi uchenyi*, 2020, (23): 427–429. (In Russ.)] https://elibrary.ru/zqkrze
10. Герсонская И. В. Научные подходы к экономической категории «эффективность государственного сектора». *Вестник Евразийской науки*. 2020. Т. 12. № 2. [Gersonskaya I. V. Scientific approaches to the economic category "efficiency of the public sector". *The Eurasian Scientific Journal*, 2020, 12(2). (In Russ.)] https://doi.org/10.15862/26ECVN220
11. Герсонская И. В. Содержание и сущность экономической категории «эффективность государственного сектора экономики». *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2020. Т. 9. № 3. С. 118–122. [Gersonskaya I. V. Content and essence of the economic category "efficiency of the public sector of economy". *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*, 2020, 9(3): 118–122. (In Russ.)] https://doi.org/10.26140/anie-2020-0903-0025
12. Абрамов С. С. Социально-экономическая эффективность сферы услуг и методы управления ею (на материалах Ростовской области): автореф. дис. … канд. экон. наук. Шахты, 2011. 25 с. [Abramov S. S. *Service sector's socio-economic efficiency and its management methods (based on the materials of the Rostov region)*: Cand. Econ. Sci. Diss. Abstr. Shakhty, 2011, 25. (In Russ.)] https://elibrary.ru/zojikn
13. Марков М. Технология и эффективность социального управления. М.: Прогресс, 1982. 267 с. [Markov M. *Technology and efficiency of social management*. Moscow: Progress, 1982, 267. (In Russ.)]
14. Рождественская Н. В., Богуславская С. Б., Боброва О. С. Оценка эффективности проектов некоммерческих организаций, социального предпринимательства и гражданских инициатив. СПб: СПбПУ, 2016. 168 с. [Rozhdestvenskaia N. V., Boguslavskaya S. B., Bobrova O. S. *Evaluation of the effectiveness of projects of non-profit organizations, social entrepreneurship and civic initiatives*. St. Petersburg: СПбПУ, 2016, 168. (In Russ.)] https://elibrary.ru/zakysr
15. Костюкова Т. С. Социальная эффективность услуг государства населению региона: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Тюмень, 2013. 22 с. [Kostyukova T. S. *Social efficiency of state services to the population*: Cand. Soc. Sci. Diss. Abstr. Tyumen, 2013, 23. (In Russ.)] https://elibrary.ru/svhhdd
16. Григорьев Н. Ю., Чвякин В. А. Социальная эффективность как проблема управленческой деятельности. *Социально-гуманитарные знания*. 2020. № 3. С. 242–253. [Grigoriev N. Yu., Chvyakin V. A. Social efficiency as a problem of management activity. *Social and humanitarian knowledge*, 2020, (3): 242–253. (In Russ.)] https://doi.org/10.34823/SGZ.2020.2.51381
17. Андреева Е. И., Горшкова И. Д., Ковалевская А. С. Рекомендации по оценке социально-экономической эффективности социальных программ. Определения, подходы, практический опыт. М.: Проспект, 2014. 72 с. [Andreeva E. I., Gorshkova I. D., Kovalevskaia A. S. *Recommendations for assessing the socio-economic effectiveness of social programs. Definitions, approaches, practical experience*. Moscow: Prospect, 2014, 72. (In Russ.)]
18. Шишка К. П. Социально-экономическая эффективность деятельности учреждений социального обслуживания: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2003. 30 с. [Shishka K. P. *Socio-economic efficiency of social service institutions*: Cand. Econ. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2003, 30. (In Russ.)] https://elibrary.ru/njpjtt
19. Леванова М. Л. Социально-экономическая эффективность сферы услуг (политико-экономический аспект): автореферат дис. ... канд. экон. наук. М., 1992. 24 с. [Levanova M. L. *Socio-economic efficiency of the service sector (political and economic aspect)*: Cand. Econ. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1992, 24. (In Russ.)] https://elibrary.ru/zlbbdx

20. Паздникова Н. П. Вопросы оценки социальной эффективности программно-целевого развития региона. *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. 2019. № 1. С. 219–232. [Pazdnikova N. P. Assessment of social efficiency of the region's program and targeted development. *Vestnik Permskogo nacionalnogo issledovatelskogo politehnicheskogo universiteta. Socialno-ekonomicheskie nauki*, 2019, (1): 219–232. (In Russ.)] https://doi.org/10.15593/2224-9354/2019.1.19
21. Беляевский И. К. Социальная эффективность потребления: проблемы и оценки. *Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО*. 2014. № 3. С. 121–131. [Belyaevskij I. K. The social efficiency of consumption: problems and assessments. *Ekonomika, statistika i informatika. Vestnik UMO*, 2014, (3): 121–131. (In Russ.)] https://elibrary.ru/sfujmz
22. Stancanelli E. Institutional long-term care and government regulation. *IZA World of Labor*, 2015, 179. https://doi.org/10.15185/izawol.179
23. Andryushchenko G. I., Savina M. V., Soldatov A. A., Bikbulatova A. A., Samofatova K. A. Efficiency improvement of long-term care for senior citizens in the Russian Federation. *Academic Journal of Interdisciplinary Studies*, 2019, 8(2): 58–67. https://doi.org/10.2478/ajis-2019-0017
24. Долговременный уход: сущность, организация, технологии и средства реализации, ред. Е. И. Холстова, Л. И. Кононова. 2-е изд. М.: Дашков и К, 2020. 265 с. [*Long–term care: the essence, organization, technologies and means of implementation*, eds. Kholstova E. I., Kononova L. I. 2nd ed. Moscow: Dashkov i K, 2020, 265. (In Russ.)] https://elibrary.ru/ieulqv
25. Селезнева Е. В., Синявская О. В., Якушев Е. Л., Горват Е. С., Грищенко Н. Б., Карева Д. Е. Система долговременного ухода: уроки международного опыта для России: докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества (Москва, 5–22 апреля 2022 г.) М.: НИУ ВШЭ, 2022. 156 с. [Selezneva E. V., Siniavskaia O. V., Iakushev E. L., Gorvat E. S., Grishchenko N. B., Kareva D. E. *The system of long-term care: international experience lessons for Russia*: Proc. XXIII Yasin (April) Intern. Academic Conf. on Economic and Social Development, Moscow, 5–22 Apr 2022. Moscow: HSE, 2022, 156. (In Russ.)]

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки =
Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences

Над выпуском работали:
Литературный редактор, литературный редактор (английский язык), корректор –
Максимлюк Ирина Алексеевна.
Верстка и дизайн – Митько Наталья Викторовна.

Editorial team:
Literary editor, Literary editor (Eng.), Proof-readers –
Irina A. Maksimlyuk.
Layout and design – Natalia V. Mitko.

Контакты для сотрудничества:
Морозова Елена Алексеевна, главный редактор, КемГУ (Кемерово, Россия), morea@inbox.ru
Максимлюк Ирина Алексеевна, ответственный секретарь, КемГУ (Кемерово, Россия),
+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

Contacts for co-operation:
Elena A. Morozova, Editor-in-Chief, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia), morea@inbox.ru
Irina A. Maksimlyuk, Executive Secretary, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia),
+7(3842)55-87-61; vk-seriya@yandex.ru

Подписано к печати 10.10.2023.
Дата выхода в свет 18.10.2023.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.
Формат А 4. Усл. печ. л. – 16. Уч.-изд. л. – 14.
Тираж 500 экз. Заказ ____
Цена свободная.
Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.

vestnik-pses.kemsu.ru